МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия
ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ
Выпуск 21

 N_{2} 7(167)

Межвузовский сборник научных статей Издается с января 2004 г.

2015

Издание осуществлено за счет средств Центра педагогического и профессионального менеджмента

Учредитель: ФГБОУ высшего образования «Волгоградский государственный технический университет»

Сборник зарегистрирован в Управлении регистрации и лицензионной работы в сфере массовых коммуникаций Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия ПИ № ФС77–25660 от 13 сентября 2006 г.

Главный редактор сборника «Известия ВолгГТУ» президент ВолгГТУ академик РАН И. А. Новаков

Редакционная коллегия серии:

д-р пед. наук проректор по учебной работе Волг Γ ТУ P. M. Петрунева (ответственный редактор);

д-р филос. наук профессор факультета социальных и гуманитарных наук МГТУ им. Н. Э. Баумана *Н. Г. Багдасарьян*;

д-р филос. наук, профессор, Почетный доктор Института социологии РАН, действительный член Российской академии социальных наук *Б. З. Докторов*; д-р филос. наук, декан факультета философии и культуры РГУ *Г. В. Драч*; д-р социол. наук проф. ВолгГМУ *В. В. Деларю*;

д-р социол. наук проф. Волгтитэ В. В. Деларю, д.р социол. наук зав. каф. истории, культуры, социологии ВолгГТУ Н. В. Дулина;

академик РАО зав. каф. инженерной педагогики МАДИ В. М. Жураковский; д-р филос. наук зав. каф. философии ВолгГТУ Е. Ю. Леонтьева;

канд. социол. наук доцент ВолгГТУ Н. А. Овчар (ответственный секретарь);

д-р ист. наук зав. каф. истории ВолгГАСУ Г. В. Орлов; д-р юр. наук проф. ВолГУ И. В. Ростовщиков;

член-корр. РАО, д-р пед. наук зав. каф. ВГСПУ В. В. Сериков

Издание входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации

Печатается по решению редакционно-издательского совета Волгоградского государственного технического университета

Известия Волгоградского государственного технического университета: межвуз. сб. науч. ст. № 7(167) / ВолгГТУ. — Волгоград, 2015. — 136 с. (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания»; вып. 21).

ISBN 978-5-9948-1907-4

Выпуск посвящен Всероссийской научно-практической конференции и круглому столу «Социокультурное пространство Юга России: межнациональное и межконфессиональное взаимодействие», содержит материалы, представленные в форме докладов на конференции, статьи, раскрывающие методологические и некоторые методические аспекты гуманитарных наук.

Ил. 4. Табл. 11. Библиогр. : 317 назв.

ISBN 978-5-9948-1907-4

© Волгоградский государственный технический университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

AUTOCOAUGU INVITENDO HOFUG	
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
Полежаев Д. В. Проблема динамики этнических процессов в зеркале ментального подхода	:
Естрина О. В.	
Культурный ландшафт как фактор бытийности социокультурного пространства региона	(
Алексева В. А.	
«Языковая миграция» в науке как проблема научного познания	
в постиндустриальной России	12
Дьякова М. Г., Дьякова А. А.	
Интеграционный потенциал культуры в поликультурной среде	1:
. L.,	
СОЦИОЛОГИЯ	
Овшинов А. Н.	
Этническая ментальность народов социокультурного пространства Республики Калмыкия	18
Ануфриев Д. П., Арясова А. Ю., Каргаполова Е. В.	-
Территориальная мобильность в социокультурном пространстве	
Астраханской области (по материалам конкретного	
социологического исследования)	22
Байдулаева Н. Р., Гарунова Н. Н.	
Роль СМИ в освещении этнополитических конфликтов	
(на примере проблемы восстановления Ауховского района	_
Республики Дагестан)	2:
Грянченко Т. В.	
Особенности социоэкономического взаимодействия россиян с украинскими мигрантами	2
Давыдова М. Ю.	
Украинцы Саратовской губернии во второй половине XIX – начале XX вв	29
Хамзяева О. С., Каргаполова Е. В.	
Социальная адаптация молодежи в условиях трансформации современного общества (по материалам конкретного социологического исследования)	3
Рвачева О. В., Иванов Г. Я.	
Казаки-старообрядцы Волгоградской области в конце XX – начале XXI вв	3:
Карандашов И. В.	
Роль региональной культуры в воспитании молодого поколения России (к проблеме осмысления социального статуса казачества)	3
Пасовец Ю. М.	
Теоретико-методологические основания рассмотрения мезорегиона	
как объекта социологического анализа	3
M иронова $Ю. \Gamma.$	4
Миграционная активность молодежи Астраханской области	4.
Лашук И. В.	
Динамика досуговых стратегий поведения социально-демографических и территориальных групп белорусского общества	4
и территориальных групп ослорусского общества	-11
Жизненные и профессиональные ориентиры молодых специалистов	
сферы культуры в Республике Беларусь	4
Волкова Т. П.	-
Особенности стимулирования труда молодежи в условиях социального риска	5
Дулина Н. В., Парамонова В. А.	
«День города» в системе праздничной модели современной России	54
Васильева Е. Н., Данилова Е. О.	
Социально-экономическая активность мигрантов	
в пространстве города Волгограда и Волгоградской области	6
Демидов Н. Н., Зуева О. В.	
О некоторых аспектах современных миграционных процессов	
в представлениях российских граждан	
(по возун тотом соннологинеских иссладований)	6

Ельникова Г. А., Курцева Т. В.
Профессиональные образовательные стратегии молодежи как отражение гендерной социализации
<i>Грошева Л. И., Ханбеков Э. Р.</i> Развитие человеческого потенциала молодежи в рамках бизнес-образования 72
Полтавская М. Б. Ресурсные центры социально ориентированных некоммерческих
организаций как элемент инфраструктурной поддержки
Сосновская Н. А. Семейная политика Республики Беларусь: социологический анализ
Семейная политика Республики Беларусь: социологический анализ
Сравнительный анализ качественного «наполнения» публикаций
о Великой Отечественной войне в белорусских и российских печатных СМИ 81
ИСТОРИЯ
Воробьев Е. П. Религиозная ситуация в Царицыне в конце XIX – начале XX вв
Xалилова А. С., Гебеков Г. Ф., Лысенко Ю. М.
Социально-политическое развитие Дагестана в 1989–2000 годах: экспертные мнения, интервью, выступления
<i>Братолюбова М. В., Брызгалова И. Г.</i> Либеральное движение Дона в конце XIX – начале XX вв.:
социокультурные особенности
Наумов И. Н., Шарапов Д. Ю., Раскалиева З. М.
Освоение и изучение Нижнего Поволжья (от эпохи Ивана IV до Петра I) и его значение для развития регионального туризма
Пищулина С. Ю.
Политико-правовое обоснование привлечения рабочих кадров на восстановление Сталинграда
Иосько А. А.
Репрезентация памяти о победе в Великой Отечественной войне на страницах донской периодической печати
на страницах донской периодической печати
Новаторство Волжского политехнического института
в сохранении историко-культурного наследия народов России
ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ
Машенцева Н. В. Патриотическое воспитание и становление личности
Зиновьева Д. М.
Толерантность в полиэтнической среде:
психологическое благополучие России
К вопросу формирования образовательной среды вуза
с учетом национальных особенностей обучающихся
Черняева А. В. Психологические условия воспитания и развития личности
Розка В. Ю.
Организационно-методическое сопровождение пропедевтики профессионального стандарта «педагог»
в дополнительном профессиональном образовании (гендерный аспект) 121 Аксютина И. В.
Самостоятельная работа как средство вовлечения учащихся в творческую деятельность
Миронова Ю. Г., Зулькорнеева Л. И.
Формирование толерантности в студенческой среде современного вуза (на примере Астраханского государственного университета 127
Абросимова Л. Φ .
Воспитание толерантности и культуры межнационального общения в системе высшего профессионального образования
как основы стабильности функционирования российского общества

УДК 101.1:903.7.031+930.85.130.2 ББК С 60

Д. В. Полежаев

ПРОБЛЕМА ДИНАМИКИ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ЗЕРКАЛЕ МЕНТАЛЬНОГО ПОДХОДА

Волгоградская государственная академия последипломного образования

E-mail: polezh@mail.ru

В работе рассматриваются некоторые аспекты развития больших этнокультурных феноменов на основе теории культурно-исторических типов. Обозначаются особенности ментального подхода к изучению исторической мобильности этносов, основанного на функционировании глубинно-психических социально-культурных установок общества, социальной (этнической) группы и отдельного индивида. Выделяются уровни этнокультурной идентичности — национально-государственный, национально-этнический и национально-региональный. Ментальный подход, разрабатываемый автором, предлагается как философскометодологическая основа осмысления динамики этнических процессов в контексте взаимодействия современного обшества и человека.

Ключевые слова: методология, ментальный подход, философия истории, национально-государственное сознание, культурно-исторический тип, региональная специфика, «диалог культур», этнос, социальная динамика.

D. V. Polezhayev

THE PROBLEM OF THE DYNAMICS OF ETHNIC PROCESSES IN THE MIRROR OF MENTAL APPROACH

Volgograd State Academy of Postgraduate Education

The paper deals with some aspects of the development of large ethnic and cultural phenomena on the basis of the theory of cultural-historical types. Design characteristics of the mental approach to the study of historical mobility of ethnic groups, based on the functioning of deep-psychological, socio-cultural society, social (ethnic) groups and individual. Stand levels ethno-cultural identity – national state, national, ethnic, national and regional. Mental approach developed by the authors, is offered as a philosophical and methodological basis for understanding the dynamics of ethnic processes in the context of the interaction of modern society and the individual.

Keywords: methodology, the mental approach, philosophy of History, national and state consciousness, cultural-historical type, regional specificity, a «dialogue of cultures», ethnicity, social dynamics.

Становление этнического сознания большой социальной группы связано с развитием этноса как специфического большого объединения людей, относительно устойчивого в историческом протяжении. Этнос, этническая общность, народ в современном социально-гуманитарном знании традиционно понимается как «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающая единым языком, общими относительно стабильными особенностями культуры и психики, а также общим самосознанием (сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований), зафиксированным в самоназвании» [14].

В общенаучном социально-гуманитарном отношении известны этапы развития этноса, народа, цивилизации, т. е. его своеобразные «возрасты», которые не вызывают сомнений исследователей. Их смену вполне убедительно сформулировал в свое время еще Н. Я. Данилевский [4], а за ним и О. Шпенглер [12]. К числу последователей этой теории «культурно-исторических типов» традиционно относят также А. Тойнби и Ф. Фукуяму, хотя философское творчество последнего, на наш взгляд, вполне выпадает из общей концептульной канвы, задуманной Н. Я. Данилевским. Тем не

[©] Полежаев Д. В., 2015

менее, напомним выделенные Н. Я. Данилевским и подтвержденные его последователями «возрасты» народа: юность (развитие), зрелость (устойчивое развитие), старость (стагнация) и дряхлость (умирание).

В контексте указанной концепции данные процессы могут рассматриваться как вполне логичные. Возрастание цивилизационных признаков народа сопровождается снижением его сопротивляемости к внешним воздействиям со стороны «молодых» народов, для которых «писанные» законы, нормы и правила жизни не являются абсолютным ориентиром.

Динамичность социальных, в том числе этнических, процессов может рассматриваться исторически и в контексте феномена социальной мобильности (в первую очередь, с точки зрения учения П. А. Сорокина). Здесь «вертикальная» мобильность означает возрастание народа в плане «цивилизованности», а горизонтальная» мобильность, таким образом, есть не что иное как пространственное перемещение народа, т. е. те самые этнические миграции, имеющие ярко выраженную самобытность – языковую, религиозную, поведенческую и др.

Фиксирование социальных установок – преднастроенностей (стереотипов, привычек) восприятия, оценивания и реализации в поведенческих моделях многочисленных (и прирастающих с развитием общества) культурных сфер относится, вне всякого сомнения, к сфере функционирования феномена менталитета и может быть рассмотрено через призму ментального подхода. В рамках ментального подхода феномен «диалога культур», сопровождающий всякое межнациональное взаимодействие, может рассматриваться как обмен установочными состояниями отдельного индивида, малой социальной группы и большого сообщества людей [1, с. 22–27].

«Ментальный диалог» есть обмен-заимствование у противоположного субъекта тех или иных характеристик глубинно-психического плана, либо наделение его функциональными установками — способностями воспринимать те или иные явления окружающей действительности — социального или природного мира, особенностями оценивания этих феноменов исходя из наличной культуры, устойчивой в определенном историческом времени. А для этнических групп это — «время большой длительности», занимающее жизнь многих поколений людей данного этноса, системы ценностей этноса: норм и правил, императивов и запретов, а также реализации этой глубиннопсихической работы в тех или иных внешних проявлениях — действиях, поступках, принятиях решений и т. п., выполняемых не в результате длительного обдумывания, соотнесения с теми или иными нормами, а «автоматически» и относительно мгновенно [3; 10]. В таком ключе функциональные ментальные установки выступают как «социальные аттитюды» — стереотипы или привычки социального поведения.

Ментальный подход справедливо рассматривается как философско-методологическая *основа* осмысления различных процессов социально-индивидуального плана, позволяющая представить разномасштабные, в том числе большие социальные, процессы как ментальный перенос, трансляцию тех или иных значений культуры из одного социального (в том числе национально-этнического) пространства в другое. Мы исходим из того, что методология – это не только «путь» – набор методов и приемов исследования, но и поиск опорных точек философского осмысления различных особенностей взаимодействия человека и общества, к числу которых относятся общенаучные и собственно философские идеи, принципы ученой деятельности. Именно поэтому ментальный подход, полагаем, может быть помещен в пространство философской методологии вполне убедительно.

Подчеркивая историко-этнологический аспект ментального подхода, укажем, что методологические основания традиционных для социально-гуманитарных наук подходов выступают в определенном смысле как рядоположенные. Они рассматривают общие аспекты исследуемых этнических феноменов в историческом протяжении. Поэтому важно выделение собственно ментальных составляющих — конструктов, которые выступают в пространстве научного исследования как этнические константы.

С. В. Лурье, рассматривая историко-этнологические вопросы бытия национальных культур, подчеркивает некоторые методологические основы их исследования, существенные в плане понимания особенностей ментального подхода [6]. В качестве методологических констант выделяются историко-этнологические положения, убедительные и для исследований ментального плана: неизменность этнических констант при исторической изменчивости исторической картины мира; взаимодействие внутри этнических групп в пространстве единого общества; наличие основной

культурной темы, волнообразно изменяющейся в историческом протяжении; дисфункция / разрушение социальной ткани этнической общности дополняется ее способностью к органическому самоструктурированию; носители личностного сознания этноса выступают акторами зачастую антипрагматически настроенной этнической деятельности [7, с. 46–51].

С. В. Лурье замечает, например, что «изучая этноисторию и этнополитологию, анализируя идеологические тексты, используя другие аналогичные приемы, исследователь может размещать всю полученную им информацию по следующим графам:

- 1. Характеристики, приписываемые самим себе.
- 2. Характеристики, приписываемые дружественной силе.
- 3. Характеристики, приписываемые враждебной силе.
- 4. Способы противодействия злу.
- 5. Характеристики, определяющие субъект действия и т. п.
- 6. Характеристики, определяющие условия, делающие начало и продолжение действия возможным» [6, 437]. Эти характеристики самосознания или самопрезентации этноса важны с точки зрения обозначения общих подходов к изучению характера народа, его глубинных ментальных (психического плана) особенностей.

Историко-этнологические аспекты оформления методологических оснований ментального подхода заслуживают внимания, поскольку являются живыми и жизненными, актуализируясь не только в пространстве научных исследований современного социогуманитарного знания, но и в социально-индивидуальной деятельности отдельного человека, а также существенными с точки зрения защиты национальной безопасности государства [13].

Однако если мы говорим о динамичности (т. е. открытости) взаимодействия культур в контексте миграционных процессов с точки зрения феномена идентичности [8, с. 29–34], то полагаем важным подчеркнуть его уровневый характер. Конечно, это уровни индивидуального самоопределения, которое в дальнейшем переносится на ту или иную социальную группу или общество в целом.

Первый уровень идентичности (а именно на нем современные федеральные государственные образовательные стандарты останавливают свое внимание в порядке требований к образованию и качествам личности гражданина России) – это уровень национально-государственный. Ведущими здесь выступают такие понятия (и соответствующие им феномены), как «нация», «патриотизм», «суперэтнос», «государственное сознание», «гражданственность», «Отечество» и т. п., соответствующие по масштабу.

Весьма яркий пример миграционных процессов национально-государственного плана — потоки в Европу беженцев из Сирии, Афганистана, Ирака и ряда африканских государств, принявшие особенно массовый характер с лета 2015 г. Примечательно, что к пострадавшим в Сирии от боевых действий сирийской армии с официально запрещенной в России преступной группировкой «Исламское государство» присоединились жители других стран. И европейцы не смогли отличить их от действительных сирийских беженцев. Нам думается, это во многом связано с известным европейским высокомерием, пренебрежением к историческим судьбам и культуре других народов, неспособностью коммуницировать с ними на основе равного диалога, с правом на «самость», специфику и особенности жизни. Ментальные установки афро-азиатских народов кардинально отличаются от европейских, предполагая достижение совершенно иных целей, отвечающих национально-государственной самобытности; и они будут продвигать в повседневную жизнь свои внутренне обусловленные ментальные проекты [2, с. 108–133]. В этом, нам представляется, заключается одна из главных проблем перспектив развития современной европейской цивилизации.

Второй уровень самоопределения – это *национально-этнический*, прямо связанный, как в нашем случае, с национальной составляющей миграционных процессов. Ведущими здесь являются понятия «национальность», «малый народ», «народность», характеризующие состав того или иного большого народа – «суперэтноса» (россиянин, европеец, американец, советский человек). Сюда же может быть отнесено такое неоднозначное понятие, как «толерантность», которое мы понимаем не как терпимость, некритичность или неспособность к сопротивлению или даже простому противодействию внешним влияниям, а как «допущение иного», не означающее полного приятия, но лишь декларирующего ненасилие в отношении того или иного «чужого», «другого», «не-Я» [11, с. 75–90].

Третий уровень – национально-региональный, или, как отмечается в «Концепции духовнонравственного развития и воспитания личности гражданина России», – это уровень местного сообщества [5]. Здесь могут быть выделены субэтносы – относительно устойчивые группы в рамках того или иного большого народа (национальности), имеющие национальное самоназвание (казаки, поморы, крешены) или самоназвание, связанное с местом проживания (волгоградцы, сибиряки, москвичи, волжане и т. д.)

Понятно, что эти уровни идентичности могут быть продолжены до уровня семьи, личности. Важно подчеркнуть, что все они, действительно, фиксируются в содержательном отношении и оформляются в рамках семьи и ближайшего социального окружения в сознании данной конкретной личности, выстраивающей соответствующие векторы идентификации и присваивающей окружающие ее смыслы и ценности на ментальном уровне.

Здесь закономерность: личность, становящаяся в пространстве ценностей культуры данного конкретного народа, в том числе включающая и его этническое своеобразие, в дальнейшем сама становится тем самым камешком в фундаменте этнического здания, без которого это здание может утратить свою устойчивость на сколько-нибудь значительном отрезке времени, тем более – в длительном историческом протяжении. В этом заключается особенность взаимодействия личности с социальной средой, большим сообществом окружающих людей.

Особенностью личности, представляющейся нам как человек, обладающий необходимым минимумом прав, достоинств и соответствующих гарантий, как самобытный индивидуум (обладающий хотя бы минимумом этой самобытности), способный регулировать, ограничивать свое поведение различными стандартами: юридическими, экономическими, техническими, является то, что сама по себе она противостоит среде (в том числе этнической), ее окружающей, так как по сути своей личность автономна, самостоятельна в занятиях и свободна в решениях [9, с. 158]. Но в то же время личность принадлежит среде (в том числе в этническом ее понимании), так как делает свой выбор, принимает решения и действует в рамках социума, строит поведение по стандартам, которые установлены в этом обществе, а также ограничена со стороны других личностей, находящихся в плоскости одного с ней социального пространства и времени.

В рамках ментального подхода это понимать так, что однажды сформированные установки восприятия, отношения и поведения – не исчезают вовсе; они могут затухать в изменяющихся условиях, но в контекстной ситуации вновь актуализируются и выступают как своеобразный духовный, точнее – глубинно-психический, стержень индивида, социальной группы, общества, государства.

Вопросы этнической динамики социально-индивидуального плана нуждаются, в силу своей открытости, в продолжительном аспектном изучении и осмыслении в философско-методологическом ключе, т. е. через призму ментального подхода, актуализирующегося сегодня в отечественном социально-гуманитарном знании.

- 1. *Грановская*, *Р. М.* Защита личности: психологические механизмы / Р. М. Грановская, И. М. Никольская. СПб. : Знание, 1999. 352 с.: ил.
- 2. *Гуляихин*, *В. Н.* Правовой менталитет российских граждан / В. Н. Гуляихин // Юридические исследования. 2012. № 4. С. 108–133.
- 3. *Гуревич*, А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. М. : Индрик, 1993. 328 с. (Сер. «Бибка студента. История»).
- 4. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский; сост. и коммент. Ю. А. Белова; отв. ред. О. Платонов; Ин-т русской цивилизации. Изд. 2-е. М.: Благословение, 2011. 806 с.
- 5. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. М.: Просвещение, 2009. 24 с. (Сер. «Стандарты второго поколения»).
 - 6. Лурье, С. В. Историческая этнология / С. В. Лурье. М.: Аспект-Пресс, 1997. 448 с.
- 7. *Полежаев, Д. В.* Границы этнокультурности: ментальный аспект социальной теории / Д. В. Полежаев // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: М. А. Можейко [и др.]. Гродно: Изд-во ГрГУ, 2012. С. 46–51.
- 8. Полежаев, Д. В. Российская идентичность в исторической динамике: ментальные аспекты исследования / Д. В. Полежаев // Известия ВолгГТУ: межвуз. сб. науч. ст. № 2 (155) / ВолгГТУ. Волгоград, 2015. (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания»; вып. 20). С. 29–34.
- 9. Полежаев, Д. В. Русский менталитет: опыт социально-философского анализа: дисс. ... докт. филос. наук: (09.00.11 социальная философия): Волг. гос. пед. ун-т / Полежаев Д. В. Волгоград, 2011. 330 с.

- 10. Полежаев, Д. В. Русский менталитет: социально-философское осмысление: монография / Д. В. Полежаев ; ВГИПК РО. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. 370 с.
- 12. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / О. Шпенглер; пер. с нем., вст. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993. 663 [1] с.
- 13. Этнодемографические факторы национальной безопасности России : матер. межд. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 25 янв. 2008 г.) / Балт. гос. техн. ун-т. СПб. : Изд-во БГТУ «Военмех», 2008 166 с.
 - 14. Этнопсихологический словарь / под ред. В. Г. Крысько. М.: Изд-во МПСИ, 1999. 343 с.

УДК 008 ББК 71.07

О. В. Естрина

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ФАКТОР БЫТИЙНОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: olgaestrina@rambler.ru

В статье рассмотрен культурный ландшафт, выступающий как основа формирования социокультурного пространства региона, и выявляется один из значимых элементов культурного ландшафта – «переживаемое пространство», отражающее экзистенциальные аспекты пространственных феноменов.

Ключевые слова: социокультурное пространство, культурный ландшафт, «переживаемое пространство».

O. V. Estrina

CULTURAL LANDSCAPE AS A FACTOR OF SOCIO-CULTURAL SPACE OF BEINGNESS REGION

Volgograd State Technical University

The article describes the cultural landscape, acting as a basis for the formation of socio-cultural space in the region, and revealed one of the most important elements of the cultural landscape – "experienced space" reflecting the existential aspects of spatial phenomena.

Keywords: socio-cultural space, cultural landscape, "experienced space".

Социокультурное пространство региона как часть культурной системы общества формируется, развивается и функционирует как явление, имеющее конкретные координаты: географическое пространство, экономическую, демографическую, этнорелигиозную, информационно-культурную специфику, так как региону как конкретной территориальной единице присуще и своеобразие культурно-исторических процессов, и относительно устойчивые черты социально-экономического развития. Несмотря на включенность региона в единую цивилизационную ткань России его социо-культурное пространство уникально, так как формируется на основе географических, экономических, социальных, этнических особенностей территории. В региональном социокультурном пространстве отражается социально-исторический опыт людей, живущих на данной территории, представителей разных социальных групп, национальностей, вероисповеданий, разных хозяйственных практик и традиций, из синтеза которых в результате и возникает его уникальная специфика.

Исходя из принципов топологической концепции следует заметить, что одним из глобальных полей, оказывающих определяющее воздействие на формирование социокультурного пространства, является природно-экологическое поле региона [12, с. 46–47; 3, с. 79]. Осваивая определенное природное окружение, определенные территориально-ландшафтные условия, те или иные этносоциальные группы вырабатывают свои специфические формы существования через определенные виды деятельности, воплощенные в хозяйственных практиках, а также через различные способы осмысления территории в культурных феноменах. Иными словами, создается специфическое социокультурное пространство, формирующееся сложной системой освоения природно-экологического поля. Специфика территории определяет несколько уровней социокультурной деятельности: уровень хозяйственных практик, возникающих в контексте природных характеристик и состоящий

[©] Естрина О. В., 2015

из производственной культуры и культуры жизнеобеспечения; уровень понятийности, приводящий к конструированию пространства определенного типа культуры, так называемой социально-экологической подсистемы, в рамках которой реализуются экономические, политические и демографические факторы; и уровень рефлексивности, когда результатом бытия определенных типов локальных культур становится формирование специфического культурного пространства.

Таким образом, в результате описанных процессов возникает сложная взаимовлияющая система природных, социальных и культурных элементов, сосуществующих и взаимодействующих в пространстве как социокультурно-природный комплекс, претерпевший эволюцию от природного к культурному в процессе культурогенеза. Играя определяющую роль в формировании социокультурного пространства, рассмотренные процессы неизбежно становятся важнейшим пунктом исследований, происходящих в настоящее время в регионалистике, культурологии, социальной антропологии, культурной географии, социальной философии, а для обозначения рассмотренных феноменов используется термин «культурный ландшафт».

Само понятие «культурный ландшафт» приходит в социогуманитарные исследования в начале ХХ века из географии, благодаря чему до сих пор в исследованиях данного феномена сохраняются два вектора – гуманитарно-географический и философско-культурологический. Можно сказать, что первый подход берет свое начало из трудов Л. С. Берга, К. Зауэра, О. Шлютера, Ю. Г. Саушкина, для которых культурный ландшафт был, перво-наперво, материальным результатом антропологической деятельности. Постепенно, к концу XX века, дефиниция понятия расширяется, включая в себя и слой нематериальной (духовной) культуры. Такое расширение смысла подразумевает, что закономерности формирования культурного ландшафта связаны не только с процессом преобразования природы, но и с процессом наделения человеком среды своего обитания атрибутами ценностей и смыслов культуры [2, 5, 6, 7]. Философское направление, начатое еще в трудах В. И. Вернадского и П. А Флоренского и продолженное в работах М. М. Бахтина, В. М. Топорова, Ю. М. Лотмана, Г. Гачева и О. А. Лавреновой, В. А. Подороги, актуализирует проблему взаимодействия культуры и пространства [1, 14, 9, 8, 12]. В целом, представители данного подхода трактуют культурный ландшафт как особую форму пространственного бытия культуры, как способ видения мира, отражающегося в социальной, экономической и политической структуре общества. Другими словами, в настоящее время два подхода трактовки культурного ландшафта сближаются в позиции актуализации «переживаемых» аспектов пространства, возникающих в процессе познавательной деятельности человека.

Таким образом, можно сказать, что в настоящее время при анализе культурного ландшафта акцентируется не утилитарное, а символическое и семантическое освоение пространства, отличающееся эмоциональной напряженностью и образной насыщенностью. А дефиниция культурного ландшафта расширяет свое содержание, насыщаясь экзистенциальными смыслами. Поэтому представляется необходимым выявить сущностные признаки и характеристики культурного ландшафта, выделив в его структуре феномен «переживаемого пространства». Данный феномен отражает процесс перцептивного освоения природной среды и экзистенциальные результаты этого освоения, возникающие на пересечении телесности и ментальности. Это осознанная и оформленная репрезентативная часть природного пространства, данная не только в ощущениях, но в образах и символах, отражение пространства в менталитете, кодах, смыслах культуры, в мифопоэтической традиции, в осознании топофобных и топофильных мест. Кроме того, феномен «переживаемого пространства» позволяет рассмотреть механизм образной интериоризации, переводящей внешние природные объекты в символические образы социокультурного пространства [4, с. 71].

Культурный ландшафт, понимаемый как жизненное пространство группы людей, прагматически, семантически и символически освоенное, рассматривается в качестве основы «построения» социокультурного пространства. Это феномен, при помощи которого не только осваивается реальное природное пространство, но и происходит процесс идентификации культуры, позволяющий членам социокультурной общности обживать, осваивать окружающий мир в экзистенциальном плане [11, с. 145]. Это среда, позволяющая формировать отношения культуры, человека и реальной территории, превращая их в целостный феномен социокультурного пространства.

По своему морфологическому строению культурный ландшафт региона неоднороден. Как предлагает А. В. Лысенко, опираясь на этнокультурное и природное районирование, учитывая

центрированность территорий и исторически сложившуюся функциональность, а также дополняя эти параметры конфессиональными, лингвистическими и хозяйственно-экономическими характеристиками, можно выявить иерархиезированную совокупность элементов [10, с. 81]. В этой совокупности роль морфологических единиц культурного ландшафта играют природно-культурные местности и урочища, из которых формируются культурно-ландшафтные округа, создающие, в свою очередь, культурно-ландшафтные области и провинции. Самыми значимыми морфологическими единицами являются культурно-ландшафтные края, которые и складывают культурный ландшафт региона как такового. Рассматривая морфологию культурного ландшафта Юга России, можно предположить, что в качестве культурно-ландшафтных провинций региона могут выступать природные парки и заповедники, которые не только выполняют функцию охраны экосистем, но и становятся отражением природной специфики той или иной территории региона. Кроме того, данные культурно-ландшафтные провинции обладают потенциалом стать опорными пунктами системы туристско-рекреационных зон, призванных актуализировать социокультурное пространство региона. Таким образом, культурный ландшафт продолжает создавать все новые условия и возможности для развития социокультурного пространства региона, выступая фактором его бытийности.

- 1. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литература и эстетики. М.: Художественная литература. 1975. С. 234–407.
- 2. Веденин, Ю. А. Культурный ландшафт как объект наследия / Ю. А. Веденин. М. : Институт Наследия : СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.
- 3. Естрина, О. В. Природно-экологическое поле как основание формирования социокультурного пространства региона / О. В. Естрина, О. И. Ситникова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, № 6, Ч. 2. Тамбов : Грамота. 2012. С. 78—81.
- 4. *Естрина, О. В.* Влияние природно-экологического поля на формирование пространства казачьей сказки / О. В. Естрина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, № 6 (56), Ч. 1. Тамбов : Грамота. 2015. С. 71—74.
- 5. Замятин, Д. Н. Культура и пространство : Моделирование географических образов / Д. Н. Замятин. М. : Знак, 2006. 488 с.
- 6. *Каганский, В. Л.* Ландшафт и культура / В. Л. Каганский // Общественные науки и современность, № 1, 1997. С. 134–142.
 - 7. Калуцков, В. Н. Ландшафты в культурной географии / В. Н. Калуцков. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
- 8. *Лавренова, О. А.* Пространство и смыслы: семантика культурного ландшафта / О. А. Лавренова. М. : Ин-т Наследия, 2010. 330 с.
 - 9. *Лотман. Ю. М.* Семиосфера / Ю. М. Лотман. СПб. : Искусство-СПб. 2010. 704 с.
- 10. *Лысенко, А. В.* Эволюционный подход в выделении и типологии современных культурных ландшафтов Северного Кавказа / А. В. Лысенко // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2011. № 1. С. 78–86.
- 11. *Никитина*, *А. В.* Культурный ландшафт как опыт переживания пространства / А. В. Никитина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, № 6 (12), Ч. 2. Тамбов : Грамота. 2011. С. 144–146.
- 12. *Подорога, В. А.* Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX вв. / В. А. Подорога. М.: Наука. 1993. 320 с.
- 13. Социокультурное пространство региона: методология исследования: коллективная монография / Н. В. Дулина, О. В. Естрина, Т. И. Игнатенко. М. М. Самчук, О. И. Ситникова. Волгоград: Волгоградское научное издательство. 2011. 132 с.
 - $14.\ \mathit{Tonopos},\ \mathit{B}.\ \mathit{H}.\ \mathsf{Пространство}\ \mathsf{u}\ \mathsf{текст}\ /\ \mathsf{B}.\ \mathsf{H}.\ \mathsf{Топоров}\ /\!/\ \mathsf{Семантика}\ \mathsf{u}\ \mathsf{структурa}.\ -\ \mathsf{M}.\ \mathsf{:}\ \mathsf{Hayka},\ 1983.\ -\ \mathsf{C}.\ 227-284.$

УДК 130.2

В. А. Алексеева

«ЯЗЫКОВАЯ МИГРАЦИЯ» В НАУКЕ КАК ПРОБЛЕМА НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ РОССИИ

Российский государственный социальный университет, Филиал в г. Анапе

E-mail: ava-a63@mail.ru

Статья посвящена обоснованию проблемы влияния инонациональной языковой среды на эффективность научной деятельности в постиндустриальной России. Исследуется фундаментальная обусловленность языка науки особенностями национального мировосприятия. Проводится идея о невозможности адекватного осмысления научного текста в инонациональной языковой среде и о снижении роли отечественной науки в мировом научном процессе как следствии языкового универсализма.

Ключевые слова: российская наука, национальное мировосприятие, национальная культура, научный текст, национальный язык, глобализация.

V. A. Alekseeva

«LANGUAGE MIGRATION» IN THE SCIENCE AS A PROBLEM OF SCIENTIFIC COGNITION IN THE POSTINDUSTRIAL RUSSIA

Branch of Russian State Social University in Anapa

The article is devoted to the problem of foreign language environment's influence on the effectiveness of the scientific work in the postindustrial Russia. The main scientific language's dependence upon the national outlook is investigated. The ideas of impossibility of adequate comprehension of the scientific text in the foreign language environment and of the reduction of the role of Russian science in the world scientific process on account of language universality are supposed

Keywords: Russian science, national view, national culture, scientific text, national language, globalization.

Хорошо известно, что во времена СССР наука в нашей стране по уровню своего развития находилась на одном из лидирующих мест в мире. Она отличалась высокой степенью фундаментальности, в процесс научного поиска были вовлечены лучшие человеческие и материальные ресурсы. Наука была тогда объектом самого пристального внимания со стороны государства, а о наших достижениях в области космонавтики, микробиологии, генетики, ядерной физики, медицины и мн. др. отраслей науки знает сегодня каждый. Наша страна была знаменита своими лучшими в мире физической и математической школами, а ускоренное развитие различного рода технологий было острейшей необходимостью в условиях глобального противостояния мировых сверхдержав. Однако эпоха эта закончилась вместе с распадом индустриальной цивилизации в СССР, и последовали серьезные и все более тревожные сбои научного процесса.

Ныне ученых тревожит низкий КПД огромной армии научных работников. Идеи мирового уровня все чаще оказываются «чрезвычайным происшествием» в отечественной науке. В конце концов, научным сообществам стало спокойнее признавать, что интересное явление открыто за рубежом, но не соотечественниками. Думается, эта ситуация во многом стала причиной своеобразной «языковой экспансии» Запада в сферу научной деятельности в постиндустриальной России, причем экспансия эта, в свою очередь, оказывается весьма деструктивным фактором для нашей и мировой науки.

Вольтер, будучи одним из первых исследователей философии и научного творчества И. Ньютона, писал по поводу своих переводческих опытов следующее: «Я осмелился перевести несколько отрывков из лучших английских поэтов и предлагаю вам отрывок из Шекспира. Будьте снисходительны к переводу во имя оригинала и вспоминайте всякий раз, когда вы видите перевод, что перед вами всего лишь бледная копия прекрасной картины» [1, с. 161]. Далее Вольтер приводит в собственном переводе на французский язык хорошо известные слова Гамлета, и мы не узнаем их. «Не думайте, – как бы оправдывается философ, – что я передал здесь английский текст слово в слово. Горе тем, кто переводит буквально и, передавая каждое слово, обескровливает смысл. Именно в этих случаях следует сказать, что буква убивает, а дух дает жизнь» [1, с. 162].

_

[©] Алексеева В. А., 2015

Как ни парадоксально, в сегодняшнем мире, тотально охваченном информационной сетью, не очень просто перевести литературный или научный текст с одного языка на другой. Это чрезвычайно трудно сделать не только в случаях перевода с какого-либо европейского языка на японский или китайский язык. Это трудно сделать и тогда, когда перевод осуществляется с одного европейского языка на другой европейский язык, например, с английского на русский.

Вот как резюмируют свой труд переводчики книги М. Полани «Личностное знание». Ее перевод с английского языка на русский «...оказался делом непростым. И не столько потому, что автор свободно оперирует специальными знаниями из самых различных областей, сколько в силу тех самых особенностей мышления и языка, которые стали основным предметом этой работы» [2, с. 16]. Не следует ли отсюда вывод, что, лучше не переводить, чем переводить плохо? Думается, что имеются все основания для известного ответа на этот вопрос, и вот почему.

Немецкий язык – язык науки XVIII – начала XX века – сегодня сдал свои позиции резко и, похоже, необратимо. Историки науки заговорили об исчезновении немецкой физики «после Гитлера». Действительно, хотя сегодня в ФРГ физиков не меньше, чем в довоенной Германии, но их вклад в мировую науку не является даже бледным подобием того, что вносила германская нация в любой, сравнимый по продолжительности с послевоенным, период времени с XVIII до начала XX века.

Сегодня в подобной ситуации может оказаться и великий русский язык. Хорошо известно, что российские ученые в своих публикациях в отечественных научных изданиях нередко «предпочитают» изъясняться с коллегами по-английски. Ныне в мире 85 % научной литературы публикуется на английском языке. Научные конференции, проводимые в нашей стране и с преимущественным участием наших исследователей, почему-то все чаще также проводятся на английском. Конечно, публикация научной статьи или доклада на английском языке, несомненно, облегчает контакты русскоязычного автора с его англоязычными коллегами. Но, заметим, что облегчает лишь в какойто степени, лишь в той, в какой англоязычные коллеги эту статью пожелают и смогут прочесть. А для того, чтобы с пониманием прочесть научную статью иностранца, нужно не только знать его язык, но и быть хотя бы минимально посвященным в его национальную культуру, читатель должен сделать почти невероятное — проникнуть в национальное самосознание автора.

Публикация статей на английском языке в отечественных научных журналах, имеющих, заметим, еще и англоязычные версии, выстраивает искусственные барьеры для акцептирования данной отраслью знания новых идей. В свое время В. И. Вернадский доказал, что подобного рода идеи приходят в науку не из самой науки, а из производства и обыденной жизни, из философии и религии. Но именно в этих сферах живет и развивается уникальный и неповторимый национальный язык, в свою очередь дающий жизнь всей национальной культуре, в том числе - и научному познанию. Крупнейший теолог, великий Ньютон нередко обращался к богословским аргументам для обоснования своей научной позиции. «Закон тяготения, – писал он Бентлею, – отлично объясняет удлиненную орбиту комет; что касается почти круговой орбиты планет, то нет никакой возможности уяснить себе удлинение ее в одну сторону, и потому она могла быть произведена только самим Богом» [3, с. 209]. А идея «всемирного тяготения» вообще заимствована И. Ньютоном из оккультных сфер. Кто может сегодня точно знать, из каких сфер придут, например, в ядерную физику новые идеи, способные радикально обновить эту область знания? Впрочем, ученыеспециалисты обычно о таких вещах не задумываются. И вот сейчас, используя для трансляции полученного знания чужие языковые системы, они блокируют развитие своей области исследований. Но и это еще не все. Думается, что вытеснение русского языка из научных коммуникаций чрезвычайно опасно и для мировой науки.

Поведение и мышление людей определяются языком, которым они владеют в качестве родного. «Вообразить себе язык, – пишет Л. Витгенштейн, – значит, вообразить форму жизни» [4, с. 18]. Мышление человека, и в частности, – мышление научное, в чрезвычайно высокой степени зависит от структуры языка. Язык – «душа народа» – накладывает жесткие рамки на форму изложения научного материала, на его подбор, способы работы с ним, логику построения теоретических конструкций и даже на само участие нации в развитии и освоении фундаментального знания. Национальный язык и национальное мировоззрение диктовали исследователю свои условия даже тогда, когда ученые нескольких стран Западной Европы использовали для научного общения латинский язык.

Академик А. Н. Крылов так охарактеризовал латинский язык И. Ньютона: «Вообще латынь Ньютона отличается силою выражений» [5, с. 25]. Сила и напор — непременная черта английского характера, а, значит, и характера англичанина Ньютона. Поэтому в формулировке закона инерции он предпочитает использовать здесь и другое слово, например, «persevrare», дословно переводимое как «упорно пребывать», а мог бы использовать слово «manere» — «пребывать или оставаться». Когда в «Началах» он говорит, что «... какое-либо тело действием силы отклоняется от прямолинейного пути, то употребляется не просто слово "deviatur" — "отклоняется", а "retrahitur" — "оттягивается"; про силу не говорится просто, что она прикладывается, "applicator", к телу, а "impimitur", т. е. "вдавливается" или "втискивается" в тело и т. п.» [5, с. 25]. Эти особенности английского характера, выраженные в своеобразном использовании латинского языка, стушевались общеупотребительной терминологией при переводе работ Ньютона на языки других народов.

Типично английский характер английской национальной науки прослеживается не только в трудах И. Ньютона, написанных «английским латинским» языком в терминах, которыми более пристало описывать рыцарский турнир или боксерский поединок. Сильное влияние английского характера прослеживается в работах Т. Гоббса, А. Смита, Ч. Дарвина. Для выработанного суровой морской стихией английского национального характера вообще свойственно гипертрофированное восприятие собственной личности. Она всегда воспринимает себя как сильную личность. Н. Я. Данилевский выделил это как обстоятельство, оказавшее существенное влияние на формирование английской науки. Одним из следствий этого, писал он, является нетерпимость к чужим суждениям. И эта нетерпимость в полной мере проявила себя в научной работе английской нации. В XVII веке Томас Гоббс создал политико-идеологическую концепцию, основой которой является тезис о «войне всех против всех». В XVIII веке Адам Смит выдвинул экономическую теорию, в основу которой положил идею экономического соперничества. В XIX столетии Чарльз Дарвин сформулировал и обосновал теорию эволюции видов, согласно которой в естественном отборе выживает сильнейший. «Типично английский вариант» квантовой механики возник как альтернатива ее «копенгагенской» интерпретации. Нильс Бор, глава копенгагенской школы, настойчиво предупреждал своих учеников о бесперспективности типично англосаксонского подхода к изучению квантово-механических процессов.

Вытеснение русского языка из научных коммуникаций формирует практически непреодолимые барьеры на пути инфильтрации в современную мировую науку русского национального типа рациональности и отечественных научных идей. Те, кто сегодня, либо по неведению, либо сознательно подчиняясь логике глобализации, блокирует русский язык и русскую рациональность на периферии мировой науки, формируют ситуацию, названную С. К. Шардыко «семиотической смертью нации» [6, с. 216]. Борьба либеральной утопии за технологический, культурный и языковой универсализм неизбежно ведет к утрате языкового и культурного многообразия, к исчезновению отечественной науки как участника мирового научного процесса. Эта борьба чревата, кстати, возможной победой третьей стороны, вынашивающей свой проект глобального социального порядка. У народов, владеющих иным – иероглифическим письмом, а следовательно, и иным языковым полем, иным типом рациональности, иной логикой научного поиска, появляется реальный шанс осуществить этот проект.

- 1. Вольтер. Философские повести / Вольтер. Л. : Художественная литература, 1988. 428 с.
- 2. Полани, М. Личностное знание: На пути к посткритической философии / М. Полани. М.: Прогресс, 1985. 343 с.
- 3. Цит. по: Ломброзо, Ч. Гениальность и помешательство / Ч. Ломброзо. М.: Эксмо, 2003. 832 с.
- 4. Цит. по: *Касавин, И. Т.* Теория познания в плену анархии. Критический анализ новейших тенденций в философии науки / И. Т. Касавин. М.: Политиздат, 1987. 191 с.
- 5. *Ньютон*, *И*. Математические начала натуральной философии / И. Ньютон ; под ред. Л. С Полака. М. : Наука, 1989. 798 с.
- 6. Алексеева, В. А. Русский язык и русская национальная наука объекты информационной атаки / В. А. Алексеева, С. К. Шардыко // Наука и оборонный комплекс основные ресурсы российской модернизации : матер. межрегиональной науч.-практ. конференции. Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 2012. 512 с. С. 181–222.

УДК 304.5 ББК 60.52

$M. \Gamma. Дьякова^1, A. A. Дьякова^2$

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРЫ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

¹Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет ²Волгоградский государственный социально-педагогический университет

E-mail: ¹arahna m@mail.ru, ²twinsi@mail.ru

Статья посвящена анализу интегративных возможностей культуры в эпоху глобализации. *Ключевые слова*: культура, глобализация, межкультурная коммуникация, аккультурация, адаптация, интеграция.

M. G. Dyakova¹, A. A. Dyakova²

CULTURE INTEGRATION POTENTIAL IN A MULTICULTURAL ENVIRONMENT

¹Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering ²Volgograd State Socio-pedagogical University

This article analyzes the possibilities of the integrative culture in the era of globalization. *Keywords*: culture, globalization, integration communication, acculturation, adaptation, integration.

Проблемы межкультурного взаимодействия и диалога культур приобретают в современном мире все большее значение в связи с процессами глобализации и интенсивной миграции народов. В результате длительного и плотного контакта между представителями отдельных культур происходит постепенное оформление универсальной культурной среды, которую можно определить как поликультурную, поскольку в ней присутствуют элементы многих культур, каждая из которых представляет собой сложную многофункциональную систему.

Системная целостность культуры базируется на структурно-смысловом единстве отдельных ее компонентов. Религия, наука, искусство, экономика, право, этика, социальные отношения – далеко не полный перечень культурных форм, в которых репрезентирована культурная деятельность человека. Каждая из этих форм может быть представлена в виде самостоятельной системы (или подсистемы в системе культуры). Например, система «искусство» включает в себя отдельные его виды (скульптура, музыка, театр и т. д.); каждый вид искусства разрабатывает собственные жанры (в музыке – хорал, симфония и т. д.; в театре – комедия, трагедия и т. д.); стили и направления, возникающие в отдельных видах искусства (барокко, классицизм, романтизм, и т. д.), могут получить распространение в других его видах (так, импрессионизм, первоначально возникший в живописи, довольно быстро проникает в музыку, литературу, театр). Система «религия» представлена огромным количеством религиозных учений и конфессий, а также сектами и оккультными учениями; отдельные учения и конфессии имеют внутренне разделение на ветви (в христианстве – католицизм, православие, протестантизм; в исламе – шиизм, суннизм, хариджизм и т. д.). Система «наука» состоит из отдельных видов, различных научных школ и научных направлений, подразделяется на теоретическую и прикладную отрасли и т. д. Включая в себя множество подобных сложных системных образований, культура не только обеспечивает свое богатство и значимость, но гарантирует собственную устойчивость во времени и пространстве.

Чтобы удержать в едином культурном пространстве все эти элементы, культура должна сформировать единую социокультурную общность, выработать общие установки и систему ценностей, язык, религию, нормы, традиции, в рамках которых реализуется культурная деятельность отдельных представителей данной общности. Культура как социальная память не является совокупностью умений, знаний и ценностей, а является системой норм, правил, предписаний, программ, стандартов, принципов, идеалов [1]. Объединяя людей в племена, этносы, государства, нации, религиозные, профессиональные, творческие сообщества, культура реализует свою интегративную функцию, устанавливает систему стабильных связей между индивидами и группами, обеспечивает слаженность действий внутри групп, придает уникальность каждой отдельной культуре.

[©] Дьякова М. Г., Дьякова А. А., 2015

Любая национальная культура обладает собственной культурной конфигурацией, включая в свою систему те элементы, которые соответствуют «базовой структуре характера» данного народа. Цели, к которым стремится национальная культура в своем развитии, обусловлены ее культурно-историческим и социальным опытом, ее потребностями и возможностями. В процессе материально-практической деятельности и межличностной коммуникации — как непосредственной, так и опосредованной — личность не только сохраняет в культуре устойчивые характеристики полученного опыта, но и воспроизводит, трансформирует и обогащает его, осуществляя тем самым трансляцию на принципиально новых основаниях и условиях социального развития. При всем многообразии моделей культурного развития в набор требований, предъявляемых к отдельной личности в рамках конкретной культуры, входит культурная самоидентификация личности [2].

Чувство принадлежности к одной нации, народу, религии, группе — в конечном итоге, к одной культуре — у каждого отдельного человека данной культуры формируется с момента рождения. Способы пеленания, ношения и кормления младенца, колыбельные, которые поет (или не поет) ему мать, обучение речи, ходьбе, навыкам одевания, поведения, участие (или неучастие отца) в его воспитании и т. д. в дальнейшем определяют его отношения с внешним миром. Культура учит детей, как думать, чувствовать и действовать в обществе, культура предписывает свои нормы поведения для мужчин и женщин и т. д. Личность формируется на основе единого для всех членов данного общества опыта и включает в себя такие личностные характеристики, благодаря которым индивид становится максимально восприимчивым к данной культуре и получает возможность реализовать собственный культурный потенциал, обеспечить себе комфорт и безопасность, «играя по правилам» культуры.

При попадании в инокультурную среду многие из установок оказываются непригодными и перестают действовать: логическая, эмоциональная, эстетическая согласованность культурных значений уступает место дезориетации в образно-смысловом пространстве чуждой культуры. Ощущение неуверенности, непонимания, враждебности окружающего мира, бессилие и беспокойство – такова плата за физический и эмоциональный «разрыв» с материнской культурой. Для обозначения стрессогенного воздействия новой культуры на человека в американской культурной антропологии существует понятие «культурный шок» (К. Оберг). То, что в родной культуре человек делал неосознанно, автоматически следуя сложившимся стереотипам поведения, в неродной культуре ему приходится делать осознанно, пересматривая свой социокультурный опыт и выстраивая новые алгоритмы поведения. Адаптация в новом культурном пространстве связана с преодолением «культурного шока» и установлением внешних и внутренних связей с неродной культурой при одновременном сохранении культурной идентификации [3].

Культурные контакты являются существенным компонентом общения между народами. Совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам, получила название межкультурной коммуникации. Выход из монов поликультурное пространство происходит в процессе аккультурации (длительного и плотного контакта между представителями разных культур, в результате которого происходят изменения в каждой из культур-контактеров). В культурной антропологии выделяют четыре стратегии аккультурации: ассимиляция, маргинализация, сепарация и интеграция [3]. Если в начале и середине прошлого века ассимиляция считалась наиболее выгодной стратегией, поскольку в ней возможно «породнение» культур, то на сегодняшний день отдается предпочтение интеграции, при которой происходит взаимообогащение культур при сохранении ими уникальности и самобытности. Во всех своих вариантах аккультурация предполагает вхождение в чужое культурное пространство, в котором есть «хозяин» – доминирующая нация, религия, система ценностей и норм. Интеграция достигается в том случае, если интегрирующаяся группа готова принять установки и ценности новой для себя культуры, а доминантная группа готова принять этих людей, уважая их права и ценности, адаптируя собственные социальные институты к потребностям этих групп.

Спецификой современной поликультурной среды является то, что культуры в ней самоценны и равноправны по отношению друг другу, ни одна из них не может выступать в роли «хозяина». Модель «культура-в-культуре» (субъект-объект) уже не действует, модель «культура-и-культура» (субъект-субъект) находится в стадии формирования. Многие ученые считают, что именно кризис культурной идентификации ведет к политическим, экономическим и военным конфликтам между

странами и народами, когда каждая отдельная национальная культура в страхе «затеряться» в глобальном культурном пространстве усиливает внутренний интеграционный потенциал. Мода на этнические компоненты в разных областях культуры (от языка до одежды), рост национального самосознания, борьба за автономию и традиционные ценности наблюдаются сегодня во многих культурах по всему миру.

Глобализация опасна не только унификацией генотипов культур, но и стремительным расширением информационного поля, в котором действует все больше субъектов межкультурной коммуникации. Локальные знания становятся достоянием всего мирового сообщества и могут быть использованы в попытках нарушить системный баланс культуры. Социальные, политические и экономические потрясения мирового масштаба ведут к небывалой миграции народов, их переселению, расселению, столкновению, смешению. Нарастание энтропии системы приводит к ее усложнению, культура становится менее устойчивой и более уязвимой.

Если в процессе аккультурации каждый человек решал проблемы сохранения своей культурной идентичности и включения в чужую культуру, то на современном этапе развития перед человечеством стоят проблемы сохранения культурного многообразия и интеграции нового культурного пространства, в котором формируется мультикультурная личность, способная не только признать равноценность разных культурных систем, но и обеспечить их фактическую безопасность.

- 1. Сорокин, Π . Человек. Цивилизация. Общество ; пер. с англ. / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. М. : Политиздат, 1992. 543с.
- 2. Дьякова, М. Г. Формирование компетенций межкультурного взаимодействия в учебном курсе «Культурология» / М. Г. Дьякова // Известия ВолгГТУ: межвуз. сб. науч. ст. № 24 / ВолгГТУ. Волгоград, 2014. Т. 19. С. 166–169.
 - 3. Берри, Д. У. Аккультурация и психологическая адаптация / Д. У. Берри. М.: Наука, 2002. 296 с.

УДК 1:316 (470.47) ББК С028.13 (2Рос.Калм)

А. Н. Овшинов

ЭТНИЧЕСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ НАРОДОВ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ

Калмыцкий государственный университет

E-mail: ovshinova72@mail.ru

В статье на основе данных всероссийских и республиканских мониторингов рассмотрена актуальная проблема этнической ментальности народов, проживающих в социокультурном пространстве Республики Калмыкия – субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова: этническая ментальность, социокультурное пространство, ментальное сознание, этнос, этническая идентификация, этнокультура, межэтническая интеграция, солидарность, гуманизм, национальная вариативность.

A. N. Ovshinov

ETHNIC MENTALITY OF THE PEOPLES SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE REPUBLIC OF KALMYKIA

Kalmyk State University

The article data of all-Russian and regional monitoring considers the topical issue of ethnic mentality of the peoples living in socio-cultural space of the Republic of Kalmykia – Federal subject of the Russian Federation.

Keywords: ethnic mentality, socio-cultural space, the mental consciousness, ethnos, ethnic identity, ethnic culture, ethnic integration, solidarity, humanism, national variability.

Этническая ментальность представляет собой мировосприятие представителями этнических групп, общностей, которое формируется на глубинном психологическом (сознательном и бессознательном) уровне коллективного и индивидуального сознания. Это совокупность интеллектуально-психологических, поведенческих установок индивида или этнической группы, общности, образ их мыслей, душевный склад. Ментальность рассматривается в современной науке в качестве важного фактора в жизнедеятельности этносов, которая отражает в полной мере свойства этнических общностей индустриальной эпохи — наций. Этническая ментальность формируется в недрах национальной самобытной культуры, традиций народа, социальных институтов, среды обитания этнических общностей. Этничность обозначает существование культурно-отличительных групп и идентичностей (тождественности, одинаковости).

К числу характеристик данного феномена относятся свойственные общностям характеристики, которые свидетельствуют о присутствии этничности как таковой. Это следующие характеристики (индикаторы):

- наличие разделяемых членами этнической группы представлений об общем территориальном и историческом происхождении, наличие единого языка, общих черт материальной и духовной культуры;
- политически оформленные представления о родине и особых институтах (например государственность), которые могут считаться частью того, что составляет представление о народе;
- чувство отличительности, то есть осознание членами этнической группы своей принадлежности к ней, и основанные на этом формы солидарности и совместные действия.

[©] Овшинов А. Н., 2015

Итак, этничность – это форма социальной организации культурных различий. Иначе говоря, этническая общность есть общность на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях. Этничность формируется и существует в контексте того социального опыта и процессов, с которыми связаны люди.

С внутригрупповой точки зрения, этничность основывается на комплекс культурных черт, которыми члены этой группы отличают себя от других этнических групп, даже если они в культурном отношении очень близкие.

Осознание принадлежности к определенному этносу является одной из определяющих характеристик самосознания человека. Человек ощущает себя представителем какого-либо народа, отождествляет и идентифицирует себя с ним.

Первая подсистема в структуре национального самосознания — это идеалы, взгляды, представления, касающиеся самоопределения, автономии национальной общности, ее места среди других этнических групп. Ей присущ объективный характер. Вторая подсистема связана с нравственной, этико-психологической оценкой, осознанием всей совокупности национальных ценностей. Этническая идентификация является существенным элементом национального самосознания.

Калмыкия является субъектом, органической частью России. Она ищет свой путь формирования и укрепления отношений между нациями в республике и за ее пределами. Россия и Калмыкия – это полиэтнические образования. В Республике Калмыкия, помимо калмыков (57,4 %), проживают представители бывших союзных республик СССР и многих других народов Российской Федерации – русские (30,2 %), украинцы (0,5 %), корейцы (0,5 %), немцы (0,4 %), татары (0,35 %), туркимесхетинцы (1,3 %), казахи (1,7%), а также представители народов Северного Кавказа – армяне (0,16 %), осетины (0,09 %), карачаевцы (0,06 %) [8, с. 10].

Важнейшие социальные процессы, протекающие в социальной сфере, имеют национальную вариативность. В Калмыкии на протяжении последних десятилетий, включая и провальные постсоветские годы, прочно сохраняется относительно устойчивая, стабильная обстановка в отношениях между различными этническими группами. Однако и здесь произошли существенные изменения в пропорциональном соотношении этнических групп в сфере межнационального сосуществования, повлекшие за собой значительные сдвиги в области самоощущения этническими группами и общностями, в структуре их ценностей, норм и поведения. Так, например, на фоне общего уменьшения численности населения за годы постсоветских трансформационных изменений в Республике Калмыкия существенно изменилось представительство этнонациональных групп. Если удельный вес калмыцкого населения вырос с 45,4 до 57,4 %, то русского – сократился до 30,2 %. Возросла доля этнических групп Северного Кавказа из государств постсоветского пространства.

По данным переписей с 1989 по 2002 гг., численность русских уменьшилась на 21,7 %, в то время как всего населения республики – на 11,0 %. Произошли существенные изменения и в пропорциональном соотношении этнических групп и этнической структуры Калмыкии в целом. Однако эти изменения не оказали существенного влияния на существующий положительный климат в межнациональных отношениях этнических групп.

Сложная ситуация в различных сферах советского общества стала заметно углубляться во второй половине 70-х годов. Страна переживала затяжной, глубокий системно-структурный всеобъемлющий кризис [3, с. 224–243]. В новых условиях общественного переустройства России и перехода к рыночным отношениям существенно возросло давление на уровень жизни массовых социальных групп населения. По данным социологических мониторингов, проведенных в эти годы, желание уехать из республики высказали 43,4 % опрошенных, в том числе в г. Элисте – 40,0 % и в районах – 45,0 %. Главными причинами были названы следующие: отсутствие возможностей для работы и заработка – 22,5 % элистинцев и 28,8 % жителей сельской местности; желание жить в более благоприятной социальной среде, соответственно 23,3 и 15,4 %; желание дать достойное образование детям – 15,0 и 14,2 %; экономическая ситуация в республике – 11,7 и 8,8 %. В то же время хотели бы уехать из республики, «чтобы жить в своей национальной среде» – лишь 2,6 % (2,5 % – в Элисте и 2,7 % – в районах); «из-за ухудшения межнациональных отношений» – 1,8 % (3,3 и 1,2 % соответственно) опрошенных [2, с. 86–87].

В республике продолжается отток русского населения, одного из самых больших этнических групп по численности и соответственно – удельному весу в национальной структуре населения Калмыкии.

В связи с неблагоприятным изменением социально-экономического положения большинства населения произошло резкое сужение сферы позитивных эмоций и поведения жителей республики. Однако данные факторы, как показали систематически проводимые исследования, не оказали какого-либо существенного влияния на изменение фона межнациональных отношений. Практически никто не хотел уезжать из Калмыкии из-за национальных проблем. По данным социологических мониторингов, доброжелательные межнациональные отношения составляют одну из наиболее важных ценностей образа жизни представителей этнических групп в республике. Этот показатель в ответах респондентов занимает третье место (31,3 %) после таких общечеловеческих ценностей, как «мой дом, моя работа» (59,2 %) и «родственники, друзья, близкие по духу люди» (37,9 %). Граждане республики (40,8 %) положительно относятся к росту многонациональности в Калмыкии, а для 30,8 % опрошенных этот фактор не имеет никакого значения. Но 16,9% опрошенных все же не одобряют этот процесс [2, с. 86–87].

Интересен и примечателен тот факт, как показывают исследования, что у народов разных национальностей все же больше сходства, чем различий, что подтверждается образом жизни этнических групп, их ценностями и интересами в духовной сфере. Но различия все же существуют, особенно в нормах, традициях и обычаях бытовой жизни и в семейных отношениях, что неизменно сказывается и на их психологическом самочувствии [4, с. 187].

Самочувствие этнических групп, то есть ментальность, как психологическое мировосприятие (например, у калмыков (57,4 %) и русских (30,2 %) – представителей самых больших этнических групп в Калмыкии) детерминируется не только материальными условиями жизни, но в значительной степени факторами социально-политического и культурного характера. Исследования показали, что в целом калмыки в республике имеют более благоприятные факторы социальной адаптации в условиях трансформационных и последующих модернизационных изменений [3, с. 224—334]. Это связано прежде всего с этнокультурными особенностями образа жизни: более тесными традициями родственных и дружеских связей. Самочувствие этногрупп складывается из различных составляющих: внутреннего состояния человека (здоровье, настроение, испытываемые чувства счастья, оптимизма или неудач, разочарования) и оценки внешних условий (восприятие ситуации в стране и во времени, восприятие собственного положения в экономическом и социально-культурном пространстве республики и страны).

Одной из наиболее показательных характеристик ментального самочувствия представителей различных социальных слоев этнических групп является их удовлетворенность своим образом жизни. Перелом в социальном и соответственно в ментальном самочувствии населения (2000—2002 годы) можно подтвердить результатами всероссийских социологических мониторингов и обследований, проведенных учеными Калмыкии [1].

Психологическое самочувствие граждан определяется не только их уровнем жизни, о чем мы писали выше. Результаты конкретных социологических исследований, проведенных за годы перестройки и в послеперестроечное время, трансформационных и модернизационных изменений в Республике Калмыкия показали, что подавляющему большинству жителей республики, независимо от национальной принадлежности, присущи глубокие толерантные чувства к окружающим их людям других национальностей, к самой республике, которая стала для них за долгие годы совместного проживания на этой земле второй родиной. Об этом постоянно и искренне говорят представители самых разных этнических групп во время опросов. Поэтому для них, независимо от их национальной принадлежности, имеют существенную ценность как наличие, так и сохранение Республикой Калмыкия своей национальной государственности. Положительно оценивали наличие статуса республики 69,7 %, отрицательно – 9,2 % всех опрошенных: среди калмыков – 79,9 и 5,6 %; среди русских – 58,5 и 14,5 % соответственно [2, с. 87].

На примере этнических групп, живущих в Калмыкии, отчетливо проявляется, с одной стороны, растущее осознание этносами внутриэтнических связей (интерес и уважительное отношение к историческому прошлому калмыцкого и, естественно, своего народа; стремление возродить родной язык и этнокультуру), то есть этим этносам присущи отчетливо выраженные этнопсихологические и этнокультурные ориентиры, которые определяют внутреннее содержание этнической ментальности, с другой стороны, усиливающаяся потребность межэтнической интеграции и солидарности [5, с. 15–18]. Причем сами этносы способствуют сохранению и реализации традиций, возрожде-

ИЗВЕСТИЯ ВОЛГГТУ 21

нию национальной культуры и взаимосвязей с другими культурами, представленными в республике, что помогает им же успешно адаптироваться в сложном мире национальных отношений в едином социокультурном пространстве республики.

На примере многонациональной и многоконфессиональной Республики Калмыкия видно, что основная функция этноса сегодня — это сохранить ценности этнокультуры как важнейшего компонента толерантного сознания и этнической ментальности. Система социокультурных отношений, в которую человек включен как представитель того или иного этноса, имеет свои имманентные этнические стороны. Его культурные, языковые, бытовые и другие характеристики являются также этнокультурными, этноязыковыми и т. д. Основополагающим конституционным принципом, соответствующим такому единению и развитию этнокультур и тем самым этнической ментальности, является статья 14 Степного Уложения (Основного Закона) Республики Калмыкия, в которой провозглашено: «Республика Калмыкия всемерно содействует сохранению самобытности и этнической неповторимости, традиций калмыцкого, русского и других народов республики…» [7].

Это стало возможным благодаря существующей российской государственности, которая учитывает интересы всех народов, проживающих на ее политико-экономическом, социокультурном пространстве, и гарантирует их права, свободы, целостность национальных территорий; способствует объединению их человеческих и культурных потенциалов и усилий в составе единого российского государства, построенного и действующего исключительно на основе конституционных принципов реального федерализма [6, с. 21–31].

Все это создает благоприятные условия для развития этнической ментальности, толерантности, этнического самосознания и этнической идентификации, которые служат аккумулирующим средством, питающим национальное единство, этническую солидарность. Они, в свою очередь, отражают *гуманистическую* сущность и направленность этнокультур. Гуманистическая направленность культуры этносов все более утверждается сегодня в том, что она и сама по себе определяется через отношение к человеку и его возможностям развития в условиях российской действительности.

- 1. *Козырева, П. М.* Процессы адаптации и эволюции социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков / П. М. Козырева. М., 2004. С. 9; Опросы по проекту «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ)».
- 2. *Лиджи-Горяева*, *С.* Э. Социальная адаптация населения Республики Калмыкия в условиях трансформирующегося российского общества: социологический аспект : монография / С. Э. Лиджи-Горяева. Элиста: ИКИАТ, 2012.
- 3. *Овшинов, А. Н.* Социальная структура российского общества : монография / А. Н. Овшинов. Элиста : ЗАОр «НПП «Джангар», 2013.
- 4. *Овшинов*, А. Н. Народы Калмыкии в условиях полиэтничного и многоконфессионального региона: проблемы национального самосознания и толерантности / А. Н. Овшинов // Проблемы развития региона в условиях трансформации общества: матер. Всероссийской науч.-практ. конф. Элиста: КТИ (филиал), 2007.
- 5. Овшинов, А. Н. Национальная вариативность толерантного сознания народов Юга России / А. Н. Овшинов // Экономическое и социальное развитие республик Юга России: этапы становления, взаимосвязи, трансформационные процессы, современное положение и перспективы: матер. межрегион. науч.-практ. конф. Элиста: КГУ, 2008.
- 6. *Овишнов, А. Н.* Калмыкия в конституционном пространстве российской национальной идеи / А. Н. Овшинов // Народы Калмыкии: перспективы социокультурного и этнического развития : сб. науч. тр. Элиста : КГУ, 2000.
- 7. Степное Уложение (Основной Закон) Республики Калмыкия. Элиста, 1994. Ст. 14. [Интернет-ресурс]. Режим доступа: http://constitution.garant.ru/region/cons kalmik/.
 - 8. Этномир Калмыкии: сб. ст. и матер. Элиста: АУ РК «Издательский дом «Герел», 2012.

УДК 316.422 ББК 60. 54

Д. П. Ануфриев, А. Ю. Арясова¹, Е. В. Каргаполова²

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

(по материалам конкретного социологического исследования)

Астраханский инженерно-строительный институт

E-mail: ¹anna aryasova@mail.ru, ²k474671@list.ru

На основе конкретного социологического исследования проанализированы тенденции и проблемы территориальной мобильности в социокультурном пространстве Астраханской области.

Ключевые слова: территориальная мобильность, социокультурное пространство, регион, круги взаимопонимания.

D. Anoufriev, A. Ariasova, E. Kargapolova

TERRITORIAL MOBILITY IN THE SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT OF THE ASTRAKHAN REGION

(according to the materials of concrete sociological-research)

Astrakhan Institute of Civil Engineering

On the basis of concrete sociological research analyzes trends and issues of territorial mobility in the sociocultural environment of the Astrakhan region.

Keywords: territorial mobility, socio-cultural space, the region, circles of understanding.

Территориальная мобильность как одна из разновидностей социальной мобильности, проявляющаяся в территориальном перемещении (миграции) людей [1, с. 70], — существенный фактор формирования социокультурного пространства современных государств и регионов. Объективными причинами такой мобильности могут быть процессы урбанизации, индустриализации, революции, войны и др. Но, по мнению В. Я. Фокина, важными также являются и субъективные причины. Исследователь предлагает рассматривать территориальную мобильность как соци-альный процесс, используемый в адаптационных практиках людей в ответ на изменения окру-жающей среды и ее дифференциацию; как миграцию, направленную на обретение счастья. В ка-честве компонентов счастья он изучает статистические показатели «здоровья» (ожидаемая продолжительность жизни, уровень заболеваемости), «справедливости» (коэффициент Джинни), «защищенности занятости» (уровень безработицы), «уровень жизни» (покупательная способность) при решающем влиянии двух последних факторов на формирование и интенсивность миграцион-ных потоков населения [1, с. 70].

Территориальную мобильность также возможно исследовать на основе массовых опросов населения [2–6]. В статье используются предварительные результаты конкретного социологического исследования в Астраханской области, проведенного Лабораторией социально-психологических исследований Астраханского инженерно-строительного института в марте-мае 2015 г. методом анкетирования. Были опрошены жители областного центра – г. Астрахань, а также всех районных центров Астраханской области (N=6000). В статье представлены результаты опроса в четырех районах г. Астрахань, пгт Володарский, г. Камызяк, пгт Лиман, г. Нариманов, с. Началово, с. Черный Яр, с. Икряное и Астраханской области в целом. Обработка и анализ данных осуществлялась с использованием Vortex 8.

В анкетировании использованы вопросы Типовой методики Всероссийской программы «Проблемы социокультурной эволюции регионов России», разработанной ЦИСИ ИФ РАН (руководители Н. И. Лапин, Л. А. Беляева) [7].

При анализе ответов на вопрос «Давно ли Вы живете в этом городе, поселке, селе, деревне?» были получены следующие результаты. В целом, по Астраханской области больше 25 лет проживают без смены места жительства около половины (50,5 %) опрошенных. При этом выявлены существенные различия этой категории проживающих по районным центрам: минимум приходится

[©] Ануфриев Д. П., Арясова А. Ю., Каргаполова Е. В., 2015

на малые город Нариманов и Камызяк (39,5 и 32,3 % респондентов соответственно), максимум – на села Черный Яр и Икряное (56,3 и 56,2 % респондентов соответственно) и пгт Володарский (56,2 % опрошенных) (данные представлены в таблице).

Территориальная мобильность и круги взаимопонимания у жителей Астраханской области

	Единицы территориального деления								
Варианты ответов	г. Астра- хань	пгт Воло- дарский	г. Камы- зяк	пгт Лиман	г. Нари- манов	с. Нача- лово	с. Чер- ный Яр	с. Ик- ряное	Астрахан- ская область
Давно ли вы живете в этом городе (поселке, селе, деревне), % от ответивших									
До 5 лет	9,3	5,2	13,5	11,8	13,5	9,1	7,8	7,4	8,6
5-15 лет	13,4	9,5	14,3	11,3	21,2	20,3	11,6	13,3	13,7
16-25 лет	25,9	29,1	32,7	25,0	33,0	27,2	22,7	23,0	27,2
Больше 25 лет	51,4	56,2	39,5	52,0	32,3	43,4	57,9	56,3	50,5
Вы здесь родились или приехали из другого города (села), из другого региона?, % от ответивших								X	
Здесь родился	61,2	67,2	50,9	59,0	41,4	54,6	57,5	63,9	57,8
Приехал по своему желанию из другого города (села) нашей области	21,2	21,3	26,0	31,5	29,7	24,3	21,7	25,0	23,5
Приехал по своему желанию из другого региона России или СНГ	13,3	9,5	15,2	7,0	14,2	9,0	15,2	10,3	11,6
Вынужденный переселенец (беженец) из другого региона России или СНГ	3,0	1,3	6,1	2,3	8,7	5,8	3,5	0,8	4,8
Приехал сюда временно из другой страны	1,3	0,7	1,8	0,3	6,0	6,3	2,1	0	2,3
Среди каких людей Вы встречаете наибольшее взаимопонимание?, баллы по 10-балльной шкале (1 балл – наименьшая степень значимости, 10 баллов – наибольшая степень значимости)									
В семье	9,24	9,27	7,34	9,62	8,33	9,26	9,41	9,38	9,09
В компании друзей	8,14	8,62	7,13	8,76	7,97	8,32	8,4	8,07	8,03
Среди соседей	5,77	7,22	6,09	6,86	7,06	6,94	6,77	5,64	6,4
Среди коллег по работе	7,06	7,62	6,79	6,79	7,35	7,70	7,25	6,19	6,89

Практически каждый четвертый астраханец (27,2 %) ответил, что проживает в районных центрах региона 16–25 лет, при минимуме выборов этого варианта ответа – в селе Икряное, максимуме – в малых городах Нариманов и Камызяк (33,0 и 32,7 % опрошенных соответственно).

Каждый седьмой (13,7 %) из проживающих в районных центрах переехал туда 5–15 лет назад (минимум – в ПГТ Володарский (9,5 % опрошенных), максимум – в городе Нариманов и селе Началово (21,2 и 20,3 % респондентов соответственно).

8,6 % опрошенных поменяли место жительства в течение пяти последних лет (минимум – в пгт Володарский (5,2 % опрошенных), максимум (по 13,5 % респондентов) – в городах Камызяк и Нариманов).

Таким образом, более половины опрошенных проживают в своих поселениях менее 25 лет, но в городе Нариманове эта категория составляет около 70 %, в городе Камызяк – около 60 %. Кроме того, в этих населенных пунктах каждый седьмой переехал туда в течение пяти последних лет.

Около 60 % опрошенных по районным центрам области в них родились и являются коренными жителями своих поселений. Больше всего эта категория – в пгт Лиман (67,2 % респондентов), меньше всего – в городе Нариманов (41,4 % опрошенных).

Практически каждый четвертый опрошенный (23,5 %) — добровольный мигрант внутри региона, то есть приехал по своему желанию из другого города (села) нашей области. Но в пгт Лиман и городе Нариманов таких уже около 30 % (31,5 и 29,7 % соответственно).

Около 12 % респондентов – добровольные мигранты внутри страны. Всего 7 % составляет эта категория в пгт Лиман, по 15,2 % опрошенных этой категории – в городе Камызяк и селе Черный Яр.

Около 5 % опрошенных ответили, что они вынужденные переселенцы (беженцы) из другого региона России или СНГ (при максимуме значений в городе Нариманов (около 9 % респондентов), минимуме – в селе Икряное (около 1 % опрошенных).

2,3 % опрошенных являются международными мигрантами и приехали временно из другой страны. Больше всего представителей данной категории – в городе Нариманов и селе Началово (6 и 6,3 % опрошенных соответственно).

Таким образом, масштабы территориальной мобильности в Астраханской области составляют около 40 %. Причем большая часть опрошенных поменяла место жительства уже в постсоветской России. Насколько смена места жительства «в поисках счастья» увенчалась счастьем, насколько способствовала успешной адаптации в эпоху преобразований и трансформаций, в какой-то степени могут иллюстрировать ответы респондентов на вопрос «Среди каких людей Вы встречаете наибольшее взаимопонимание?».

Семья находится на первом месте среди кругов взаимопонимания, далее следует круг друзей, следующий круг взаимопонимания – профессиональный, и замыкают перечень близость соседей. Исключением здесь являются ответы жителей пгт Лиман, в котором с минимальным отрывом, но все-таки на третье место вышел круг не коллег по работе, а соседей. Возможным объяснением является то, что в постсоветской России именно малые города и поселки городского типа особенно пострадали от деиндустриализации, то есть – работать негде, и круг коллег по работе начинает уступать соседям.

Выборы всех кругов взаимопонимания преодолели пятибалльную отметку средневзвешенных баллов, что свидетельствует о достаточно высокой степени их значимости для опрошенных. Обращают на себя внимание отличия в выборах кругов взаимопонимания по районным центрам Астраханской области, что в какой-то степени отражает процессы дифференциации социокультурного пространства региона. Так, минимальные значения выбора семьи зафиксированы в городах Камызяк (7,34 балла) и Нариманов (8,33 балла), максимальные – в селе Черный Яр (9,41). Минимум выборов компании друзей приходится опять же на город Камызяк (7,13 баллов), максимум – на пт Володарский (8,62 балла). Максимум выборов круга коллег по работе фиксируется в селе Началово (7,7 баллов) и птт Володарский (7,62 балла), минимум – в городе Камызяк и птт Лиман (по 6,79 баллов). Круг соседей является самым значимым для птт Володарский (7,22 балла). Минимум выборов круга соседей (что достаточно логично) приходится на областной центр – город Астрахань (5,77 баллов): чем больше город, тем в большей степени формализуются отношения, в том числе и по месту непосредственного проживания.

В контексте решения задач данной статьи обращает на себя внимание также следующая зависимость: в тех населенных пунктах, где больше по численности категория переехавших в течение пяти последних лет, а также категория вынужденных переселенцев, ниже и значения кругов взаимопонимания (как межличностных, так и профессионального). Ярче всего это видно в ответах респондентов малых городов Камызяк и Нариманов. Таким образом, меньше зона комфорта и поддержки, простых правил, понятных человеку. Можно предположить, что для этих категорий мигрантов «поиски счастья» пока не закончились, они в меньшей степени адаптировались к внешним переменам.

- 2. *Каргаполов, С. В.* Миграционные процессы в социокультурном пространстве Астраханской области / С. В. Каргаполов, Е. В. Каргаполова // Известия ВолгГТУ: межвуз. сб. науч. ст. / ВолгГТУ. Волгоград, 2014. (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания»; вып. 18). С. 75–79.
- 3. *Каргаполова, Е. В.* Социокультурный портрет Астраханской области: опыт социологического, экономического и политического анализа / Е. В. Каргаполова, А. Ю. Арясова, Т. Ю. Гречкина, Л. А. Лебединцева, Ю. И. Убогович. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010. 307 с.
- 4. *Каргаполова, Е. В.* Тридцатый регион: потенциал социального развития / Е. В. Каргаполова ; науч. ред. проф. Н. В. Дулина. Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2011. 375 с.

ИЗВЕСТИЯ ВОЛГГТУ 25

- 5. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Институт философии РАН. Составление, общая редакция: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М.: Academia, 2013. 416 с.
- 6. Регион : пространство смыслов и содержание: коллективная монография / Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова, Д. П. Ануфриев, А. Ю. Арясова, Е. О. Беликова, И. Н. Наумов, В. А. Парамонова, М. А. Симоненко, В. В. Токарев ; под общ. ред. Н. В. Дулиной, Е. В. Каргаполовой. Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2013. 294 с.
- 7. Лапин, Н. И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный потрет региона России» (Модификация 2010) / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М.: ИФРАН, 2010. 111 с.

УДК 32.019.52 ББК 6.8(66.0)

Н. Р. Байдулаева, Н. Н. Гарунова

РОЛЬ СМИ В ОСВЕЩЕНИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ (на примере проблемы восстановления Ауховского района республики Дагестан)*

Дагестанский государственный университет

E-mail: garunovanina@mail.ru

Статья посвящена роли СМИ при освещении конфликта этнических групп с муниципальными и региональными властями Республики Дагестан и этнических групп между собой.

Ключевые слова: газета, Интернет-издание, этноконфликт, сайт.

N. R. Baydulaeva, N. N. Garunova

THE ROLE OF MEDIA IN ETHNO-POLITICAL CONFLICTS (BY THE EXAMPLE OF RECOVERY AUHOVSKOGO DISTRICT OF DAGESTAN)

Dagestan State University

The article is devoted to the role of the media coverage of the conflict ethnic groups with municipal and regional authorities of the Republic of Dagestan and ethnic groups together.

Keywords: newspaper, Internet publication, ethnic conflict, the website.

Средства массовой информации являются полноправными участниками общественно-политических и этнополитических процессов. Деятельность СМИ выделяется среди факторов, влияющих на состояние межэтнических отношений в современном обществе. Содержание информации, передаваемой посредством СМИ, является значительным фактором как поддержания стабильности в межнациональных отношениях, так и их дестабилизации, т. е. они могут играть и позитивную, и негативную роль. Оказывая мощное воздействие на формирование мировоззрения членов общества, СМИ влияют также на их поведение в конфликтных ситуациях. В современной общественно-политической ситуации, сложившейся в Республике Дагестан (полиэтничном субъекте РФ), после распада Советского Союза сфера межнациональных отношений выделяется как наиболее напряженная. Межнациональные отношения обостряют внутренние факторы, которые связаны со стремлением этнических общностей к изменению своего положения [1].

Средства массовой информации непосредственным образом участвуют как в формировании, так и в распространении мнений, они не отражают представления людей, а, наоборот, формируют их. Обычно СМИ из обозревателей и информаторов, освещающих события, связанные с этнополитическими конфликтами, превращаются в непосредственных участников. На это указывает в своих исследованиях и В. К. Малькова, отмечая, что «этническая информация, передаваемая СМИ, не только формирует массовые представления людей в области межнациональных отношений, но и воспитывает в людях отношение к своей этнической общности, к своему этническому или национальному достоинству»[2].

Характерным является то, что любые конфликты в нашей стране, если сторонами конфликта являются представители разных национальностей, называют межнациональными со всеми вытекающими отсюда последствиями. Практика последних лет показывает, с одной стороны, что межнациональные отношения часто граничат с земельными проблемами и выступают как звенья од-

[©] Байдулаева Н. Р., Гарунова Н. Н., 2015

^{*} Работа выполнена в рамках госзадания № 2014/33 Министерства образования и науки России в сфере научной деятельности.

ной цепи, а с другой – они далеки друг от друга. Нерешенные земельные вопросы в Дагестане – самые острые, которые в любой момент могут перерасти в этнополитический конфликт.

В нашей статье обозначен в качестве примера конфликт этнических групп с муниципальными и региональными властями и этнических групп между собой (чеченцы-аккинцы, лакцы, аварцы, кумыки), этим и определяется сложность ситуации. Усиливающаяся роль политизации данного конфликта создает нестабильную ситуацию в регионе в целом.

Новолакская (ауховская) проблема, или проблема чеченцев-аккинцев, зародилась в марте 1944 г., когда вслед за их высылкой в Казахстан на их земли стали переселять в административном порядке целые селения горцев Дагестана. Ауховский район был ликвидирован, его села переименованы и заселены лакцами из Кулинского и Лакского районов Дагестана. В результате появился Новолакский район. В январе 1957г. чеченцы были реабилитированы, была восстановлена их национальная государственность – ЧИАССР. Но власти Дагестана не вернули дагестанским чеченцам их этническую территорию – Ауховский район. После возвращения из ссылки им было запрещено селиться в бывшем Ауховском районе. В основном они были размещены в городе Хасавюрт и в селах Хасавюртовского и Бабаюртовского районов [3]. Вопрос решения данной проблемы остается открытым по сегодняшний день [4], и можно говорить, что в сфере межнациональных отношений в Дагестане существует проблема репрессированных, насильственно переселенных народов. Неразрешенность данной проблемы вызывает сложную ситуацию в целом по республике. Таким образом, снимается один межнациональный конфликт, и в тоже время рождается ряд других, которые касаются не только экономических, социальных, бытовых проблем, но и межнациональных [5].

В республике немаловажную роль в формировании общественного мнения играют СМИ, которые представлены официальными республиканскими газетами (в том числе на национальных языках народов Дагестана), журналами, Интернет-ресурсами (РИА Дагестан) и телеканалами (РГВК и ВГТРК), а также негосударственными СМИ. В последние годы все СМИ имеют официальные сайты в сети Интернет. Не всегда официальная точка зрения совпадает с той, что отражена в негосударственных СМИ. Молодежь информацию о тех или иных событиях узнает в основном в сети Интернет, а именно посредством социальных сетей (твиттер, фейсбук, вконтакте и др.), старшее поколение читает печатные издания.

Проведя анализ Интернет-пространства, встречаем некоторые сайты, блоги, странички в социальных сетях, освещающие ситуацию на Северном Кавказе и в Дагестане, где выглядывают публикации, вызывающие спорные вопросы. Люди, читающие такую информацию, воспринимают регион в негативном свете, у них складывается отрицательный образ в целом о республике. В нашем исследовании были выбраны для анализа республиканские печатные издания, такие как: «Дагестанская правда», «Новое дело», «Черновик», периодичность выхода которых каждая неделя, и Интернет-издания такие, как: «Кавказская политика», «Кавказский узел», «ИА REGNUM», «РИА Дагестан». В качестве метода исследования использовался контент-анализ, который позволяет изучить объективно текстовый материал. Восстановлению Ауховского района в республиканских СМИ было уделено внимание в 2009 г. 39 раз, в Интернет-изданиях — 42 раза, теме переселения лакцев в республиканских СМИ в 2009 г. — 29 раз, в Интернет-изданиях — 32 раза. Всего эта тема поднималась 142 раза.

«Черновик» – республиканский еженедельник (негосударственное СМИ). Публикации в нем существенно отличаются от публикаций предыдущей официальной газеты, заголовки говорят практически сами за себя: «Жертвы неизвестной депортации», «Около 15 лет прошло с тех пор, как было принято решение о переселении лакцев из Новолакского района на новые земли», «Чеченцы требуют земель», «Аккинский вопрос», «Необходимо дать шанс...», «Доля переселенческого... ...пирога Новостроя», и др.

Большая часть публикаций носят эмоциональный характер, показывают боль народов, не только дагестанских, но и русского населения, их крик бездействия властей, отчаяние в надежде на урегулирование данной проблемы [6]. Изучив эти моменты, мы приходим к выводам, что СМИ по данной проблеме, показывая отрицательные стороны конфликта, вызывают в общественном сознании негатив и спор [7]. В нынешних условиях нецелесообразно восстановление Ауховского района по мононациональному признаку, так как это может повлечь за собой конфликты на межнациональной почве между представителями четырех этнических групп, которые могут выразиться в открытом противостоянии.

Анализ материалов Интернет-пространства показывает, что особое внимание уделено вопросу переселения лакцев в Новострой (это прослеживается в 28 публикациях). На наш взгляд, СМИ, освещая данную проблему, должны выступать объективными и беспристрастными трансляторами информации, представляя на суд общественности различные точки зрения, из которых не складывалось бы двоякое мнение. Печатные и электронные издания СМИ показывают в своих публикациях Новолакский район Республики Дагестан в качестве одного из сложных муниципальных образований, ситуация в котором напряженная и может перейти в открытый межнациональный конфликт, при этом ее причинами обозначены этнополитические проблемы, которые в последнее время обострились. Сам этнополитический конфликт показан с той позиции, что власти не способны его урегулировать, и поэтому решение проблемы затянулось на долгие годы. Некоторые публикации в Интернет-пространстве, освещающие данный этнополитический конфликт, задевают этнические чувства народов, провоцируя этнические обиды прошлого. Эти статьи вызывают напряженность и враждебное отношение между представителями представленных в данном конфликте этнических групп: чеченцев-аккинцев, лакцев, аварцев, кумыков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. *Гарунова, Н. Н.* Событийность, традиционализм и повседневность в межнациональном взаимодействии студенческих сообществ северного Кавказа / Н. Н. Гарунова, А. П. Скорик, А. А. Цыбульникова // Вестник Дагестанского государственного университета. -2014. -№ 4. -C. 187–194.
- 2. *Малькова, В. К.* Российская пресса и проблемы этнической толерантности и конфликтности / В. К. Малькова // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. М., 2002. С. 155.
- 3. *Рамазанова*, Д. Ш. Реабилитация репрессированных народов Дагестана в 1957–1960-е гг. / Д. Ш. Рамазанова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2011. № 127. С. 22.
 - Обсуждены вопросы реабилитации и переселения лакского населения // Дагестанская правда № 243 от 24.07.2009.
 - 5. Серегина, Д. Опыт прошлого на службу будущего / Д. Серегина // Дагестанская правда № 68-69 от 04.03.13.
- 6. *Гарунова, Н. Н.* К вопросу о русском самосознании и этничности в историческом дискурсе XXI в. / Н. Н. Гарунова // Кубанские исторические чтения: матер. V Междунар. науч.-практ. конф. 2014. С. 92–97.
- 7. *Гарунова, Н. Н.* Этническое пространство России как способ формирования российской идентичности / Н. Н. Гарунова, Н. Р. Байдулаева // Известия ВолгГТУ: межвуз. сб. науч. ст. № 16 (143) / ВолгГТУ. Волгоград, 2014. Т. 18. С. 26—29.

УДК 364.05:325.254(470/477) ББК 60.546.7(2 Poc – 4 Укр) – 425

Т. В. Грянченко

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИЯН С УКРАИНСКИМИ МИГРАНТАМИ

Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

E-mail: gryanchenkotv@rambler.ru

Статья посвящена анализу специфики пребывания украинских иммигрантов на Юге России, выявлению их основных проблем и ориентиров их решения.

Ключевые слова: беженцы и переселенцы из Украины, миграционная политика РФ, социально-экономическая ситуация в России, проблемы взаимоотношений украинцев и россиян.

T. V. Grianchenko

FEATURES OF SOCIOECONOMIC INTEGRACTION OF RUSSIANS WITH THE UKRAINIAN MIGRANTS

Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Article is devoted to the analysis of specifics of stay of the Ukrainian immigrants in the South of Russia, to identification of their main problems and reference points of their decision.

Keywords: refugees and immigrants from Ukraine, migration policy of the Russian Federation, social and economic situation in Russia, a problem of relationship of Ukrainians and Russians.

[©] Грянченко Т. В., 2015

В настоящее время на территории РФ находится свыше 2,5 млн. украинцев [1], из которых более 336 тыс. их социально-бытовое обустройство Россия выделила человек уже получили легальный статус мигранта [2]. На из бюджета около 10 млрд. руб., не считая средств финансирования гуманитарных конвоев на Украину [2].

Мигранты, получившие гражданство РФ, пользуются всеми правами русских сограждан, включая право на обязательное социальное страхование. После оформления статуса беженца или переселенца в России иммигрантам выплачивают: социальную пенсию, пенсию по инвалидности и пособия в связи с рождением детей [3]. Беженцы могут получать и пособие по потере кормильца, если этот факт подтвержден документально. На территории РФ функционируют горячие линии, интернет-сайты и общественные организации, содействующие решению проблем украинских мигрантов.

Вместе с тем, главные проблемы из их числа еще не решены. Это, прежде всего, отказы в предоставлении легального статуса мигранта в городах с высокой плотностью населения и в выдаче свидетельства о предоставленном статусе, а также сложность прохождения и платность медицинского обследования для получения временного убежища. Первопричинами проблем иммигрантов является отказ в предоставлении им официального статуса из-за озвучивания ими экономических мотивов переезда из Украины вместо факта угрозы их жизни и недостаточное фактическое финансирование действующей в РФ миграционной политики.

В свете сказанного в отношениях приезжих украинцев и россиян обозначилось взаимное недовольство. По итогам анализа мнений посетителей социальных сетей и блогов, его составляющие таковы [4]. С принимающей стороны: россияне находят поддержку мигрантов правительством РФ избыточной в сравнении с его заботой о местном населении; легализованных в России украинцев считают приоритетно получающими имеющиеся трудовые вакансии; иммигрантов упрекают за их положительные отзывы в адрес киевской власти и критику Президента РФ. Недовольство украинцев вызвано: непредоставлением им легального статуса и изолированного жилья с удобствами, качеством и ценой российских товаров, слабой инфраструктурой экономики РФ и низкими заработками. Источниками взаимного недовольства сторон представляются сложное социально-экономическое положение россиян, особенно проживающих в «депрессивных» регионах, и искажение СМИ Юго-Востока Украины обещаний помощи от РФ.

В этой связи ориентиры улучшения взаимоотношений россиян и украинских мигрантов видятся в значительном увеличении финансирования российской социальной политики, грамотном формировании информационных потоков в СМИ братских народов, усилении информационноправовой поддержки иммигрантов и совершенствовании процедур определения их статуса в сторону упрощения.

- 1. Новости информационного портала Лента.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lenta.ru/news/2015/08/28/refugees/. Закачка с экрана.
- 2. Статус беженца или временное убежище получили в РФ 336 тыс. украинцев. / Российская газета. 31.08.2015 г., Казань [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rg.ru/2015/06/10/bezhentsi-anons.html. Закачка с экрана.
- 3. Помощь беженцам из Украины в РФ: штабы, горячие телефоны, интернет-ресурсы / Милосердие.RU Православный портал о благотворительности и социальной деятельности [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.miloserdie.ru/article/pomoshh-bezhencam-iz-ukrainy-v-rf-shtaby-goryachie-telefony-internet-resursy/. Закачка с экрана.
- 4. 6 пунктов, по которым россияне не довольны «неблагодарными беженцами» из Украины. / Живой журнал. Земля гуцулова [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gutsuland.livejournal.com/1586555.html. Закачка с экрана.

УДК 325.11(477: 470.43) ББК 60.73(4Укр) – 5

М. Ю. Давыдова

УКРАИНЦЫ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет

E-mail: saamu@rambler.ru

В статье представлены история заселения украинцами Саратовского Поволжья и анализ развития этноса во второй половине XIX – начале XX веков.

Ключевые слова: Саратовская губерния, Камышинский и Царицынский уезды, малороссы, украинский этнос, миграции, ассимиляция, украинская идентичность.

M. Y. Davydova

UKRAINIANS OF SARATOV PROVINCE IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES

Volgograd State University Of Architecture And Civil Engineering

The article presents the history of the settlement of Ukrainians in Saratov Povolzhye region and analysis of the development of the ethnos in the second half of XIX – early XX centuries.

Keywords: Saratov province, Tsaritsyn and Kamyshin counties, malorosy, Ukrainian ethnos, migration, assimilation, Ukrainian identity.

Гражданская война на Украине приковывает к себе пристальное внимание российской и мировой общественности. Эта трагедия показала, что и сегодня, в XXI веке, в цивилизованном мире возможно возрождение фашизма, попрание не только демократических, но и общечеловеческих ценностей. Массовые убийства безоружных людей в Одессе, Мариуполе, применение тяжелого вооружения против мирных жителей на юго-востоке Украины, покровительство США и Европейского Союза действиям киевских властей, искажение действительности ради экономических и политических выгод — все это реальность. Последовавшая затем гуманитарная катастрофа привела к массовой волне украинских беженцев преимущественно в Российскую Федерацию.

По данным Федеральной миграционной службы Российской Федерации, на территории России находятся 2,6 млн. граждан Украины. Из них 605 тыс. чел. обратились за получением статуса беженца, временного убежища и разрешением на временное проживание. На сегодняшний день в 338 пунктах временного размещения находятся около 19 тыс. украинских граждан [10]. Основной удар по приему беженцев пришелся на Ростовскую область, откуда их переправляли в Волгоградскую, Астраханскую области, Ставропольский край, Калмыкию и другие регионы. С начала 2015 г. на миграционный учет в Волгоградской области было поставлено более 31 тыс. граждан Украины [5].

Отметим, что представители украинского этноса проживали в Поволжье и ранее. Перепись 2010 г. отмечает в Саратовской области 41 942 чел. (1, 7 % населения), указавших в качестве родного украинский язык; в Волгоградской области – 35 607 чел. (1, 4 % населения) [8].

Вспомним, что в течение всей своей истории территория Саратовского Поволжья была местом, где взаимодействовали многие народы. Интересную судьбу в жизни нашего региона имеют и украинцы.

Цель исследования – проследить историю заселения Саратовского Поволжья украинцами и развитие этноса во второй половине XIX – начале XX вв. Территориальные рамки работы охватывают Саратовскую губернию – значительную часть нынешних Саратовской и Волгоградской областей. Источниковой базой исследования являются опубликованные и архивные статистические материалы общероссийского (прежде всего, публикации данных переписи 1897 г. и последующие разработки ее результатов) и регионального (документация Саратовского губернского статистического комитета Государственного архива Саратовской области, фонд 421) характера. Отметим, что применительно к досоветскому периоду истории следует употреблять термин «малороссы», ведь именно так украинцы именуются в статистических документах.

[©] Давыдова М. Ю., 2015

Появление малороссов в Поволжье большинство исследователей относят к 20-м гг. XVIII в., когда по приказу Петра I для предупреждения набегов на Саратовский край кубанских татар была устроена Царицынская сторожевая линия и на ней поселены малороссы преимущественно из Полтавской, Харьковской, Черниговской и Воронежской губерний [1, с. 3]. Однако автором при изучении документов Саратовского губернского статистического комитета были обнаружены ценные сведения об основании малороссийских поселений Терновской волости Аткарского уезда (Терновая, Водопьянова, Лиходеева, Торянова, Бабинкина, Волкова) и Руднянской волости Камышинского уезда (Терсинка, Баранникова, Подкуйкова) еще в XVII в. [3, д. 888, л. 11–12; д. 894, л. 9–10]. Время их образования и территориальное размещение на юго-западной окраине губернии дает основание утверждать, что они были основаны самовольными переселенцами – украинскими крестьянами, стремившимися укрыться от кабалы русских помещиков, польских панов, верхушки казацких старшин.

Позже, в 20-е гг. XVIII в., поселенцы основали сл. Красный Яр и южнее по р. Иловле – хутора Петрунины, Костаревы, Саломатины, Барановские. Усилению миграционного потока малороссов в Поволжье способствовало решение правительства о привлечении их с 1747 г. к перевозке соли с озера Эльтон в центральные губернии России. Вдоль соляных трактов в Заволжье и на правом берегу Волги (от Эльтона к Саратову, а затем к Воронежу и Тамбову и от Эльтона к Камышину и на северо-запад) образовалась цепь украинских слобод и хуторов: Покровская, Николаевская, Котово и др. Первоначально малороссы селились в крае как вольные солевозчики. Постепенно правительство «приписывает» к соляному делу украинские села, а в 1828 г. все чумаки переводятся в разряд государственных крестьян. Продолжались и самовольные переселения украинских крестьян. Так, заселение юго-восточной части Балашовского уезда началось с основания на правом берегу р. Терсы слобод Елань, Самойловка, Песчанка самовольно бежавшими крепостными крестьянами. Слобода Самойловка была основана крестьянами украинского помещика Самойлова из Киевской губернии [2]. Слободу Песчанку основали малороссы Черниговской и Полтавской губерний [3, д. 867, л. 1]. Самовольные поселенцы либо становились солевозчиками и переводились в разряд государственных крестьян (малороссы Самойловки и Песчанки), либо закрепощались помещиками. Так, слободы Красный Яр, Рудня, Елань перешли в собственность Нарышкиных, Баланда – Шереметьевых, Сокур – Голицыных. Некоторые крестьяне-малороссы были переселены в саратовские вотчины помещиков Разумовских, Воронцовых, Оболенских и других.

Заселение губернии представителями украинского этноса продолжалось и в первой половине XIX в., что привело к разукрупнению густонаселенных слобод. Так, в 1850 г. жители сл. Самойловки основали в 17 верстах селение Каменка. Крестьянское население сл. Красный Яр еще в конце XVIII в. основало сл. Даниловка, хутора Романовка и Верещагин [3, д. 8443, л. 3–4].

Вышеобозначенные направления украинской колонизации региона обусловили заселение ими южной и юго-западной части губернии. Причем к началу XX в. расселение этноса практически не изменилось. Наибольшее число малороссов (30,9 %; 46 156 чел.) сосредоточивалось в Камышинском уезде, составляя 15 % его населения. Более половины всего украинского населения губернии проживало в Балашовском (27,5 %; 41 117 чел.) и Аткарском (26 %; 38 912 чел.) уездах, где их доля была немногим более 13 %. Остальные – в Царицынском (12 719 чел.; 7,9 % населения уезда) и Саратовском (9 909 чел.; 3 %) уездах [9, с. 78–81; 11, с. 4, 14–15, 26–27].

Проследим этнодемографическое развитие украинского населения губернии во второй половине XIX в. Малороссы были преимущественно сельскими жителями. К концу века они составляли в уездах 7 % населения, а в городах – 0,9 %. В рассматриваемый период абсолютная численность украинского крестьянского населения увеличилась: в 80-е годы – на 28,8 %, к концу века – на 50,7 %. Наибольший прирост наблюдался в Царицынском (67,5 %), наименьший – в Саратовском (17,8 %) уезде. В то же время удельный вес малороссов в населении губернии снижался. Причем, если среди сельских жителей данный показатель уменьшился лишь на 0,2 %, то среди всего населения губернии – почти на 2 % (с 8,1 до 6,2 %). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что снижение доли малороссов наблюдалось исключительно в Царицынском (с 17 до 11 %) и Саратовском (с 6,2 до 4,5 %) уездах. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что общее уменьшение их удельного веса происходило в городской среде в процессе переселения крестьянмалороссов в города Саратов и Царицын с последующей их ассимиляцией русским населением.

Процессу обрусения малороссов способствовало смешанное расселение, отдаленность от украинских районов, малочисленность, близость языка и культуры.

Следует заметить, что в России малороссов (наряду с белорусами) никогда не относили к «инородцам», их считали частью русского народа, единой этнической общностью. При этом отрицался качественный характер этнических различий между велико-, мало- и белорусами. Подобное отношение властей империи и русского населения к украинцам, по мнению А. И. Миллера, предполагало интеграцию, основанную на принципе равенства индивидов с одновременным отказом в институционализации этих групп как национальных меньшинств [6]. В то же время объединение в общерусскую нацию не обязательно предполагало растворение и полную утрату украинской идентичности и культурных особенностей.

По наблюдениям А. Н. Минха, малороссы тех селений губернии, в которых они жили отдельно от великорусов, в 60–80-х гг. XIX в. сохранили своеобразие языка и быта, «от традиционных мазанок с уютными садочками вокруг и до мельчайших подробностей одежды» [7, с. 8]. Также в ряде селений с русским и украинским населением данные народы не смешивались и жили отдельными частями, разделенными речкой или оврагом, причем хозяйство вели раздельно. Процесс обрусения малороссов, усилившийся в конце XIX — начале XX вв., наблюдался в городах и смешанных селениях.

Нами установлено, что в губернии и к концу XIX в. оставалось значительное число малороссийских поселений, происходило даже образование выселков из густонаселенных слобод. Так, поселок Крийнички был образован в 1875 г. выходцами из сл. Песчанка. В этом же году была основана укра-инская д. Егоровка на р. Медведице, в 1885 г. – Казачков хутор [3, д. 867, л. 1–2; д. 8443, л. 3–4].

Основными территориями проживания этноса в России были Малороссийский, Юго-Западный, Новороссийский районы, Кавказ, Курская и Воронежская губернии Центрально-Земледельческого района. Именно поэтому удельный вес малороссов в Саратовской губернии (6,2 %) был значительно ниже, чем в Российской империи (17,8 %) и в Европейской России (21,8 %). В Поволжье малороссы сосредоточивались преимущественно в Саратовской (6,2 %; 149 291 чел.), Астраханской (13,3 %; 133 115 чел.) и Самарской (4,3 %; 119 301 чел.) губерниях [11, с. 4–5, 14–15, 26–27].

Результаты исследования свидетельствуют о том, что украинские переселенцы сыграли заметную роль в процессе колонизации Саратовского Поволжья. Во второй половине XIX – начале XX вв. наблюдалось эволюционное развитие этноса. Его абсолютная численность увеличивалась, как правило, вследствие высокого уровня естественного прироста. В то же время удельный вес в населении губернии снизился почти на 2 % в силу, прежде всего, ассимиляционных процессов. Полинациональный состав населения Саратовской губернии предполагал развитие контактов на межэтническом уровне, способствовавших процессам аккультурации и ассимиляции народов [4, с. 15–17]. В большей степени им оказались подвержены народы, расселенные в губернии дисперсно и вдали от основной этнической территории. В то же время в условиях активизации процесса взаимовлияния этносов, характерной для капиталистического этапа исторического развития, украинцы Саратовской губернии сохраняли свою этническую идентичность и культурные особенности.

- 1. *Акимова, Т. М.* Поволжские чумаки. Исторический очерк о поволжских украинцах / Т. М. Акимова. Саратов, 1936 290 с
- 2. Горизонтов, И. П. Слобода Самойловка, Три острова тожь (балашов. уезда): этнографический очерк / И. П. Горизонтов // Памятная книжка Саратовской губернии на 1872 г. Саратов, 1873. С. 28–43.
 - 3. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 421. Оп. 1.
- 4. Давыдова, М. Ю. Этноконфессиональное развитие населения Саратовской губернии в пореформенный период : автореф. дис... канд. ист. наук / Давыдова М. Ю. Саратов, 2008. 24 с.
- 5. Интер Независимый правовой портал. (http://inter-volgograd.ru/2015/09/v-2015-godu-volgogradskaya-oblast-prinyala-30-tysyach-bezhentsev-iz-ukrainy/).
- 6. *Миллер, А. И.* Украинский вопрос в политике властей Российской империи и в русском общественном мнении во второй половине 50-х начале 1880-х годов: дис... д-ра ист. наук / Миллер А. И. М., 2000. 325 с.
- 7. Минх, А. Н. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии: собраны в 1861–1888 гг. / А. Н. Минх. Репринт. воспр. изд. 1890 г. Саратов, 1994. 215 с.
- 8. Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации. Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. (http://www.gks.ru/free doc/new site/perepis2010/croc/perepis itogi1612.htm).
- 9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. СПб. : Изд. ЦСК МВД, 1904. Т. XXXVIII. Саратовская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. 270 с.
 - 10. Российская газета. 2015. 4 сент. (http://www.rg.ru/2015/09/04/fms-anons.html).
- 11. Статистический справочник. Вып. 1. Население и землевладение России по губерниям и сравнительные данные по некоторым Европейским государствам. СПб., 1906. 65 с.

УДК 316.422. ББК 60. 54

О. С. Хамзяева¹, Е. В. Каргаполова²

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

(по материалам конкретного социологического исследования)

Астраханский инженерно-строительный институт

E-mail: ¹hamzyaeva77@mail.ru, ²k474671@list.ru

На основе конкретного социологического исследования проанализирована социальная защищенность как фактор социальной адаптации современной молодежи.

Ключевые слова: адаптация, социальная защищенность, социальная опасность, права и свободы.

O. Khamziaeva, E. Kargapolova

SOCIAL ADAPTATION OF YOUTH IN CONDITIONS OF TRANSFORMATION OF MODERN SOCIETY (ACCORDING TO THE MATERIALS OF CONCRETE SOCIOLOGICAL-RESEARCH)

Astrakhan Institute of Civil Engineering

On the basis of concrete sociological research revealed social security as a factor of social adaptation of modern youth.

Keywords: adaptation, social security system, social risk, rights and freedoms.

Трансформация российского общества кардинально изменила модель социализации молодежи. В современном обществе в процессе социализации доминирует адаптационная составляющая. Фактором обеспечения более успешной адаптации является социальная защищенность.

Социальная защищенность – понятие разностороннее. Субъективную и объективную составляющие защищенности рассматривает О. А. Полюшкевич. К объективным признакам защищенности она относит качество жизни, общественные гарантии и экономическую стабильность, к субъективным – безопасность в доме, доверие к социуму, формирование патриотизма и толерантности, то есть эмоциональное состояние индивида при оценке степени безопасности [1]. В. Г. Немировский и А. В. Немировская, анализируя оценку социальной безопасности народов Сибири, выделяют два вида социума: опасный для жизнедеятельности человека и угрожающий социальной индивидуальности человека [2]. Таким образом, социальная защищенность является обобщенной характеристикой эффективного комплекса мер социальной защиты, функционирования органов власти по осуществлению социальной политики, а также реализации государственных гарантий [3]. Социологическими индикаторами социальной защищенности можно считать защищенность от социальных опасностей (которая, в свою очередь, является составляющей индекса социального самочувствия) и соблюдение прав и свобод [4].

Лабораторией социально-психологических исследований Астраханского инженерно-строительного института степень защищенность населения, а также соблюдение прав и свобод в Астраханской области исследуются с 2010 г. по Типовой методике Всероссийской программы «Проблемы социокультурной эволюции регионов России», разработанной ЦИСИ ИФ РАН (руководители: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева) [5–8]. Также с 2008 г. изучаются проблемы социальной и социальнопсихологической адаптации населения [9–10], в частности, молодежи [11–13]. В марте—мае 2015 г. при непосредственном участии авторов было проведено конкретное социологическое исследование социальных отношений методом анкетирования. Были опрошены жители областного центра—г. Астрахань (N=1600), из них был выбран подмассив молодежи (N=730). Обработка и анализ данных осуществлялся с использованием Vortex 8.

По мнению молодежи г. Астрахани (табл. 1), на первом месте при оценке острых социальных опасностей находится произвол чиновников (39,2 % ответов), на втором месте – экологическая угроза и преступность (разница минимальная – 35,1 и 34,5 % ответов соответственно). Далее отмечаются бедность (34 % ответов), произвол правоохранительных органов (32,5 % ответов).

_

[©] Хамзяева О. С., Каргаполова Е. В., 2015

ИЗВЕСТИЯ ВОЛГГТУ 33

Варианты ответов респондентов на вопрос «Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей?»	Пожалуй, не защищен + + совсем не защищен	Ранги незащищенности
От экологической угрозы	35,1	2
От притеснений из-за вашего возраста	12,9	9
От произвола чиновников	39,2	1
От ущемления из-за Вашей национальности	14,1	8
От притеснений из-за ваших религиозных убеждений	11,9	10
От произвола правоохранительных органов	32,5	5
От преследований за политические убеждения	24,8	7
От бедности	34	4
От одиночества и заброшенности	26,5	6
От преступности	34,5	3

Такие опасности, как одиночество и заброшенность (26,5 % ответов) и преследования за политические убеждения (24,8 % ответов) занимают среднюю позицию в иерархии незащищенности (шестое и седьмое места). Тема одиночества и заброшенности включает и духовные, и социальные стороны. Степень ее остроты связана с разрушением семейных отношений и института семьи. Чувство одиночества приходит с непониманием полноценности отношений с окружающими значимыми людьми, с недостатком в общении. Социальное одиночество приводит общество к раздробленности, неопределенности социальных позиций.

Наименее остро молодежью г. Астрахани ощущаются такие социальные опасности, как ущемления из-за национальности, притеснения из-за возраста и религиозных убеждений (14,1, 12,9 и 11,9 % ответов соответственно). Молодое население города с его немалым этническим и конфессиональным разнообразием многообразием находит общие интересы друг с другом.

Стремление самим устраивать свою жизнь, без опоры на государство – основная характеристика современной молодежи. В связи с этим возникает актуальный вопрос: в какой степени важно для современной молодежи соблюдение прав и свобод. Строгое соблюдение прав и свобод молодых граждан является необходимым фактором становления гражданского общества.

Предлагаемый респондентам перечень состоял из 11 прав и свобод (табл. 2.). Степень важности определялась нами исходя из суммы ответов «очень важно» и «пожалуй, важно», то есть как доля респондентов, которые определенно поддерживают важность соблюдения соответствующих прав и свобод в общем числе ответивших.

. $\begin{tabular}{ll} $\it Taблица~2$ \end{tabular}$ Степень важности соблюдения прав и свобод, с точки зрения молодежи Астрахани

Варианты ответов респондентов на вопрос «Насколько важно для Вас строгое соблюдение этих прав и свобод?»	Очень важно+ пожалуй, важно	Ранги важности
Свобода слова	87,9	1
Право безопасности и защиты личности	87,6	2
Свобода объединений, групп, союзов	55,0	11
Право народа на его собственный язык и культуру	77,0	8
Религиозные свободы	73,4	9
Равенство перед законом	84,9	5
Право на труд	83,1	6
Право на личную собственность	86,3	3
Право на образование и обучение	85,6	4
Право на тайну личной переписки, телефонных разговоров и т. д.	80,8	7
Право на эмиграцию	60,6	10

На первом—втором местах (87,9 и 87,6 % от числа опрошенных соответственно) молодежь г. Астрахани отметила высокую степень значимости свободы слова и право безопасности и защиты личности. 3-й и 4-й ранги занимают право на личную собственность, право на образование и обучение (86,3 и 85,6 % соответственно). Равенство перед законом молодежь ставит на 5-е место (84,9% от числа опрошенных).

Далее, с минимальным отрывом следуют право на труд (83,1 %, 6-й ранг) и право на тайну личной переписки, телефонных разговоров (81 %, 7-й ранг), а также право народа на его собственный язык и культуру (78,6%, 8-й ранг), религиозные свободы (73,5 %, 9-й ранг). Не так ярко выражена для молодежи Астрахани степень значимости права на эмиграцию (60,6 %, 10-й ранг). Замыкает иерархию право на свободу объединений, групп и союзов (55 %, 11-й ранг), что может свидетельствовать об их степени социальной значимости для современной молодежи.

Таким образом, наиболее остро молодежь чувствует социальную незащищенность от «внешних» условий: произвол чиновников, экологическая угроза, преступность, бедность и произвол правоохранительных органов. Субъективные характеристики (одиночество и заброшенность, религиозные и политические убеждения, возраст, пол, национальность) относятся к менее острым опасностям. При этом выбор важнейших для молодых людей прав и свобод (свобода слова, права безопасности и защиты личности, на личную собственность, образование и обучение, равноправие перед законом) выступает как некий механизм нейтрализации источников незащищенности: создание высокооплачиваемых рабочих мест путем реализации права на образование и развития экономики, социальная помощь и социальное обеспечение молодого населения, эффективная борьба с преступностью и процветающей коррупцией, решение экологических проблем в городе и регионе.

- 1. *Полюшкевич*, О. А. Представление о социальной защищенности жителей России и Португалии / О. А. Полюшкевич // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 66–71.
- 2. *Немировский, В. Г.* Чувство незащищенности от социальных опасностей как основа типологизации регионов (по материалам социологических исследований в Восточной и Западной Сибири) / В. Г. Немировский, А. В. Немировская // Мониторинг общественного мнения − 2012. №1 (107). С. 113–127.
 - 3. Благодатин, А. Финансовый словарь / А. Благодатин, Б. Райзберг, Л. Лозовский. М.: Инфра, 2009. 377 с.
- 4. *Лапин, Н.* Программа и типовой инструментарий «Социокультурный потрет региона России» (Модификация 2010) / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М.: ИФРАН, 2010. 111 с.
- 5. *Каргаполов, С.* Социальное самочувствие населения региона: опыт мониторингового исследования / С. В. Каргаполов, Е. В. Каргаполова // Известия ВолгГТУ: межвуз. сб. науч. ст. № 5 (132) / ВолгГТУ. Волгоград, 2014. (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания»; вып. 16). С. 42–47.
- 6. *Каргаполова, Е. В.* Социокультурный портрет Астраханской области: опыт социологического, экономического и политического анализа / Е. В. Каргаполова, А. Ю. Арясова, Т. Ю. Гречкина, Л. А. Лебединцева, Ю. И. Убогович. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010. 307 с.
- 7. *Каргаполова, Е. В.* Тридцатый регион: потенциал социального развития / науч. ред. проф. Н. В. Дулина. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2011. 375 с.
- 8. Регион : пространство смыслов и содержание: коллективная монография / Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова, Д. П. Ануфриев, А. Ю. Арясова, Е. О. Беликова, И. Н. Наумов, В. А. Парамонова, М. А. Симоненко, В. В. Токарев ; под общ. ред. Н. В. Дулиной, Е. В. Каргаполовой. Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2013. 294 с.
- 9. *Каргаполова, Е. В.* Социальная идентичность как фактор социокультурной адаптации : региональный аспект / Е. В. Каргаполова // Тезисы IV Всероссийского социологического конгресса «Социология в системе научного управления обществом». Москва, 2–4 февраля 2012 г. URL: www.israsru/abstract_bank_cngress4 /1459.pdf.
- 10. Каргаполова, Е. В. Привлекательность региона в оценках населения как форма проявления социальной адаптации / Е. В. Каргаполова, О. С. Хамзяева // Социальные изменения в современном российском обществе : социологический анализ : сб. тр. магистрантов, аспирантов, молодых ученых. Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2015. С. 158—164.
- 11. *Каргаполова, Е. В.* Адаптация студентов к обучению в вузе / Е. В. Каргаполова, О. С. Хамзяева // Психология пространственно-образовательного пространства человека : сб. науч. тр. 7-й Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 3–4 октября 2008 г. Екатеринбург : Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т. 2008. С. 154–160.
- 12. *Каргаполова*, *Е. В.* Особенности социально-психологической адаптации будущих инженеров в образовательной среде вуза / Е. В. Каргаполова, О. С Хамзяева // Проблемы высшего технического образования в России и за рубежом (к 50-летию Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления): матер. междунар. науч.метод.й конф. Улан-Удэ, 4–5 июня 2012 г. Улан-Удэ, 2012. С. 206–221.
- 13. Потенциал и особенности адаптации учащейся молодежи Астраханской области : опыт социологического, психологического и политического анализа / А. Ю. Арясова, Е. В. Каргаполова, Л. А. Лебединцева, С. Б. Медведев, С. Н. Рымарович, О. С. Хамзяева ; отв. ред. А. Ю. Арясова. Астрахань : АИСИ, 2011. 160 с.

УДК 947(470.75) "19/20":281.93:314.9 ББК 63.3(2Рос-4вог)64-283.31+86.372.81

$O. B. Pвачева^1, \Gamma. Я. Иванов^2$

КАЗАКИ-СТАРООБРЯДЦЫ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы

E-mail: 1 olgarvacheva@mail.ru, 2 qriqoryivanov@mail.ru

В статье дается обзор современного состояния казаков-старообрядцев на территории Волгоградской области и проблем исследования данной группы населения с точки зрения их социокультурной специфики. *Ключевые слова*: казаки-старообрядцы, история, быт, численность.

O. V. Rvacheva, G. Ya. Ivanov

COSSACK OLD BELIEVERS IN VOLGOGRAD OBLAST IN THE LATE 20TH AND THE EARLY 21ST CENTURIES

Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article covers the today's status and mode of life of Cossack Old Believers in Volgograd Oblast. Also their social and cultural specificity is examined from the point of view of their studying.

Keywords: Cossack Old Believers, history, everyday life, number (quantity)

Появление казаков-старообрядцев на территории современной Волгоградской области, их новейшая история и, в особенности, современное состояние не принадлежат на сегодняшний день к числу хорошо изученных областей. По замечанию О. Ю. Редькиной, к проблемам исследования данной группы следует отнести исследование старообрядчества без разделения на толки и согласия, неопределенность географии старообрядчества, отсутствие анализа динамики численности верующих и пр. К наименее же изученным периодам истории старообрядчества следует отнести XIX — нач. XX века [7, с. 257]. Более же поздний период истории старообрядчества на Дону практически не исследовался.

В данной статье авторы попытались обозначить некоторые аспекты современного состояния казаков-старообрядцев на территории Волгоградской области.

22 района современной Волгоградской области до административной реформы 1921 г. входили в состав Области войска Донского (территории бывших Второго Донского, Усть-Медведицкого и Хоперского округов). География расселения старообрядцев в этих районах достаточно обширна. Анклавы расселения казаков-старооборядцев сложились во всех трех казачьих округах, в привязке к современному административному делению это территории современных Кумылженского, Михайловского, Даниловского и Серафимовичского, Суровикинского, Котельниковского, Калачевского районов. Вместе с тем, по определению О. Ю. Редькиной, точно определить все старообрядческие поселения достаточно сложно, поскольку и специального фиксирования в официальных источниках не встречается [8]. Современная ситуация исследования старообрядцев осложнена еще и тем, что религиозный состав населения в советский период практически не отслеживался. Так, согласно данным, приведенным в Демоскопе Weekly, последний раз таблица, фиксировавшая распределение населения по вероисповеданиям, присутствовала в переписи 1897 г. [6] Таким образом, последний раз официальная численность «старообрядцев и уклонившихся от православия» в Области войска Донского согласно данным 1897 г., составила 130450 чел. [9].

Серьезную проблему составляет определение численности казаков-старообрядцев в Волгоградской области и в настоящее время. Согласно официальным источникам, сейчас на территории Волгоградской области зарегистрировано 11 старообрядческих общин двух направлений: Русская православная старообрядческая церковь (другое встречающееся название — Белокриницкая иерархия) и Русская Древлеправославная церковь. К наиболее поздним по времени создания относятся община Русской Православной старообрядческой Церкви в х. Трясиновском Серафимовичского

[©] Рвачева О. В., Иванов Г. Я., 2015

района и община Древлеправославной церкви в городе Фролово. По данным православной энциклопедии, в 2010 году в Волгоградской области было зарегистрировано девять старообрядческих общин. Из них шесть относятся к Белокриницкой иерархии (в Волгограде, Калаче-на-Дону, Котельникове, Суровикино, ст-це Березовской Даниловского р-на, во Фроловском р-не), три – к Русской Древлеправославной церкви (в Волгограде, Михайловке, Камышине) [1].

Общую же численность тех, кто продолжает относить себя к тому или иному старообрядческому направлению, определить невозможно, так как отсутствует официальная статистика. Можно привести лишь фрагментарную численность, основанную на личных данных настоятелей приходов. Так, по словам настоятеля прихода Святого Архистратига Михаила о. Александра, в г. Волгограде численность данного прихода в 2015 г. в среднем составляет 200–250 человек [4]. К тому же, существует много небольших незарегистрированных приходов в маленьких городах и хуторах.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет информация о современном быте казаковстарообрядцев, их взаимоотношениях с православными-никонианами, анализ трансформации социокультурной составляющей старообрядчества под воздействием процессов модернизации культуры, как в советский, так и в постсоветский период. Не претендуя на полный охват всех перечисленных проблем, авторам хотелось привести некоторые сведения о современном бытие казаковстарообрядцев, полученные в ходе беседы с их представителями.

Так, Любовь Агафоновна Белоусова 1938 г. р. из станицы Глазуновской Кумылженского района, относящая себя к верующим-старообрядцам, описывая бытовые контакты казаков-старообрядцев и никониан, отмечает, что они с никонианами всегда жили очень дружно, никаких противоречий или конфликтов на этой почве не возникало, и очень часто имели место браки между представителями двух религиозных направлений, что также считалось нормальным и никак не порицалось [5]. Интересна интерпретация информантки ситуации никоновской религиозной реформы в целом: «Все мы всегда жили вместе, и все молитвы одинаковые совершенно. Потому что, когда Никон начал делить, они делили что – они делили деньги и больше ничего» [5].

По словам другой информантки Марии Ивановны Гущиной 1937 г.р., казачки православного вероисповедания уроженки х. Краснянки Кумылжеского района Волгоградской области, никаких конфликтов с казаками-старообрядцами у них также не было: «У меня одноклассники были по старой вере, за одной партой сидели. Мы все вместе были и в гости ходили, и ничего. Вокруг в хуторах многие по старой вере жили, в Чиганаках Первых, Чиганаках Вторых, в Глазуновке и в Зимниках. Да у нас никаких различий даже в быту не было. Только у старых, а мы-то и не знали, что такое существует» [3].

Несмотря на политику нивелировки казачьей культуры в целом, проводимую советской властью, а также насаждения атеизма в советском государстве население сохраняло знание своей религиозной принадлежности. Из интервью с атаманом 2-го Донского казачьего округа Андреем Афанасьевичем Махиным 1969 г. р.: «Я с детства знал, что мы из староверов, мне бабушка рассказывала, я везде с ней в детстве был. Но крестился я после армии, сознательно. И жена крестилась, и венчался с ней в нашей церкви. У нас в Калаче есть Белокриницкая церковь, ходят примерно человек 300, я ее посещаю, у меня 11 крестников и среди старообрядцев и среди православных есть» [2].

По воспоминаниям Л. А. Белоусовой, в станице Глазуновской практически все население было старообрядцами, знали все молитвы и соблюдали посты. Бытовые религиозные обряды свободно исполнялись дома. А воспитание детей происходило на основе традиций, «богобоязненными». Информантка вспоминает, что с малого возраста знала все необходимые в быту молитвы. На вопрос, каким образом она учила молитвы, Любовь Агафоновна отвечает, что они все повторяли за бабушками и дедушками, на которых и ложилась основная ответственность по воспитанию детей, тогда как все работоспособное население уходило на работу [5].

Среди особенностей бытовой составляющей жизни станицы, упомянутых Любовью Агафоновной, нужно отметить полное отсутствие алкоголя и азартных карточных игр во время застолий: «Мы росли ребетишками, у нас сроду сиделки были, откуда мы все песни и знаем. Сидим, бывало, на печке, они сидят за столом, песни играют. Там же война была и после войны, там же голытьба была, ну голь перекатная, но никогда мы у них бутылку не видали на столе» [5]. Она утверждает, что на столах никогда не присутствовало спиртное, а любимым занятием станичников во время совместных праздников или мероприятий были старинные песни, которые пели повсеместно, игра в лото и катание яиц, в которое играли особенно часто на Пасху [5].

Говоря о Пасхе, следует заметить достаточно распространенную тенденцию. В отличие от современного обыкновения ходить на кладбище именно в воскресенье, по утверждению Любови Агафоновны, раньше этого никогда не делали, а кладбище посещали в пятницу перед праздником [5].

Старообрядцы не были закрытым сообществом. Практически все, с кем нам удалось побеседовать, говорили о смешанных браках между старообрядцами и никонианами, хотя встречались и ситуации целенаправленного поиска супруги или супруга той же веры.

Говоря о современном состоянии старообрядчества в Волгоградской области, стоит заметить, что в настоящее время оно не испытывает каких-либо притеснений со стороны административной власти. Однако наиболее пагубное влияние на традиционный уклад жизни старообрядцев оказывают современные культурные тенденции и отсутствие тех социокультурных основ, на которые опиралось как старообрядческая культура, так и традиционная казачья культура вообще.

Таким образом, казаки-старообрядцы являются коренным населением Волгоградской области. Старообрядчество, появившись в среде казачества во второй половине XVII в., стало частью казачьей культуры. Казаки-старообрядцы разделили участь всего казачества в начале XX в., их культурные религиозные традиции оказались в значительной степени размытыми, однако можно утверждать, что казаки-старообрядцы сохранили свою память и культурную и религиозную идентичность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. http://www.pravenc.ru/text/155148.html
- 2. Интервью с атаманом 2-го Донского казачьего округа А. А. Махиным. Волгоградская область г. Калач-на-Дону. Личный архив О. В. Рвачевой.
 - 3. Интервью с М. И. Гущиной. Волгоградская область г. Серафимович. Личный архив О. В. Рвачевой.
- 4. Интервью с настоятелем Прихода Святого Архистратига Михаила отцом Александром. Личный архив авторов, 2015 г.
 - 5. Полевые записи Г. Я. Иванова в ст-це Глазуновской, Кумылженского р-на, Волгоградской области, 2015 г.
- 6. Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств. Приложение Демоскопа Weekly // http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=8
- 7. *Редъкина, О. Ю.* Староверы нижней Волги и Дона в конце XIX XX вв. / О. Ю. Редъкина // Российская история. 2012 № 4
- 8. *Редькина, О. Ю.* Старообрядчество на Дону во второй половине XIX начале XX века (по материалам духовной периодической печати) / О. Ю. Редькина // Казачество: прошлое и настоящее : сб. науч. тр. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2000. С. 257.
- 9. Шпагин, С. А. Область Войска Донского 100 лет назад. К итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Донской временник (альманах) http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m2/1/art.aspx?art_id=5

УДК 1:316 ББК 87.6 +71.41(2Poc)

И. В. Карандашов

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ВОСПИТАНИИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ РОССИИ (К ПРОБЛЕМЕ ОСМЫСЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА КАЗАЧЕСТВА)

Волгоградский государственный университет

E-mail: kiv17@bk.ru

Статья посвящена исследованию роли региональной культуры, в частности, культуры казачества, в воспитании современного молодого поколения.

Ключевые слова: региональная культура, воспитание, идентичность.

I. V. Karandashov

THE ROLE OF REGIONAL CULTURE IN THE EDUCATION OF THE YOUNG GENERATION OF RUSSIA TO THE PROBLEM OF UNDERSTANDING THE SOCIAL STATUS OF THE COSSACKS)

Volgograd State University

The article is devoted to the role of regional culture, in particular, the culture of the Cossacks in the upbringing of modern young generation.

Keywords: regional culture, education, and identity.

[©] Карандашов И. В., 2015

В современном трансформирующемся рискогенном, лишенном устойчивых социальных ориентиров обществе вопросы социализации, образования и воспитания становятся проблемой для семьи и первостепенной задачей для общества. Эта задача решается, главным образом, в условиях регионального культурного пространства, в котором формируются базовые жизнеутверждающие смыслы, закладывается система ценностей. Региональная культура играет важнейшую роль в формировании менталитета и типа личности. Многонациональная и межконфессиональная культура Поволжья в этом плане предоставляет совершенно уникальные условия.

Как известно, возникновение региональной культуры обусловлено природно-географическими условиями, ее специфика складывается в уникальных исторических обстоятельствах, развитие определяется геополитической ситуацией. Истоки культуры Поволжья восходят к первому тысячелетию нашей эры и связаны с историей древних кочевых народов. Скифы, сарматы, аланы, гунны, печенеги устраивали свои стоянки в прибрежной степной и лесостепной зоне на пригодной для охоты и рыболовства волжской земле.

На протяжении столетий территория Поволжья оставалась отдаленной окраиной русского государства и была пристанищем социально неустроенной разнонациональной массы пассионариев, которые стремились к автономии и независимости, но при этом считали себя представителями Российского государства и охраняли его границу. В первой половине XIX века консолидация населения Поволжья завершилась формированием уникальной этносоциальной общности — казачества. В новом этническом образовании совместилась горячая кровь горцев, неутомимость степняков калмыков и бурят, степенность прибалтов, пунктуальность немцев и многие жизненно важны черты представителей других народов при доминировании русско-украинского этнического влияния.

Процесс возникновения института казачества и его история представляются как уникальный феномен народного творчества в сфере общественных отношений, важнейшими чертами которого являются общинная земельная собственность, выборное начало, самоуправление, относительная независимость от центральной власти, автономность. Эти формы жизнедеятельности наилучшим образом способствовали развитию свободомыслия, демократии, чувства справедливости и собственного достоинства, а также всестороннему развитию личности, что представляло опасность для тоталитарного режима. (В менталитете казака определяющее значение имеют образы бескрайней степи, широкой реки, свободного ветра). Скорее всего, данное обстоятельство явилось причиной политики «расказачивания» во время Гражданской войны.

После распада Советского Союза, который повлек за собой дестабилизацию геополитической обстановки, социальную разобщенность и необходимость восстанавливать культурную идентичность, институт казачества стал возрождаться. Сам факт возрождения казачества в обществе был воспринят как знак нерастраченного и незабытого мужества, способности быть верным семье и Отечеству, умения противостоять деструктивным процессам и тенденциям. Казачество как историкокультурный феномен оказалось важной составляющей социальной памяти, актуализирующей значимые смыслы, которые стали основой для самоидентификации региональной культуры Поволжья.

В исторической ретроспективе, раскрывающейся в художественном творчестве, фольклоре, исторических документах, сформирован образ казака как свободного независимого человека, который способен нести ответственность за свои речь и поступки, умело справляться с хозяйством, имеет свой этический и моральный кодекс, чтит духовные ценности и может постоять за Отчизну, проявив воинскую доблесть. Для казака принципиально значимы понятия воля, честь, дисциплина, преданность военному долгу, коллективизм, взаимопомощь, терпимость к религиозным и этническим различиям, физическое и нравственное здоровье. В традициях, идеологии, образе жизни казачества совмещаются такие жизненно важные качества, как умение вести хозяйство, личный и коллективный добросовестный труд; защита Отечества и правопорядка; активное и ответственное поведение в обществе; бережное отношение к духовным ценностям и воспроизводство культурного наследия; общественное самоуправление; укрепление традиционной семьи.

Элементы традиционной культуры казачества, возрождающейся в пространстве региональной культуры Поволжья, содержат в себе механизмы жизнетворчества, использование которых в процессе воспитания, социализации и образования молодого поколения может привести к укреплению, оздоровлению, обогащению нации. Формы жизни, присущие казачьей общине, в современных условиях могли бы стать значимыми моделями эффективного социального поведения. В настоящее время в утратившем устойчивые ориентиры трансформирующемся обществе очень высо-

ка степень разобщенности людей, снижается доверие государству, разрушаются нормы трудовой этики, нивелируются традиционные духовные ценности. Возрождение культурных традиций казачества в современном социокультурном контексте может оказать позитивное влияние на процессы современной модернизации общества.

Региональная культура Поволжья, образовавшаяся в ходе длительного межэтнического и поликонфессионального взаимодействия в пограничных условиях, обладает значительным коммуникативным потенциалом, который проявляется в способности вступать в конструктивное взаимодействие с другими культурами, мирным путем разрешать идеологические и культурные разногласия, веротерпимости, умении развиваться в разноликом многоголосье культур, не утрачивая собственной идентичности. Способность культуры быть открытой к взаимодействию имеет огромное значение в условиях глобализации и становления информационного общества. Культуры, базовые ценности которых позволяют активно вступать в коммуникацию, расширять коммуникативное пространство, обладают большими возможностями развития и влияния в современном мире. Не меньшее значение имеет умение ориентироваться в информационных потоках, выбирать правильные стратегии взаимодействия и развития, способствующие самосохранению, устойчивости в динамично меняющемся социокультурном пространстве.

Культура казачества – это культура рубежей, культура, которая имеет пограничный характер. На протяжении столетий казачьи войска расширяли и охраняли границы России. Историческим символом казачества является крепостная стена с тремя башнями как память о предназначении казаков быть хранителями границ. Современные социальные процессы сопряжены с расширением границ, преодолением рубежей, освоением новых духовных, культурных, социальных, экономических пространств. Очевидно, что современное казачество, как и в прежние трудные для России времена самоопределения и становления государственности, способно стать мощной социальной, духовной, гражданской и экономической силой, объединяющей усилия государства и общества в укреплении страны, воспитании и образовании молодежи, и являющей образец достойной и успешной жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. *Храпова, В. А.* К вопросу о региональной идентичности / В. А. Храпова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. -2011. − № 2 (14). − C. 90−95.
- 2. *Штыров, А. В.* К вопросу о смене образовательной парадигмы в ситуации постмодерна / А. В. Штыров, Н. В. Казанова // Известия ВолгГТУ: межвуз. сб. науч. ст. № 6 / ВолгГТУ. Волгоград, 2006. С. 18–20.
- 3. Социокультурный портрет региона / Е. В. Ануфриева, Н. В. Дулина, Е. Г. Ефимов, Н. А. Овчар, В. В. Токарев ; отв. ред. Е. В. Ануфриева ; ВолгГТУ. Волгоград, 2013. 155 с.

УДК 316.334 ББК 60.59

Ю. М. Пасовец

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАССМОТРЕНИЯ МЕЗОРЕГИОНА КАК ОБЪЕКТА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА*

Курский государственный университет

E-mail: yulia_pasovets@mail.ru

В статье обосновывается необходимость использования понятия мезорегиона для исследования в рамках российского общества групп регионов, объединенных общностью исторических, экономических и социо-культурных связей, определяются теоретико-методологические основания такого подхода с позиции социо-логической науки.

Ключевые слова: регион, мезорегион, макрорегион, социально-территориальная общность, социокультурное сообщество.

Yu. M. Pasovets

THEORETIC-METHODOLOGICAL BASES OF CONSIDERATION OF THE MESOREGION AS OBJECT OF THE SOCIOLOGICAL ANALYSIS Kursk State University

Article is devoted the substantiation of the mesoregion concept using for research of the regions groups united by a community of historical, economic and sociocultural relations within the Russian society, the definition of theoretic-methodological bases of such approach in sociology.

Keywords: region, mesoregion, macro region, social and territorial community, sociocultural community,

[©] Пасовец Ю. М., 2015

^{*} Работа подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-03-00506а «Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья».

В современном научном знании и практике социального управления понятие региона используется применительно к разным уровням организации пространства: макрорегиональному, то есть межгосударственному; страноведческому, или государственному; внутригосударственному, или субрегиональному [1, с. 4]. В случае российского общества, отличающегося масштабностью территории и многовариантностью социально-территориальных образований, при обращении к внутригосударственному уровню организации пространства возникает необходимость учитывать специфику социально-экономических и социокультурных связей между регионами как отдельными административно-территориальными единицами, выделять на этой основе группы регионов, объединенных общностью исторических, экономических и социокультурных связей, разграничивать эти конгломерации регионов по уровню. В связи с этим концептуализация понятия «мезорегион» представляет важную в теоретическом и практическом плане задачу социологического знания.

Для этого обратимся к анализу понятия региона, поскольку именно оно выступает исходным для научного осмысления взаимосвязей между социально-территориальными общностями в рамках социума в целом, и основных подходов к выделению регионов внутри российского государства и общества, разработанных в рамках государственного управления и научных исследований социальных процессов и структур в российских регионах.

Следует отметить, что само слово «регион» происходит от латинского слова «regionalis» и связано с такими латинскими словами, как «regio» (направление, граница) и «regere» (вести, направлять, управлять). Соответственно можно сказать, что семантически в рассматриваемом понятии находят отражение две взаимосвязанные составляющие: пространственная, предполагающая организацию пространства (физического, социокультурного и др.), и управленческая, связанная с регулированием процессов и структур.

В первом ракурсе регион предстает как часть пространства, обладающая определенными характеристиками. При этом с позиции конкретной науки (биологии, географии, экономики, социологии и др.) в качестве значимых для регионов характеристик могут выступать различные критерии: природно-климатические условия, отраслевая специализация экономики, этническая структура населения и его религиозный состав и др. В свою очередь, эти критерии могут иметь разную природу: объективную (как в случае природно-климатических условий) или субъективную (как в случае региональной идентичности как результата осознания индивидом принадлежности к определенной социально-территориальной общности, которая по своим пространственным параметрам может не совпадать с границами административно-территориальных единиц). Регионы могут возникать как естественные образования, когда они складываются на основе природных факторов и/или исторически, имеют прочные разносторонние связи, или искусственные конструкты, формируемые для определенных целей (управленческих, научных и др.). В этом плане регионализация представляет собой процесс образования регионов на основе естественных предпосылок или посредством административного решения. В связи с этим однозначная трактовка понятия региона становится возможной в рамках конкретного подхода к его рассмотрению.

Во втором ракурсе рассмотрения региона – управленческом – создание регионов может рассматриваться как инструмент максимально эффективного управления отдельной территорией, ее ресурсами (природными, социальными, культурными и др.). Эти аспекты наиболее последовательно осмысливаются в концепции «региональности», где получают обоснование процессы децентрализации государственной власти и различные формы регионализации, включая появление новых форм местного партнерства, районирование (регионализацию) внутри национальных государств и формирование транснациональных регионов.

К настоящему времени в целях управления российским обществом и отдельными территориями внутри него сложилось несколько подходов к выделению регионов, которые отражают административно-территориальное и административно-экономическое деление России. С позиции первого деления в качестве регионов выступают субъекты федерации, федеральные округа; с позиции второго – экономические районы.

В рамках административно-территориального деления российского государства конкретный субъект Российской Федерации может рассматриваться как отдельный регион, то есть территориальная единица политико-административной структуры страны. Его правовой статус определяется Конституцией России и конституциями республик в составе Российской Федерации и уставами

других субъектов федерации. Согласно Конституции Российской Федерации, в состав России входят следующие субъекты: 22 национальные республики; 9 краев; 46 областей; 3 города федерального значения; одна автономная область; 4 автономные округа.

В этом плане территориальное деление российского общества на региональные сообщества отвечает государственной необходимости управления обществом и имеет конкретно-практический смысл. Регион ограничен рамками определенной территории и характеризуется спецификой природных условий, этнорелигиозным составом населения, его бытовыми традициями, специализацией производства и обмена товаров и услуг, количеством и структурой рабочих мест, социальной инфраструктурой, дифференциацией уровня и качества жизни различных слоев населения, организацией политико-административного управления. Регион как субъект федерации может рассматриваться как территориальная единица не только политико-административной, но и экономической и социально-культурной структуры страны [2, с. 22–23].

Наряду с делением территории российского государства на субъекты федерации принято ее разделение на федеральные округа, которые были созданы в соответствии с Указом Президента России от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе». В настоящее время выделяются девять федеральных округов: Центральный, Северо-Западный, Южный, Северо-Кавказский, Приволжский, Уральский, Сибирский, Дальневосточный и Крымский федеральные округа. В состав ЦФО включены 18 субъектов федерации: области и город федерального значения Москва.

Территориальное деление страны на экономические районы связано с экономической специализацией регионов России как субъектов федерации. Под экономическим районом понимаются территориально связанные части единого народного хозяйства страны, взаимосвязанные друг с другом их различной специализацией, постоянным обменом производимых товаров и другими экономическими отношениями. В пределах Российской Федерации существуют 12 экономических районов: Центральный, Центрально-Черноземный, Восточно-Сибирский, Дальневосточный, Северный, Северо-Кавказский, Северо-Западный, Поволжский, Уральский, Волго-Вятский, Западно-Сибирский, Калининградский.

В отечественных социологических исследованиях региональной проблематики понятие региона зачастую используется в двух смыслах: общетеоретическом и конкретно-практическом, когда за основу берется существующее административно-территориальное деление страны. В общетеоретическом смысле регион — это исторически сложившееся территориальное сообщество людей в составе большого общества, мезоуровень структуры и динамики общества, его социокультурного пространства. В этом ракурсе проявляется специфика региона как социально-территориального сообщества с точки зрения характера социальных связей и отношений, отличающих совокупность социальных акторов, включенных в жизнедеятельность конкретного территориального образования [2, с. 22–23]. Сочетание этих двух ракурсов позволяет рассматривать регион как социальную общность и социокультурное сообщество в определенных административно-территориальных границах.

Такое понимание сущности региона становится возможным на основе использования совокупности теоретико-методологических подходов: системного, структурно-функционального, социо-культурного и антропосоциетального. Системный подход представляет регион как совокупность взаимосвязанных между собой элементов и образованных из них подсистем, обладающую особым качеством, которое отсутствует у составляющих систему элементов. Структурно-функциональный подход, дополняя системный подход, проявляет структуру связей между элементами и подсистемами региона, инвариантную относительно внешних преобразований, выполняющую определенные функции и отличающуюся некоторой самостоятельностью по отношению к внешней среде.

В русле социокультурного подхода регион рассматривается как исторически сложившееся социокультурное сообщество, которое образуется в результате деятельности социальных акторов – жителей, социальных групп, организаций региона, выполняет по отношению к ним и к обществу определенные функции и служит средой, которая мотивирует социальных акторов [3, с. 10–11]. Антропосоциетальный подход позволяет трактовать регион как территориальную общность, в которой первичные поселенческие общности и жизненные миры людей непосредственно взаимодействуют со структурами общества как социетальной системы – институтами и организациями [4, с. 29].

С учетом социальной и социокультурной специфики российского общества представляется возможным структурирование региональных сообществ по их масштабу на макро-, мезо- и микро-

уровне. При этом на микроуровне регион будет выступать как социальная общность и социокультурное сообщество в границах субъекта федерации; на макроуровне – федерального округа. Здесь следует отметить, что в отечественной научной литературе зачастую в качестве макрорегионов рассматриваются федеральные округа или социально-территориальные образования, близкие к ним по территориальному составу. Так, С. В. Кузнецов использует понятие макрорегиона Северо-Запад, понимая под ним Северо-Западный федеральный округ, и характеризует проблемы пространственного развития этого макрорегиона, к числу которых он относит проблемы всех северных территорий России [5, с. 22]. Н. В. Дулина обращает внимание на особенности социокультурного пространства такого макрорегиона, как Юг России, обозначая его понятием культурного пограничья. Тем самым она подчеркивает, что территориальное расположение данного макрорегиона на «перекрестке цивилизаций» обусловило его социокультурные особенности, связанные с национальным и конфессиональным многообразием, социальной диффузией во всех направлениях социокультурного пространства [6, с. 150–151].

При этом российские исследователи обращаются к понятию мезорегиона в редких случаях, и то в основном для обозначения федеральных округов [7]. На наш взгляд, эвристический потенциал данного термина остается недооцененным в исследованиях региональной проблематики. Вместе с тем использование понятия мезорегиона позволяет обратиться к анализу оснований интеграции между российскими регионами, расположенными близко друг к другу территориально и объединенных общностью исторической судьбы, экономическими и социокультурными связями, выделить общие для группы регионов черты и специфические для отдельных регионов характеристики. Если исходить из такой позиции, в качестве мезорегиона может выступать Центральное Черноземье, включающее регионы Центрально-Черноземного экономического района: Белгородскую, Воронежскую, Курскую, Липецкую, Тамбовскую области, а также Орловскую область как отличающуюся общностью истории с Курским краем, имеющую тесные социокультурные и экономические связи с этими регионами.

В целом основные подходы к исследованию региона как социальной общности и социокультурного сообщества могут выступать в качестве теоретико-методологической базы исследования и мезорегиона как группы регионов, объединенных общностью исторических, экономических и социокультурных связей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. Современный российский регион: оценка состояния и тенденции развития : монография / Е. В. Каргаполова, Д. П. Ануфриев, А. Ю. Арясова, Л. В. Боронина, Е. С. Дегтярева, Н. В. Дулина, С. В. Каргаполов, Н. А. Овчар, В. В. Токарев. Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2012. 185 с.
- 2. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общ. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева; Ин-т философии РАН, Центр изучения социокультурных изменений, Науч.-координационный совет секции ФСПП ООН РАН «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». М.: Academia, 2009. 808 с.
- 3. Лапин, Н. И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры / Н. И. Лапин // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3–12.
- 4. *Лапин*, *Н*. *И*. Новые проблемы исследований региональных сообществ / Н. И. Лапин // Социологические исследования. -2010. -№ 7. -C. 28–37.
- 5. *Кузнецов, С. В.* Макрорегион Северо-Запад : проблемы пространственного развития / С. В. Кузнецов // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2012. Т. 3. № 31. С. 22–29.
- 6. Дулина, Н. В. Социокультурное пространство Юга России как «культурное пограничье» / Н. В. Дулина // Известия ВолгГТУ: межвуз. сб. науч. ст. № 8 (93) / ВолгГТУ. Волгоград, 2014. С. 150–153.
- 7. *Бельчук*, *E. В.* Анализ региональной дифференциации социальной сферы России / Е. В. Бельчук // Экономический анализ : теория и практика. -2012. -№ 32. C. 11-18.

УДК 314 ББК 60.7

Ю. Г. Миронова

МИГРАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Астраханский государственный университет

E-mail: lysjakova@mail.ru

Статья посвящена анализу региональных особенностей миграционной активности молодежи в Астраханской области. Изучение миграционных процессов и возможность их регулирования, осмысление происходящих в них изменений на региональном уровне представляют важное научное теоретическое и практическое значение. Основным источником информации являются официальные статистические данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Астраханской области. В статье проводится сравнительный анализ внутрирегиональных миграционных процессов, основой которых является миграционная активность молодежи.

Ключевые слова: миграционные процессы, миграционный прирост, миграционная убыль, миграционный поток, миграционная подвижность, структура мигрантов, причины миграции.

J. G. Mironova

MIGRATION ACTIVE YOUTH ASTRAKHAN REGION

Astrakhan State University

This article analyzes the regional characteristics of migration activity of young people in the Astrakhan region. The study of migration processes and the possibility of regulation, understanding changes occurring in them, at the regional level, are of great scientific theoretical and practical significance. The main source of information is the official statistics of the Territorial Department of the Federal State Statistics Service of the Astrakhan region. The article presents a comparative analysis within the regional migration processes, which are based on the migratory activity of young people.

Keywords: migration, migration increase, migration loss, migration flows, migration mobility, structure of migrants, reasons for migration.

Миграция населения является одним из самых сложных социально-экономических процессов, подверженных воздействию комплекса политических, экономических и социальных факторов. Миграция комплексный социальный процесс, предполагающий массовое перемещение населения между населенными пунктами, регионами, странами, связанное с переменой постоянного места жительства, влекущее существенное изменение социального положения населения [5].

По мнению Т. Н. Юдиной, миграция имеет следующие признаки, позволяющие классифицировать ее как социальный процесс: устойчивость, определяемая четкой причинно-следственной связью составляющих данного процесса; социальное содержание источников и результатов; самодеятельность участников [6].

Большего внимания для научного рассмотрения сегодня заслуживает внутренняя региональная миграция, поскольку эта область в последнее время оказалась на втором плане научных исследований. Астраханская область входит в состав Южного федерального округа, охватывающего юговосток европейской части России, занимая приграничное положение и являясь привлекательной в миграционном плане. Численность постоянного населения Астраханской области на 1 января 2014 года составила 1016500 человек. В 2008–2010 годах отмечено снижение миграционной активности населения. Наибольшей миграционной подвижностью обладает социальная группа молодежь в возрасте от 16 до 30 лет. В общем объеме внешней миграции области за 2011 год доля лиц трудоспособного возраста составила 82,8 %, из них почти каждый второй – в возрасте 16–30 лет. Число лиц трудоспособного возраста в миграционном обмене Астраханской области увеличилось по сравнению с 2007 годом на 9026 человек за счет снижения доли лиц в структуре мигрантов моложе и старше трудоспособного возраста [2].

Наиболее привлекательны для молодежи: Московская область -11,3%; города Москва -7% и Санкт-Петербург -4,7%; Краснодарский край -9,4% и Волгоградская область -5,9%. Стоит отметить, что число выбывших в Московскую область в 2007 году составляло 9,5% от общего числа выбывших в другие регионы страны, а в 2011 году этот показатель увеличился до 12,4% [2].

[©] Миронова Ю. Г., 2015

Из эмигрантов, выбывших в 2011 году в другие регионы России, 28,7 % остались жить в пределах Южного федерального округа. Среди его регионов жители Астраханской области отдают предпочтение Волгоградской области, Краснодарскому краю. В обмене населением с федеральными округами Российской Федерации наибольшая величина миграционных потерь сложилась с Центральным федеральным округом: в 2010 году туда уехало 1509 человек, а в 2011 году уже 1868 человек. Большую часть выбывших — 77,6 % — составляют эмигранты трудоспособного возраста, из них более половины молодежь в возрасте 16—30 лет. Большая часть из них едет получать образование в центральные и ведущие вузы страны. Получив образование, молодые люди начинают трудоустраиваться, обзаводятся семьей, ищут лучшие условия для работы и жизни. Этим объясняется высокая миграционная активность и направленность миграционных потоков молодежи Астраханской области. Такой отток населения влияет на возрастную структуру населения. В результате по области снижается доля населения в трудоспособном возрасте и растет доля лиц старше трудоспособного возраста, так как население в этом возрасте имеет очень низкую миграционную активность [4].

Межобластной поток мигрантов, уехавших из области в поисках работы, за последнее время увеличился с 11,2 % в 2007 году до 16,6 % в 2011 году. Основными причинами выбытия, по данным опроса, являются: обстоятельства личного и семейного характера – их отметили 48,1 % опрошенных; в связи с учебой – 26,9 %; возврат к прежнему месту жительства – 6,8 %. В связи с учебой эмигранты выезжают в основном в города Москву 17,9 %, Санкт-Петербург – 15,6 %, Ростов-на-Дону – 7,5 %, Краснодар – 7,3 %, Саратов – 8,8 % и Волгоград – 6,5 %, так как они являются крупными образовательными центрами России [3, с. 32]. Отток населения за пределы области в другие регионы наблюдается как в городском, так и в сельском населении. Причем из городской местности он значительно выше – 7491 человек, или 75,6 % от общего числа выбывших за 2011 год, по сравнению с сельской местностью, где число выбывших составило 2413 человек, или 24,4 % от общего числа выбывших [1].

На миграционное поведение молодежи влияют многие факторы, прежде всего социально-экономическое положение региона, уровень безработицы и возможность найти достойную работу, уровень заработной платы, а также уровень развития и качество профессионального образования в регионе. В 2014 году «Центром социологических исследований АГУ» было проведено социологическое исследование, одной из задач которого было определить направленность миграционного поведения и установок студентов относительно дальнейшего проживания в Астраханской области.

Третья часть всех опрошенных, 32,8 %, не собирается покидать родной город, так как им нравится в г. Астрахани. В ближайшее время собираются уехать из г. Астрахани 53,9 % опрошенных респондентов, а 17,2 % собираются уехать в ближайшие пять лет. Нужно отметить, что 13,3 % респондентов хотели бы также покинуть Астрахань, но не могут этого сделать по личным причинам. Ответы на данный вопрос имеют ярко выраженную зависимость от пола и курса обучения. Среди представителей мужского пола 37,5 % высказались о том, что им нравится город и они не желают уезжать, тогда как более трети девушек 39 % планируют уехать из г. Астрахань в будущем. Существует явная зависимость ответов на вопрос от курса обучающихся — чем старше курс обучения, тем больше процент тех, кому нравится в Астрахани и они не хотят уезжать. Возможно, это связанно с тем, что студенты старших курсов более реально смотрят на жизнь и понимают, что переезд на другое место жительства связан с трудностями экономического и бытового характера. Даже те, кому не нравится жить в Астрахани, в силу привычки и будущих трудностей в устройстве на новом месте не решаются покинуть обжитое место.

Среди причин, вызывающих у респондентов желание сменить место жительства, были выделены следующие: наличие больших возможностей в крупных городах, в том числе для раскрытия профессионального потенциала – 21,4 %; проблема трудоустройства, условий трудоустройства – 17,1 %; поиск лучших условий для проживания; перспектива высокого уровня жизни в других городах – 14,3 %; плохая экология и загрязненность города в Астраханской области – 12,9 %.

Особый интерес для научного анализа миграционной активности молодежи представляют внутренние региональные миграционные процессы. Внутренняя региональная миграция определяется внутриобластными перемещениями населения, на долю которых ежегодно приходится от 38 до 49 % от объема всего миграционного потока области. За последние пять лет миграционный оборот внутри региона составил 68214 человек. Неравномерность экономического и социального развития районов и городов Астраханской области приводит к интенсивной внутрирегиональной

миграции. В 2011 году городское население области росло только за счет сельского на 948 человек (это в 1,5 раза больше чем в 2009 году и в 3,2 раза больше чем в 2008 году). Наиболее ощутимым отток сельских жителей был из Красноярского района – 338 человек, Ахтубинского района – 209 человек, Енотаевского района – 153 человек, Камызякского района – 143 человек и Володарского района – 141 человек [2].

Среди мигрантов внутриобластного потока в возрасте 14 лет и старше 20,9 % имели высшее образование; 3,9 % – незаконченное высшее; 35,7 % – среднее профессиональное и 23,8 % – среднее общее образование. Более 85 % мигрантов составляет молодежь в возрасте от 16 до 30 лет. Мигранты в возрасте 14 лет и старше во внутрирегиональной миграции основными причинами переезда из городских поселений в сельские указали причины, связанные с учебой – 79,8 %; возвращение к прежнему месту жительства -4.1%; в связи с работой -2.4% [3].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что основными субъектами миграционной активности в Астраханской области является молодежь. Статистические данные показывают, что основу миграционных потоков Астраханской области составляет межрегиональное переселение граждан в другие регионы Российской Федерации. В течение последних десяти лет по этому виду миграции область имеет устойчивый отток населения в другие регионы.

За 2007-2011 годы в миграционном обмене с областями Российской Федерации область потеряла 8355 человек и в основном это были молодые люди. Молодежь, выезжающая из области, стремится в крупные города и регионы, поскольку они привлекают наличием больших возможностей для учебы, работы и самореализации. Стремление к переселению вызвано также желанием иметь лучшие социально-экономические условия и качество жизни, которые есть в регионах вселения. Наибольший поток эмигрантов из области направляется на постоянное жительство в Московскую область, города Москву и Санкт-Петербург, Краснодарский и Ставропольский края. Получив образование, молодые люди начинают трудоустраиваться, создают семьи, ищут лучшие условия для работы и жизни, эти факторы прежде всего и обусловливают высокую миграционную активность молодежи. Необходимо выделить две лидирующие причины, из-за которых молодежь высказывает желание уехать из Астрахани, и обе они связаны с отсутствием возможности для реализации их образовательного и трудового, экономического потенциала. Неравномерность экономического и социального развития районов и городов области приводит к интенсивной внутрирегиональной миграции, этот миграционный поток в основном направлен из сельских районов в города и областной центр город Астрахань. Все районы области, за исключением двух, имеют устойчивый отток населения. Основным фактором миграционной активности сельской молодежи является потребность в получении профессионального образования, при этом получив его, молодые люди остаются в областном центре или мигрируют в другие регионы России в поисках более высокого уровня и качества жизни, так как в сельской местности они не могут найти работу и самореализоваться.

Для достижения сбалансированности региональных экономических и демографических структур и процессов необходимо осуществлять регулирование миграционных процессов, так как возможность их саморегулирования в настоящее время крайне низка из-за недостаточной эффективности миграционной политики на региональном уровне. Анализ региональных миграционных процессов позволяет выявлять воздействие различных социальных, экономических и политических факторов на формирование миграционных потоков, повышает репрезентативность их прогнозирования и эффективность миграционной политики региональных властей. Региональные власти должны уделять большее внимание экономическому развитию региона, улучшению социальной инфраструктуры и повышению уровня и качества регионального образования, так как эти меры могут способствовать снижению оттока молодежи из Астраханской области.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. Астраханская область в цифрах : крат. стат. сб. / Астраханьстат. г. Астрахань. 2013. 83 с.
- 2. Статистический ежегодник Астраханской области. -2013: стат. сб. / Астраханьстат. Астрахань. -2013. -264 с. 3. Женщины и мужчины Астраханской области в 2007-2011 годах: стат. сб. / Астраханьстат. Астрахань. -2012. -82 с
- 4. Миронова, Ю. Г. Региональные особенности современных миграционных процессов в Астраханской области / Ю. Г. Миронова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 2 (43). – С. 321–327.
- 5. Рыбаковский, Л. Л. Миграционный потенциал: понятия и критерии оценки / Л. Л. Рыбаковский // Социологические исследования. – 2009. – № 2. – С. 34–50.
- 6. Юдина, Т. Н. О социологическом анализе миграционных процессов / Т. Н. Юдина // Социологические исследования. – 2002. – № 10. – С. 29–36.

УДК 316.7 ББК 60.56

И. В. Лашук

ДИНАМИКА ДОСУГОВЫХ СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ГРУПП БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Государственное научное учреждение «Институт социологии НАН Беларуси»

E-mail: lashuki74@gmail.com

Статья посвящена изучению динамики досугового поведения социально-демографических и территориальных групп белорусского общества.

Ключевые слова: досуговые стратегии поведения, целевые установки, экономические стратегии досугового поведения.

I. V. Lashuk

THE DYNAMIC OF LEISURE BEHAVIOR STRATEGIES OF SOCIO-DEMOGRAPHIC AND TERRITORIAL GROUPS OF BELARUSIAN SOCIETY

The Institute of sociology of NAS of Belarus

The article is devoted to the studying the dynamic of leisure behavior of socio-demographic and territorial groups of Belarusian society.

Keywords: strategies of leisure behavior, target settings, economic strategies of leisure behavior.

Фокус внимания данной работы сосредоточен на проведении сравнительного анализа стратегий досугового поведения в 2013–2014 годах по следующим основным индикаторам:

- 1) формы досуговых практик (фактические/желаемые);
- 2) целевые установки;
- 3) поведенческие стратегии, в которых реализуются досуговые практики (посещение учреждений культуры, спорта);
 - 4) экономические стратегии поведения относительно выбора форм досуговых практик.

Эмпирической базой сравнительного анализа явились данные социологических исследований, проведенных ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» в 2013 и 2014 голах по выборкам, репрезентативным по полу, возрасту, уровню образования, типу населенного пункта и региону проживания. Генеральной совокупностью проведенных исследований является население РБ от 16 и старше. Выборочная совокупность в 2014 году составила 2000 человек, в 2013—1545 респондентов.

Рассмотрим далее динамику фактических и желаемых досуговых практик респондентов. Для определения фактических стратегий досугового поведения респондентам предлагалось ответить на вопрос «Как Вы обычно проводите досуг?». Полученные данные свидетельствуют о том, что за рассматриваемый период структура фактических досуговых практик не изменилась, однако зафиксировано, что значительно увеличилось количество людей, которые проводят свое свободное время в Интернете.

Следует отметить незначительное, но повышение активности жителей Беларуси в проведении досуга. Так, респонденты больше стали заниматься любимым делом, самообразованием, участвовать в общественных мероприятиях, посещать учреждения культуры. Немного менее популярной стала досуговая практика «отдых дома».

Для определения желаемых досуговых стратегий поведения респондентам предлагалось ответить на вопрос «Как Вы хотели бы проводить досуг?». Следует отметить, что в обоих эмпирических замерах зафиксировано рассогласование между желаемыми и фактическими досуговыми практиками. По результатам следует отметить повышение потенциальной активности респондентов, проявляющейся в наличии желания активно проводить досуг. Так, в 2014 году жители страны в большей степени проявляют интерес к таким досуговым формам, как (в порядке убывания): участие в общественных мероприятиях; самообразование; занятия спортом (фитнесом); посещение учреждений культуры.

_

[©] Лашук И. В., 2015

Наибольший интерес представляет выявленная особенность, заключающаяся в значительном повышении стремления жителей Беларуси участвовать в мероприятиях, проводимых общественными организациями. Обозначенная тенденция выражена в наибольшей степени у представителей Гомельского и Брестского региона.

В зависимости от возрастного признака зафиксировано:

- респонденты всех возрастных групп все меньше стремятся выезжать на природу, заниматься любимым делом; отдыхать дома; ходить в гости;
- белорусы в возрасте 25 лет и старше в большей степени стали ориентироваться на самообразование;
- все возрастные группы стремятся больше времени уделять занятиям спортом, посещениям культурно-досуговых учреждений, а также участвовать в общественных мероприятиях;
- возрастная группа 55 лет и старше выражает острое желание больше времени проводить в Интернете.

Данные проведенных социологических исследований свидетельствуют о том, что в 2014 году респонденты стали активнее посещать все учреждения культуры и спорта. В зависимости от возраста респондента зафиксировано, что во всех возрастных группах увеличилось количество посетителей театров и концертных залов. Отмечается также увеличение численности посетителей музеев, спортивных залов и библиотек в возрасте 25 лет и старше.

Полученные в ходе проведенных исследований данные позволили также зафиксировать увеличение численности посетителей парков отдыха в возрасте старше 40 лет. С другой стороны, необходимо отметить значительное уменьшение численности посетителей клубов по интересам респондентов в возрасте до 24 лет.

Сравнительный анализ оценок респондентами значимости разных характеристик при выборе досуга свидетельствует о том, что в 2014 году снизилась значимость всех характеристик, однако сама иерархия качеств серьезно не изменилась. В зависимости от возраста зафиксирована та же специфика – уменьшилась оценка значимости всех характеристик досуга.

В связи с тем, что по результатам обоих исследований достаточно высок процент респондентов, которые не удовлетворены имеющимися финансовыми возможностями для проведения желаемого досуга, авторским коллективом были разработаны возможные варианты стратегий поведения респондента в данной ситуации:

- 1. Активистская наличие денег и проведение досуга по ранее намеченному плану.
- 2. Регрессионная поиск альтернативных вариантов проведения свободного времени, которые приемлемы по цене.
 - 3. Адаптационная замена на такой вид досуга, который не требует материальных затрат.

Данные проведенных социологических исследований свидетельствуют о том, что за исследуемый период увеличилось число респондентов, придерживающихся регрессионной экономической стратегии досугового поведения.

В зависимости от возраста следует отметить следующее:

- во всех возрастных группах уменьшилось количество респондентов, придерживающихся активистской экономической стратегии досугового поведения;
- во всех возрастных группах отмечается отрицательная динамика относительно адаптационной экономической стратегии досугового поведения, особенно ярко эта особенность выражена в возрастной группе 55 лет и старше;
- во всех возрастных группах зафиксировано увеличение числа лиц, которые в случае материальных трудностей заменяют желаемый отдых на такой вид досуга, который не требует материальных затрат, особенно ярко данная тенденция выражена в самой младшей и самой старшей возрастных группах.

В зависимости от типа населенного пункта респондента зафиксировано, что число приверженцев активистской экономической стратегии досугового поведения уменьшилось в группе горожан.

В зависимости от гендерной принадлежности серьезных различий не обнаружено, отмечается только рост популярности регрессионной экономической стратегии досугового поведения среди женщин за счет уменьшения распространенности адаптационной стратегии досугового поведения.

Итак, проведенный сравнительный анализ стратегий досугового поведения социально-демографических и территориальных групп позволил сделать следующие выводы:

- 1. Отмечается незначительное, но повышение активности жителей Беларуси в проведении досуга. Так, респонденты больше стали заниматься любимым делом, самообразованием, участвовать в общественных мероприятиях, посещать учреждения культуры. Немного менее популярной стала досуговая практика «отдых дома».
- 2. Эмпирические замеры зафиксировали рассогласование между желаемыми и фактическими досуговыми практиками. По результатам сравнительного анализа следует отметить повышение потенциальной активности респондентов, проявляющейся в наличии желания активно проводить досуг.
- 3. Данные проведенных социологических исследований свидетельствуют о том, что в 2014 году респонденты стали активнее посещать все учреждения культуры и спорта. В зависимости от возраста респондента зафиксировано, что во всех возрастных группах увеличилось количество посетителей театров и концертных залов. Отмечается также увеличение численности посетителей музеев, спортивных залов и библиотек в возрасте 25 лет и старше. В зависимости от типа населенного пункта зафиксирована положительная динамика в посещении учреждений культуры и спорта. Наиболее значительные изменения у сельчан зафиксированы относительно посещений библиотек и концертных залов, у горожан посещений кинотеатров и спортивных залов. В зависимости от гендерной принадлежности отмечается положительная динамика и у мужчин, и у женщин в посещении музеев, кинотеатров и спортивных залов. У женщин зафиксирована большая, по сравнению с мужчинами, динамика посещаемости библиотек и парков отдыха.
- 4. Сравнительный анализ оценок респондентами значимости разных характеристик при выборе досуга свидетельствует о том, что в 2014 году снизилась значимость всех характеристик.
- 5. Данные проведенных социологических исследований свидетельствуют о том, что за исследуемый период увеличилось число респондентов, придерживающихся регрессионной экономической стратегии досугового поведения.

УДК 316.477 ББК 60.56

О. Н. Лихачева

ЖИЗНЕННЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Институт социологии НАН Беларуси

E-mail: olih-n@mail.ru

Статья посвящена проблеме формирования жизненных и профессиональных ориентиров молодых специалистов сферы культуры в Республике Беларусь. Анализируются ценностные ориентации различных профессиональных групп молодых специалистов, а также их карьерные устремления и мотивационная структура.

Ключевые слова: молодой специалист, социально-профессиональные ориентации, мотив, профессия.

O. N. Likhachova

LIFE AND PROFESSIONAL ORIENTATIONS OF YOUNG SPECIALISTS OF THE SPHERE OF CULTURE IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Institute of Sociology of the NAS of Belarus

Article is devoted to the problem of formation of life and professional orientations of young specialists in culture of the Republic of Belarus. Value orientations of different professional groups of young specialists as well as their motivation and career intentions are considered.

Keywords: young specialist, social-professional orientations, motive, profession.

Молодые специалисты сферы культуры прямо или опосредованно создают условия для функционирования системы культурных учреждений. Законодательство Республики Беларусь к молодым специалистам относит выпускников учреждений образования, получивших профессиональное высшее или среднее специальное образование дневной формы обучения за счет средств рес-

публиканского и (или) местных бюджетов, направленных на работу по обязательному распределению [1], получивших специальность на платной основе (по их желанию они могут направляться на работу в случае наличия вакансий).

Эмпирическую базу исследования составили данные социологического опроса, проведенного в г. Минске и Могилевской области (2014 г., n = 341 человек). Были выделены три группы коллективов культуры, принимающих молодых специалистов. К первой группе отнесем работников творчества (артисты театров, филармоний, фольклорных, хореографических коллективов), в выборке исследования их оказалось $24,2\,\%$. Вторая группа — библиотечные и музейные работники (25,5 %). Третья — преподаватели музыкальных, художественных школ, колледжей и училищ (50,3 %). Каждое из этих профессиональных объединений молодых специалистов имеет свои специфические особенности, интересы, функционирует в своеобразной духовно-нравственной и художественной среде.

Свои ценностные ориентации опрошенные молодые специалисты представили в следующей последовательности (табл. 1):

 $\it Taблица~1$ Ценностные ориентации молодых специалистов

Варианты ответов	%
Крепкая семья	26,9
Хорошее здоровье	22,5
Материальный достаток	14,0
Дети	11,6
Быть высокопрофессиональным специалистом	7,5
Свобода, независимость	6,7
Образование, знания	6,5
Карьерное продвижение	3,6
Стать популярным, знаменитым	0,6

Первую тройку социальных интересов обследуемой группы можно обозначить термином «основополагающие», лежащие в основе обеспечения жизнедеятельности. Они формируются как субъективное отношение к доминантным нравственным ценностям общества, в основе которых лежит привычное восприятие какой-либо реальности, сложившейся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта. Но социальные интересы не могут существовать вне сложившейся системы экономических, социально-политических и нравственных отношений. Субъектность молодых специалистов выступает как отражение реального состояния общества, при этом следует учитывать, что в гендерном аспекте культурная сфера имеет «женское лицо», а семейнобытовые аспекты и материальная сторона играют для них особую значимость.

В ходе социологического исследования выяснилось, что различные категории молодых специалистов по-разному оценивают перспективы служебного роста в зависимости от той или иной социально-профессиональной среды (табл. 2).

Таблица 2 Распределение положительных ответов респондентов на вопросы, по поводу профессионального роста, %

D	Наименование групп			
Варианты ответов	Работники творчества	Библиотекари, музейщики	Педагогические работники	
Быть высокопрофессиональным специалистом	25,4	16,4	58,2	
Карьерное продвижение	29,0	9,7	61,3	
Стать популярным, знаменитым	33,3	50,0	16,7	

Минимальный интерес к творческому росту демонстрируют молодые специалисты, занятые в библиотечно-музейном секторе. Обусловлено это рядом обстоятельств и, прежде всего тем, что самооценка личности не может быть изолированной от уже сложившихся профессиональных правил, отношений и общественного мнения. Включаясь в коллективные связи, молодые специалисты усваивают нормы и ценности профессиональной культуры, которые созданы коллегами. Бытует понимание, что библиотечно-музейное направление – это повседневная рутинная деятельность по обслуживанию духовных и научно-познавательных потребностей людей. Следует также иметь в виду тот факт, что комплектование данного контингента молодых специалистов имеет свое своеобразие, так как многие избирают эту деятельность не из заинтересованности ее содержанием, а из сугубо прагматичных оснований и целей. В ходе социологического исследования выяснилось, что у 46,8 % ведущим мотивом для образования в учебных заведениях библиотечного профиля было непринятие математики, физики и других дисциплин естествознания; 18,2 % привлекает относительно легкая работа; 27,3 % приобщились к этой деятельности из-за удобного графика работы. А 54,4 % решили избрать это профессиональное направление непосредственно при подаче заявления в приемной комиссии учебного заведения. Эти мотивационные установки и случайный выбор профессии вряд ли могут стать основой для стимулов творческого роста. С одной стороны, в этой сфере нет значимых условий для творчества, а с другой – молодые специалисты в своей поведенческой адаптации руководствуются принципом соблюдения исполнительской дисциплины, а не применением новаций в давно отработанных и устоявшихся схемах трудовой деятельности.

Группа молодых специалистов, занятых педагогической деятельностью, больше мотивирована на профессиональное продвижение. Почти треть респондентов намерены стать высокопрофессиональными специалистами, а 12 % рассчитывают на карьерный рост. Большинство (68,8 %) приняли решение о преподавательской работе еще в школьные годы. Немаловажным обстоятельством является реальная возможность в этих коллективах реализовать индивидуальный художественный или музыкальный талант и передавать навыки детям. На этот мотив указали 74,2 % респондентов данной подгруппы. Морально-психологическая атмосфера в учебных заведениях культуры во многом содействует творческим новациям не только в ходе педагогического труда, а и посредством концертной и выставочной деятельности. Наряду с этим, для значительного числа молодых педагогических работников решающим фактором стал удобный график труда (34,2 %), а также относительно легкая работа (5,2 %).

Своеобразие мотивационной направленности молодых специалистов первой группы, то есть тех, кто профессионально занят артистической и концертной деятельностью, проявляется в том, что ее выбор, обучение и первичная адаптация являются итогом осознанного решения. Большинство респондентов этого сектора (44,6 %) указали, что «с детства мечтали посвятить себя театру, вокалу, хореографии». Наличие таланта и субъективная направленность позволяет некоторым выдвигать амбициозные цели. Так, 2,6 % намерены стать в перспективе знаменитыми и популярными; на карьерное продвижение рассчитывают 11,8 %. Эти планы имеют возможность быть реализованными, так как 42,8 % респондентов заявили: «в коллективе имеется возможность реализовать свой талант». Благоприятное сочетание социальной среды и индивидуальных устремлений содействует ускорению адаптационных процессов и профессиональному росту.

Культура, ее учреждения, как и другие сферы общественной жизни, испытывает потребность в высокопрофессиональных, социально активных работниках, обладающих инициативой, организованностью и творческим потенциалом. Приход человека в избранную профессиональную область предполагает не только владение необходимыми знаниями, умениями и навыками, но и видение профессиональной деятельности во всей совокупности ее широких социальных связей, общественно значимых функций, понимании содержания и специфики избранного вида деятельности. Профессиональный выбор личности сопряжен с целым рядом жизненных обстоятельств, возможностей, оценкой своих способностей, влиянием ближайшего окружения, целенаправленных профориентационных мероприятий и т. д. Формирование социально-профессиональной ориентации молодых специалистов отрасли культуры у многих начинается еще с детского возраста, сопровождается посещением детских учебных заведений музыкальной, художественной, театральной направленности, творческих коллективов и является условием всестороннего развития личности. Если профессиональная ориентация предполагает «процесс определения индивидом то-

го вида трудовой деятельности, в которой он хочет себя проявить, осознание своих склонностей и способностей к этому виду деятельности и осведомленность о каналах и средствах приобретения знаний, умений и навыков для овладения конкретной профессией» [2], то социально-профессиональная ориентация дополнительно к вышеописанным характеристикам подразумевает вхождение в определенный социальный класс, слой, группу профессионального сообщества.

В качестве основного фактора социально-профессиональной ориентации была изучена профессиональная мотивационная структура личности, представляющая собой социальные установки, которые являются основой мотивов молодого специалиста в профессиональных ролевых позициях. Мотив в данном случае выступает причиной, определяющей выбор поведения. Исследователи обращают внимание на наличие полимотивации у человека [3, с. 187], детерминированность одновременно несколькими потребностями и интересами, целями и ценностными ориентациями.

Итоги опроса показали, что самый главный мотив выбора профессии у молодых специалистов – интерес к будущему занятию, влечение к творческому делу (83 %). Примерно каждый десятый в качестве одного из оснований отмечает, что ориентировался на престижность профессии (11 %) – фактор, отражающий ориентацию на общественное мнение, на соотносительное положение себя самого как представителя профессиональной группы в социальной иерархии. Представлена также немногочисленная группа тех, кто пришел в профессию, поддерживая семейную традицию (6,3 %). В целом имеется достаточно заметное число руководствовавшихся случайными мотивами: необходимость где-то учиться и работать, легко трудоустроиться и работать (4,2 %). На высокую оплату труда в сфере культуры при профессиональном самоопределении рассчитывали единицы (1,5 %).

Таким образом, социологический анализ показывает, что в сферу культуры приходят молодые специалисты с различной мотивацией и смысложизненными ценностными ориентациями. Но, учитывая, что основная миссия культуры заключается в производстве ценностей, их накоплении и передаче вступающим в жизнь поколениям, можно сделать вывод о том, что для ее исполнения нужны работники с различной степенью развитости творческих способностей, а исполнительский труд не менее значим, чем, скажем, художественное творчество.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. Кодекс об Образовании Республики Беларусь 243-3 от 13.01.2011 г. Ст. 83 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kodeksy-by.com/kodeks_ob_obrazovanii_rb/83.htm. Дата доступа: 14.08.2014.
 - 2. Климов, Е. А. Психология профессионального самоопределения / Е. А. Климов. М., 2004. 305 с.
 - 3. Вилюнас, В. К. Психологические механизмы мотивации человека / В. К. Вилюнас. М. : Изд-во МГУ, 1990. 288 с.

УДК 331.101.3 ББК 65.24

Т. П. Волкова

ОСОБЕННОСТИ СТИМУЛИРОВАНИЯ ТРУДА МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО РИСКА

Уральский государственный университет путей сообщения

E-mail: miss.tatjanapavlovna@yandex.ru

Статья посвящена анализу особенностей стимулирования труда молодежи в условиях социального риска, а также вопросам высшего профессионального образования в условиях трансформационного общества. *Ключевые слова*: стимулирование труда, социальный риск, молодежь, рабочая сила.

T. P. Volkova

FEATURES OF MOTIVATION OF YOUNG PEOPLE IN SITUATION OF SOCIAL RISK Ural State University of Railway Transport

The article is devoted to analysis of peculiarities of motivation of young people in situation of social risk, but also higher professional education in a transforming society.

Keywords: stimulation of labor, social risk, youth, workforce.

[©] Волкова Т. П., 2015

Жизнедеятельность молодежи осуществляется в социальных условиях, которые скрывают в себе различные угрозы и риски. В кризисных условиях во многом снижается возможность прогнозирования не только отдаленного, но и ближайшего будущего, что привносит неопределенность и нестабильность в жизнедеятельность вступающих в современные общественные отношения молодых людей. Движение к желаемым статусным позициям в условиях изменяющейся социальной реальности становится для молодежи делом рискованным и сложным. На наш взгляд, риски можно рассматривать в контексте развития молодежи как социально-демографической и профессиональной группы. Исследование рисков в молодежной среде требует решения ряда методологических вопросов. В первую очередь, это касается определения понятия «риск» несмотря на то, что оно давно изучается различными науками [1, с. 50].

Отметим, что понятие «риск» — атрибут научного аппарата многих общественных и естественных наук. Выделяют социальные, профессиональные, медико-биологические, техногенные, финансовые и другие разновидности риска. Удовлетворительных определений категории «социальный» и «профессиональный» риск, с позиций экономических наук, на наш взгляд, не существует.

В западной литературе риск определяется как возможная опасность [2, с. 46]. Близки к такому определению риска и отечественные ученые. Они обозначают риск как меру ожидаемой неудачи, неблагополучия в деятельности; опасность для здоровья человека неблагоприятных последствий; определенные явления, которые содержат возможность материальных потерь, опасность, от которой проводится страхование жизни, имущества, денежных средств [3, с. 123].

Сущность категории «риск» заключается в «неожиданности», «внезапности» наступления опасной ситуации. Это предполагает быстрые, решительные действия по устранению или ослаблению воздействия источника этой опасности (факторов риска) и их ранжирование на основе качественного и количественного сопоставления. Для каждой разновидности риска определяются свои критерии риска.

Что же такое «социальные риски»? Возникновение понятия «социальный риск» связано с этапом капиталистического развития общества. С превращением рабочей силы в товар и соответственно заработной платы в основной источник существования для многих членов общества. Здесь возникает и особый вид социальной незащищенности — высокая вероятность (риск) материальной необеспеченности вследствие утраты заработка.

Следует сказать о тесной взаимосвязи социальных рисков, каждый отдельный вид имеет свою природу и по-разному проявляется для различных категорий трудящихся, в том числе и молодежи, а значит, и формы защиты различаются по видам, имеют свои особенности, по-разному определяют финансовую ответственность субъектов. Рассматривая приведенные характеристики социальных рисков, можно сформулировать его определение с позиций экономического подхода.

Социальный риск — это вероятность наступления для работника материальной необеспеченности вследствие утраты заработка в результате потери трудоспособности (профессиональные и общие заболевания, несчастные случаи, в том числе на производстве) или отсутствия спроса на труд (безработица).

К критериям социального риска, в том числе и российской действительности, можно отнести: частоту наступления рисковой ситуации; уровень материальной обеспеченности в случае утраты трудоспособности или отсутствия спроса на труд; уровень социальных гарантий в случае наступления рисковой ситуации; продолжительность рисковой ситуации [4, с. 119]. Несколько иные профессиональные риски, которые на наш взгляд, являются одной из форм социальных рисков. Их особенность заключается в том, что утрата средств к существованию связана с временной или постоянной утратой трудоспособности из-за производственного травматизма или профессиональной заболеваемости. Это, в свою очередь, вызывает необходимость компенсации пострадавшим не только утраченных доходов, но и возмещения издержек на лечение, медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию. Таким образом, помимо больших экономических затрат, связанных с данным видом социальных рисков, имеются специфические особенности [5, с. 365]. Эти особенности обусловлены, с одной стороны, многообразием факторов условий труда, с другой стороны — индивидуальными особенностями здоровья работников и образа их жизни. Производственная среда всегда несет потенциальную опасность профессионального риска, который никогда не равен нулю.

Еще один методологический вопрос связан с неодинаковым проявлением риска в условиях относительной стабильности, устойчивости общества, а также в условиях его нестабильности и кризиса. Различие заключается в степени распространения риска в социальном пространстве и в его социальных последствиях для индивидов и групп. Устойчиво развивающееся общество располагает социальными механизмами поддержки интеграции молодежи в социальную структуру и механизмами редукции риска. Иная ситуация возникает в обществе, переживающем кризис. Когда кризис утрачивает свою главную отличительную черту — периодичность, углубляется и превращается в перманентный процесс и налицо невозможность или неспособность найти приемлемый выход из него, начинается эскалация и локализация риска. Это отражается соответственно в виде ощущений стабильности, уверенности и защищенности или, наоборот, нестабильности, неуверенности и угрозы. Поэтому ряд субъективных ощущений могут рассматриваться в качестве эмпирических индикаторов в исследовании состояния риска в молодежной среде.

Обратимся к противоречиям, которые имеют место в социальном развитии молодежи в условиях риска. Многочисленные исследования показали: самореализация молодежи в сфере социально-экономических отношений в условиях риска все больше определяется формой собственности предприятия или фирмы, где работает тот или иной молодой человек, а также его жизненной ситуацией. И в государственном секторе экономики, и в негосударственном в конце 90-х гг. ХХ в. наблюдалась стагнация таких показателей, как субъективная оценка молодежью уровня квалификации, отношения к работе и степени удовлетворенности ею. Вместе с тем, для каждого второго работающего, особенно в негосударственном секторе, актуальна проблема несоответствия образования фактической работе [6, с. 114]. По-прежнему сохраняется типичная для большинства отраслей и профессиональных групп ситуация, при которой вознаграждение за труд не отвечает сложности выполняемых профессиональных функций.

Остановимся на некоторых особенностях социологических исследований, проводимых нами в ОАО «Первоуральский новотрубный завод» Свердловской области, цех № 14. Интервал исследования охватывал 1998 и 2008 год. Изучение касалось вопросов стимулирования труда, где 51 % респондентов составляли молодые рабочие. Заметим, что количество молодежи за последние годы резко увеличилось, нами был опрошен каждый третий молодой рабочий цеха. N=767 человек.

На вопрос «Заинтересовывает ли Вас действующая организация системы оплаты труда?» 80,9 % ответили отрицательно; 67 % не удовлетворяет заработная плата в целом. В 1998 году таких респондентов было больше — 75 %. Подчеркнем, что были выявлены причины, по которым система оплаты труда оказалась неэффективной: 68 % респондентов указали на уровень оплаты по тарифным ставкам; 20 % — на порядок распределения премии; 12 % — на несправедливое распределение фонда материального поощрения. 74 % респондентов указали на несоответствие квалификации размеру оплаты труда, установленному в организации. В тяжелых условиях работают 55 % респондентов, 37 % во вредных и особо тяжелых условиях труда. Свое здоровье респонденты оценили следующим образом: хорошее — 24 %; удовлетворительное — 54 %; плохое — 22 %.

Среди рабочих профессий – стропальщики, вальцовщики, резчики труб и заготовок, шлифовщики, волочильщики, травильщики, термисты, машинисты крана и др. Самую большую оплату труда имеют рабочие, занятые в особо тяжелых и вредных условиях. По данным цеха, в течение смены на организм воздействуют особо опасные факторы, которые представляют угрозу для жизни и создают высокий риск развития тяжелых форм профессиональных заболеваний.

Рассматривая мотивирующее значение оплаты труда для молодежи, подчеркнем ее дифференциацию в зависимости от качественных и количественных характеристик труда. Заметим также, что ПНТЗ – крупнейший в Европе производитель стальных труб, продукция которого экспортируется более чем в 25 стран мира. Мотивация сотрудников и повышение производительности труда всегда были предметом изучения со стороны социологической лаборатории ПНТЗ методом интервью, анкетирования. В последние годы осуществлен масштабный аудит действующей системы оплаты труда. Рекомендации специалистов касались:

- оптимизации соотношения размеров постоянной и переменной частей дохода работников;
- формирования системы дифференциации уровня оплаты труда в зависимости от уровня квалификации сотрудника, значимости профессии в технологическом процессе и ее распространенности;

- построения критериев и источников премирования;
- пересмотра полномочий руководителей производственных подразделений в плане поощрения и управления численностью сотрудников подразделения.

В сегодняшних условиях все большее распространение получают научные исследования, касающиеся профессиональной подготовки молодежи, ее трудоустройства, представлений о карьерном росте, роли в этом процессе образовательных учреждений высшего профессионального образования [7, с. 63].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. $Pоик, B. \mathcal{A}$. Профессиональный риск: оценка и управление / В. Д. Роик. М. : Анкил, 2004. 224 с.
- 2. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
- 3. *Тарасов, В. В.* Социально-философский взгляд на социальные риски в условиях информационного общества / В. В. Тарасов // Вестник МГТУ Станкин. 2013. № 3 (26). С. 122–125.
- 4. *Шарин, В. И.* Социальные риски как угрозы социальному положению и защита от них / В. И. Шарин // Известия Уральского государственного экономического университета. − 2013. − № 6. − С. 118–124.
- 5. *Нагманов, К. И.* Различные аспекты управления профессиональным риском на производстве / К. И. Нагманов, А. К. Бектемиров // Вектор науки ТГУ. 2013. № 3. С. 365–368.
- 6. Зубок, Ю. А. Молодые специалисты: проблема подготовки и положение на рынке труда / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Социологические исследования. -2015. -№ 5. С. 114–122.
- 7. *Тарасенко*, *Л. В.* Влияние образовательного пространства вуза на карьерные стратегии студенческой молодежи / Л. В. Тарасенко // Гуманитарий Юга России. 2014. № 3. С. 59–66.

УДК 316.334.56 ББК 60.546.21

Н. В. Дулина¹, В. А. Парамонова²

«ДЕНЬ ГОРОДА» В СИСТЕМЕ ПРАЗДНИЧНОЙ МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

¹Волгоградский государственный технический университет ²Волгоградский государственный университет

E-mail: ¹dulina@vstu.ru, ²paramonova69@yandex.ru

Статья посвящена анализу трансформации официальной праздничной модели в России на протяжении XIX – начала XXI вв. Представлены три базовых праздничных модели: дореволюционная, советская и постсоветская. Выявлены особенности каждой из моделей.

Ключевые слова: официальная праздничная модель, центрообразующий праздник.

N. V. Dulina¹, V. A. Paramonova²

"CITY DAY" IN THE SYSTEM OF FESTIVE MODEL IN CONTEMPORARY RUSSIA

¹Volgograd State Technical University ²Volgograd State University

The article is devoted to analysis of the transformation of the official festive model in Russia during the 19th and the beginning of XXI centuries. There are three basic holiday models: pre-revolutionary, soviet and post-soviet, peculiarities of each model.

Keywords: the official festive model, centerforming holiday.

Для России XX век — век поиска своего социально-политического обустройства. Отражением этого процесса является официальная праздничная модель, являющейся одним из способов сакрализации социального пространства общества и государства. Т. В. Чередниченко указывает, что праздники отмечают «либо поворотные вехи календарного времени, либо память священных событий (неважно, как зафиксированных: канонические Писанием или историческим преданием)» [20]. Праздники способствуют, по замечанию А. И. Мазаева [11, с. 11], свободе общения, коллективному переживанию идеальных устремлений, ощущению полноты жизни как индивидуальной, так и коллективной, способствуя формированию гармонии с самим собой и окружающим миром.

[©] Дулина Н. В., Парамонова В. А., 2015

В связи со значимостью праздника в общественной жизни возникает потребность в изучении различных аспектов праздника, из всей совокупности которых следует обратить внимание: вопервых, на рассмотрение праздника как явления культурной жизни общества; во-вторых, на изучение основных этапов формирования праздничной системы общества; в-третьих, на выявление специфики «трансляции» праздника в переходный (революционный) период.

Своими корнями праздники уходят в далекое прошлое, о чем свидетельствуют как литературные источники (древние мифы и письменные тексты древнего мира, например, Египта, Шумер и пр.), так и данные археологических раскопок [14]. Уже на заре человеческой цивилизации попытались осмыслить данное явление и определить как сущностные характеристики, так и функции праздника, а также какова его (праздника) роль в жизни общества. Платон акцент сделал на воспитательной функции праздника: «Верно направленные удовольствия и страдания составляют воспитание; однако в жизни людской они во многом ослабляются и извращаются. Поэтому ... боги, из сострадания к человеческому роду, рожденному для трудов, установили взамен передышки от этих трудов... празднества, ... чтобы можно было исправлять недостатки воспитания...» [10, с. 12]. Воспитательный аспект праздника, с точки зрения Платона, обеспечивается благодаря интегральности праздника. Любой праздник активно использует различные «составляющие» культуры, будь то песни и танцы, игры и ритуалы и т. п. Античный мыслитель акцентировал внимание на основном предназначении праздника: формировать совершенного человека и в физическом, и духовном планах. Древнегреческий мыслитель рассматривал праздник как одну из «скреп», которая поддерживает социальную систему в устойчивом состоянии равновесия. В античном мире, по мнению И. Н. Лариковой [10, с. 13–14], праздник воспринимался как одна из ценностей высшего порядка, являющейся своеобразным «показателем» («достоянием») свободного человека.

Средневековый мир отказывается от достижений античности, в том числе и от сложившейся в предыдущий период системы праздников [23]. Отказ от предыдущей праздничной системы потребовал формирование собственной, соответствовавшей требованиям этого времени. В этом отказе нет ничего удивительного, ведь, как подчеркивает М. М. Бахтин, в основе праздника «всегда лежит определенная и конкретная концепция природного (космического), биологического и исторического времени» [2], а христианство предложило средневековому человеку отличную от античности концепцию космического мироустройства. М. М. Бахтин [2] отмечает, что официальная праздничная модель была сформирована церковными и феодально-государственными праздниками, которые «никуда не уводили из существующего миропорядка и не создавали никакой второй жизни» [2], что было характерно для античности. Официальный праздник «смотрел только назад, в пошлое и этим прошлым освящал существующий в настоящем строй», и как следствие утверждал «стабильность, неизменность и вечность всего существующего миропорядка: существующей иерархии, существующих религиозных, политических и моральных ценностей, норм, запретов» [2]. М. М. Бахтин подчеркивает, что для средневековья праздник «был торжеством уже готовой, победившей, господствующей правды, которая выступала как вечная, неизменная и непререкаемая правда» [2], что и определяло серьезность всего происходящего действа. В результате характерное для предыдущих эпох безудержное веселье, сопровождавшееся обильными трапезами, танцами, песнями, ряжеными и прочими атрибутами празднества, было осуждаемо власть имущими, но эта часть средневековой праздничной модели, как отмечает М. М. Бахтин, была вынесена за рамки официальной системы праздников, оставив за ней «народную площадь» [2]. Пожалуй, базовым отличием средневековой модели праздника являлся акцент или его отсутствие на иерархической разобщенности христианского мира: официальные празднества требовали демонстрации своей принадлежности к определенному социальному классу, в то время как карнавал позволял, пусть на время, но избавиться от сословных, имущественных, гендерно-возрастных и иных барьеров, существовавших в этот исторический период [2]. Несмотря на существовавшие различия двух «подсистем» средневековой праздничной модели, и официальная, и «народная» составные этой модели в большей или меньшей степени позволяли то, что было немыслимо в обыденной жизни (например, обильная еда, безделье и пр.). Праздничные карнавалы позволяли, пусть и временно, вырваться из жестких рамок статусных отношений, приостановить действие официальной системы запретов и иерархических барьеров. С точки зрения А. Пиотровского, народный праздник давал хотя бы на время «праздничную свободу», даровавшую, пусть даже кратковременное высвобож-

дение «празднующих масс... из-под власти тягостных социальных отношений...» [10, с. 14], что предполагало формирование у празднующего определенного психологического состояния, благодаря которому социальное неравенство и повседневные заботы и тревоги отходили на второй план. И именно «праздничной свободы», с точки зрения А. Пиотровского, опасались власти как светские, так и церковные, пытаясь «запечатать этот вечно бьющий родник огромной протестующей энергии и буйного своеволия» [Там же. С. 15]. Опасение народной вольности с ее бесшабашностью и разгулом вынудили власти максимально вовлекать население в официальные праздники, что позволяло осуществлять контроль над народными массами. И, хотя народный праздник и вызывал опасения у властей, однако, как отмечает М. Озуф, правящие элиты «видят выгоды праздников», так как праздники «организуют время и образуют костяк повседневной жизни. Они, как это ни странно на первый взгляд, служат гарантией благонравия, ибо дозволенные ими излишества – это временная отмена жесткой упорядоченности и строгости, не позволяющая необузданной стихии захлестнуть размеренный ход будней и жизни в целом. Они мощным усилием скрепляют людское сообщество, пуская в ход идею примирения и теплоту совместной трапезы, где все имеет свою цену: рождественские каштаны, запеченный в крещенском пироге боб, крашеные яйца на Пасху, первые фрукты, поспевающие к Троице» [13, с. 11].

Праздник не только разрывал непрерывную серую повседневность, но и определял жизненные ритмы мира средневековья. Благодаря способности праздника объединять противоположные элементы (порядок и хаос, спонтанность и организованность, традиции и инновации), он (праздник) обеспечивает передачу культурных ценностей из поколения в поколение. Праздничная система средневековой Европы формировалась совокупностью нескольких праздничных систем: светские (придворные, династические и т. п.), церковные, народные, городские (святых покровителей населенных пунктов) и организаций (празднества гильдий и корпораций) [13, с. 7]. И при всем многообразии разнообразных праздников в эпоху средневековья праздник не являлся одним из объектов научного осмысления.

В эпоху Нового и Новейшего времени праздник становится не только сферой «регуляции» властей, но и объектом исследовательского интереса. Анализ различных подходов в изучении праздника позволяет И. Н. Лариковой [10, с. 14] выделить следующие: а) социальный; б) антопологический; в) мифологический; г) игровой. Каждый из теоретических подходов предлагает собственный взгляд на природу праздника. При всем разнообразии существующих попыток теоретического осмысления праздника в истории человечества, как отмечает В. Н. Попова, «вокруг этого феномена до сих пор не сформировалось целостной теоретической базы» [15]. Следует отметить, что разные теоретические подходы изучения праздника позволяют (при всем отличии этих подходов к выявлению сущности праздника как социокультурного явления человеческой цивилизации) выделить некий общий фактор: праздник позволяет выразить те чувства, которые в повседневности не принято явно проявлять публично. К тому же, как отмечает И. Н. Ларикова [10, с. 14], любой праздник можно рассматривать как своеобразную «территорию свободы»: ведь именно «дух вольности» (дух свободы и раскованности) являлся значимым фактором праздника с древнейших времен (так, в описании Флорадия Овидия одного из праздников римлян отмечается, что «Богиня идет в венках многоцветных. Сцена открыта опять вольностям шуток срамных» [19]). И поэтому не удивительно, что власти стремятся различными способами взять под контроль праздничный «дух вольности». Одним из способов контроля над праздником является включение праздника в существующую (или создаваемую) официальную праздничную модель. Подобное включение праздника в официальную праздничную систему возможно, по мнению В. Н. Попова и Л. А. Шумихина, через «создание истории праздника, снабжение его мифологической аурой... и закрепление праздника в общественном сознании» [16, с. 27]. Вполне вероятно, что научное осмысление праздника было вызвано появлением в эти исторические периоды так называемых «революционных праздников», которые не вписывались в поступательное развитие праздничных моделей. Новый мир требовал от своих создателей полного отказа от ушедших эпох. Ведь лозунг любой революции «Весь мир насилья мы разрушим / До основанья, а затем – / Мы наш, мы новый мир построим» [8], т. е. строительство предлагается начинать лишь после полного уничтожения прошлого. Предыдущая модель праздников не соответствовала новому революционному миру. И новый мир формирует свою праздничную модель. Причем каждая революционная эпоха создает собст-

венную, отражающую собственные представления об идеальном мире и значимые (с ее точки зрения) вехи в этой новой системе координат. Анализ революционных праздников Франции XVIII в. позволяет М. Озуф прийти к выводу, что, хотя революция и ратует за свободу человека и революционный праздник должен был бы быть свободным и стихийным, однако, именно революционный праздник «обрастает предосторожностями и принуждением; он постоянно делит людей на касты, на избранных и презренных, хотя изначально стремился к слиянию всех воедино» [13, с. 21]. Исследователь [Там же] полагает, что революционный праздник является своеобразной пародией на традиционный праздник, который (традиционный праздник) вырывал человека из серых будней повседневности и освобождал его от оков быта и иерархии, делая свободным.

Несомненно, на протяжении эпох официальные праздничные модели трансформировались: одни праздники безвозвратно «канули в лету»; другие, претерпев существенные изменения, оказались востребованы новыми эпохами; третьи, сохранились почти без изменений. Существует и четвертая группа — «новые праздники», которые появляются на определенных исторических отрезках времени, соответствуя запросам этого времени. Подобное изменение праздничных моделей на протяжении различных исторических промежутков времени можно проследить на примере праздничной модели России на протяжении всего одного столетия — XX века. За этот относительно небольшой промежуток времени в России сменили друг друга несколько различных праздничных моделей: дореволюционная (имперская), советская и постсоветская. Общей чертой при всем разнообразии этих моделей является то, что они были сформированы двумя подсистемами: официальными праздниками (имеются в виду только те праздники, которые были нерабочими днями) и праздниками семейными.

Официальная дореволюционная праздничная модель была сформирована светскими и религиозно-конфессиональными (христианскими) праздниками [3, с. 13–14]. Так, в 1911 г. в календаре было зафиксировано 35 нерабочих дней, из них: 25 дней – это христианские праздники и 10 дней – это светские праздники, из них: 9 дней – праздничные даты, связанные с императорской семьей и только 1 день – семейный праздник (Новый год, который вошел в праздничную модель с 1898 г.). При этом один праздничный день в начале XX в., приходящийся на 6 декабря (по старому стилю), относился к обеим праздничным системам и был связан с императорской семьей и с христианским праздником – это день и святителя Николая чудотворца и день Тезоименитства Его Императорскаго Величества, Государя Императора Николая Александровича.

Вполне вероятно, что для значительной части православных россиян все «официальные» христианские праздники (а официальная праздничная модель включала только христианскую праздничную модель), в той или иной степени являлись и праздниками семейными. Для неправославных россиян все христианские праздники, включенные в официальную модель, являлись, скорее всего, лишь дополнительными нерабочими днями. Подобное явление не способствовало формированию у россиян единой праздничной модели. Можно предположить, что все памятные даты, связанные с чествованием тех или иных значимых дней царствующей династии, являлись для основной массы населения дополнительными нерабочими днями, но не были включены в семейную праздничную модель. И при этом, вполне вероятно, могли являться тем объединяющим фактором, способствующим включению иноверцев в единую праздничную модель.

Формирование советской праздничной модели началось сразу после Октябрьской революции 1917 г. Решительный отказ от «старого мира» определил потребность в формировании собственной системы, соответствовавшей новой идеологической платформе. Несомненно, после революционных событий 1917 г. празднование значимых дат императорской семьи, как и христианских праздников, выглядело неуместно и не соответствовало новым реалиям: в результате вся праздничная модель была существенным образом преобразована. В Советском Союзе «красные дни» календаря были «вписаны» в существовавшую в стране идеологию и лишь Новый год являлся исключением, причем продолжительное время (с 1917 по 1936 гг.) и этот праздник находился под запретом [5].

По мнению С. В. Юрловой [24, с. 16–17], своеобразной «точкой отсчета» официальной праздничной модели страны Советов стал праздник Октябрьской революции. Дата 7 ноября являлась центрообразующей в праздничной модели и всего социального пространства страны Советов. В результате советская модель (следует отметить, что данная модель за 70 лет претерпевала опре-

деленные изменения) полностью отказалась как от религиозных праздников, так и чествования членов императорской семьи [5]. Вся праздничная модель в этот период направлена на утверждение советской идеологии: 22 января (Кровавое воскресенье), 23 февраля (День Советской (первоначально Красной) Армии и Военно-Морского Флота), 8 марта (Международный женский день), 1-2 мая (День международной солидарности трудящихся), 7 ноября (День Великой Октябрьской социалистической революции), а также День Конституции СССР являлся нерабочим (5 декабря с 1930 по 1976 гг. и 7 ноября с 1977 по 1991 гг.). После 1945 г. в официальной праздничной модели появилось еще два праздничных дня – 9 мая (День Победы, праздновался в период с 1945 по 1947 гг., а затем с 1965 г. по настоящее время) и 3 сентября (День Победы СССР над милитаристской Японией являлся нерабочим днем в период с 1945 по 1947 гг.). Из дореволюционной праздничной модели в советскую «перекочевал» лишь один праздник – Новый год (1 января), который оказался абсолютно политически нейтральным по отношению к любой власти. И даже при всей своей аполитичности данный праздник в первые годы советской власти рассматривался как пережиток буржуазного прошлого. Только в канун 1936 г. было решено для детей устраивать новогоднее празднование у елки, частично использовав рождественские традиции дореволюционной России и добавив новую атрибутику [21]. Следует отметить, что вплоть до 1947 г. Новый год не являлся «красным днем календаря», а оставался рабочим. Однако это не помешало советским людям включить этот «детский» праздник в семейную праздничную модель, так как позволялось уже безбоязненно ставить и украшать елку. В результате в советской праздничной модели только праздники Новый год и День Победы (9 Мая) были идеологически нейтральными, которые к тому же оказались включенными как в официальную праздничную систему, так и систему семейных праздников.

Следовательно, отдельные праздники как светские (Новый год), так и религиозные (Рождество и Пасха), так или иначе оставались в праздничной модели советской России, однако, с разной степенью легальности. Новый год был официально включен в советскую праздничную модель, а христианские праздники попали в данный период развития истории в ранг семейных праздников. При этом следует отметить, что часть официальных праздников несмотря на свой высокий статус была воспринята населением не только как дополнительные нерабочие дни, позволявшие собраться веселой компанией, но и как «свои», т. е. семейные праздники, позволявшие почтить память своих родственников, не пришедших с войны (День Победы) и устроить себе и своим детям «волшебство» (Новый год).

Создается впечатление, что советская праздничная модель существенным образом отличалась от модели предыдущего исторического периода, ведь полностью из праздничной системы были исключены религиозные праздники и значимые даты императорской династии Романовых. Однако, анализируя развитие, организацию и структуру государственных праздников в первые годы советской власти, Дж. фон Гелдерн [21] отмечает существовавшие характерные черты, присущие для обеих праздничных моделей несмотря на все идеологические различия. Праздники в честь памятных дат императорской фамилии и советские праздники состояли из двух частей: первая («официальная») часть представляла собой определенный ритуал, (в первом случае — династический, связанный с коронацией, годовщиной восшествия на престол, тезоименин и т. п.; во втором — советский, сопровождавшийся митингом, отмеченным продолжительными речами, и шествием), вторая («неофициальная») часть представляла собой народные гулянья: ярмарки, праздничные застолья, танцы, песни и прочие атрибуты массового веселья. В таких торжествах непосредственное участие принимало значительное количество населения.

Анализ праздничной советской модели позволяет К. Жигульскому [15] говорить о ее уникальности, так как праздничная модель в СССР базировалась не на выдуманных или сложно доказуемых фактах, а на реальных исторических событиях, которые были документально зафиксированы. Именно такими событиями оказались и 7 Ноября, и 9 Мая, и другие «красные даты» советского календаря.

Советская официальная праздничная модель, отказавшись от модели предыдущих эпох, выстраивалась на принципе «забвения». В. Н. Попова [15] отмечает, что данный принцип активно использовался с древнейших времен. Как подчеркивает исследователь [9], новый советский праздник был ориентирован на отвлечение населения от «старого праздника» и привлечения к новому

через воздействие «на душу». Однако несмотря на все работу по привитию новой ценностносимволической системы через официальную праздничную модель советская власть так и не смогла одержать полной победы над религией, пытаясь вытеснить ее из культурной памяти. В результате в этот период российской истории религиозные праздники из официально-семейной праздничной модели перешли в разряд только «семейных» праздников. Если раньше такие значительные христианские праздники, как Рождество Христово и Пасха являлись одними из основополагающих в официальной модели, одновременно являясь и значимыми в системе семейных праздников, то в советский период данные праздники стали отмечаться только в кругу своей семьи. В результате произошло изменение ритуала проведения данных праздников, например, в Пасху граждане СССР стали посещать могилы своих родных и близких, в то время, как раньше такой практики не наблюдалось.

Итак, можно выделить следующие различия двух праздничных моделей в имперской и советской системах: во-первых, невключенность в советскую официальную модель религиозных праздников; во-вторых, базой для советской официальной праздничной модели в большинстве своем являлись реальные факты истории страны; в-третьих, потребность в легитимации власти, что не было характерно для предыдущего периода, ведь власть императорской династии не требовала легитимизации, так как была дана Всевышним, а большевики взяли власть в результате политического переворота в октябре 1917 г., что требовало создания собственной ценностно-символической системы, без которой невозможна была бы легитимация своего положения в глазах общественности; в-четвертых, в советский период религиозные праздники перешли из официальной модели в категорию праздника семейного.

Третья праздничная модель в России начала формироваться с 1991 г. При формировании новой модели произошло переосмысление предыдущей праздничной системы. Из предыдущей системы в новую перешли: а) политически нейтральные праздники – Новый год (1 января), День Победы (9 Мая); б) праздники, которые уже в советский период потеряли идеологическую окраску и стали восприниматься как политически нейтральные – День защитника Отечества (23 февраля), Международный женский день (8 Марта); в) переход идеологически окрашенного праздника (День Великой Октябрьской социалистической революции) перестал быть центрообразующим праздничной модели, которым он являлся в советский период. При этом в новой системе появились и новые даты, включенные в праздничную модель постсоветской России, к ним относятся: День России (12 июня) и День народного единства (4 ноября).

Точкой отсчета постсоветской модели следовало бы считать дату появления России как новой государственной единицы на мировой карте, но опросы населения, проведенные Фондом «Общественное мнение» [7], показывают: в 1997 г. и в 2010 г. лишь по 14 % опрошенных отмечают «День России», для большинства (65 %) это дополнительный выходной. Праздничная дата фиксируется указом «свыше», но для включения ее в социальное пространство социума необходимо ее проникновение на микроуровень (восприятие каждым отдельным индивидом, малой социальной группой).

Неоднозначная ситуация с ноябрьскими праздниками была достаточно продолжительное время. Данные, представленные Фондом «Общественное мнение» [7], показывали, что у россиян не существовало общего восприятия исторического значения «Дня народного единства». О праздничных мероприятиях, посвященных 4 ноября, 54 % опрошенных ничего не знали; 34 % — затруднились их перечислить; 4 % — знали, но лишь 1 % — принимали участие в них. Праздничные ритуальные действия подтверждают «место» конкретной даты в сакральном пространстве общества, поэтому праздник должен охватывать разнообразные как по численности, так и составу группы. Еще Г.-Г. Гадамер подчеркнул, что праздник «имеет место, пока он празднуется» [4, с. 170], а для большей части россиян 4 ноября продолжительное время был семантически ненасыщенной датой. Ситуация изменилась лишь в 2014 г.: опрос Фонда «Общественное мнение» [6] в октябре 2014 г. зафиксировал позитивное отношение россиян к дате 4 ноября (63 %). Однако при этом лишь 2 % опрошенных правильно ответили на вопрос «какой праздник отмечается 4 ноября». Следует отметить, что у 2 % опрошенных дата 4 ноября привязана не к освобождению Москвы от польсколитовских войск, а с празднованием иконы Казанской Божьей Матери. В большинстве же своем (33 %) россияне связывают данный праздник не столько с конкретным историческим событием,

сколько с более абстрактным «единением народов России» или «днем объединения людей». И при этом более 72 % респондентов полагают, что 4 ноября 1612 г. произошло значимое для России событие, а около половины опрошенных (49 %) полагают, что выбор даты Дня народного единства был сделан правильно. Вполне вероятно, что изменение отношения к празднику 4 ноября, о чем свидетельствует опрос Фонда «Общественное мнение», связан с политической ситуацией в России и мире: хорошо проведенная зимняя олимпиада в Сочи, присоединение Крыма, события на востоке Украины, санкции и пр. вызвали всплеск осознания себя единым целым. Однако, как показывает тот же опрос, ситуация достаточно неоднозначная, так как россияне в большинстве своем не дают правильного ответа на вопрос «чему посвящен праздник 4 ноября». Работа по легитимации данной даты в официальную праздничную модель России должна продолжаться.

Единого мнения не существует и относительно 7 ноября. Эта дата имеет разную смысловую наполненность: «День примирения и согласия» или «День Великой Октябрьской социалистической революции», что не способствует консолидации общества. Еще в 1999 г. Президент РФ подчеркнул, что «государство не может строиться на идеях, вызывающих раскол и поляризацию общества. В его основе должны лежать ... ценности и понятия, обращенные ко всему народу и каждому человеку в отдельности» [17]. Данные Фонда «Общественное мнение» [6] показывают, что в 2004 г. в обществе отсутствовало согласие в определении названия праздника: 48 % предпочли «День примирения и согласия», а 52 % выступали за сохранение «советского» праздника.

В современной праздничной модели успешно закрепились во внешних формах повседневной культуры «красные дни календаря», не обладавшие или потерявшие свою «идеологическую» окраску: Новый год, Международный женский день, День защитника Отечества, День Победы, Праздник Весны и Труда – 94, 74; 56; 66 и 27 % соответственно, о чем свидетельствуют данные, представленные Фондом «Общественное мнение» [12].

В современной системе праздников не последнюю роль играют региональные праздники, одним из которых является «День города». В России праздник «День города» начал отмечаться в 80-х гг. ХХ в. [22]. Возникает ощущение, что данный праздник является порождением современного мира, с его максимальной разобщенностью горожан и потребностью в единении хотя бы на один день. Однако если внимательно обратиться к истории, то можно отметить, что издревле города имели своих небесных покровителей: Москва — святого Георгия Победоносца, Санкт-Петербург — святых апостолов Петра и Павла и т. д. Дни «небесных покровителей» в городах всегда отмечались и хотя подобные празднования не напоминали современные массовые гулянья (все же, в первую очередь, это были христианские праздники), однако, можно говорить, что история праздника «День города» берет свое начало в далеком прошлом.

«День города» не входит в систему праздничной модели федерального уровня, но при этом он и не является чисто семейным праздником. Это своеобразный «средний» уровень в системе праздников современного российского общества. Данный праздник ориентирован на формирование позитивного восприятия горожанином своего населенного пункта. Причем следует отметить, что администрации городов формируют праздничную программу для всех слоев населения, с учетом различных интересов. Причем праздничные мероприятия проходят с самого утра до позднего вечера и заканчиваются фейерверками. В целом горожане к «дню» города относятся позитивно, хотя, как и большинство иных официальных праздников, он не получил «прописку» на микроуровне (семейном) праздничной модели. При этом данный праздник обладает собственными ритуалами: утром и днем проходят мероприятия, ориентированные на людей разного возраста, в том числе детей и пожилых, семейные пары, а вечером площадка отдается молодежи, перед которой выступают популярные певцы, группы, и вечер заканчивается фейерверком.

Парадоксальность современной праздничной модели проявляется в том, что ее центрообразующими элементами, обеспечивающими формирование государственной формы идентичности, стали идеологически нейтральные праздники, в первую очередь День Победы.

Таким образом, несмотря на существующие праздничные модели, разделенные в пространстве и времени, любая праздничная система направлена на скрепление и поддержание бытия в целом. Каждая «новая» праздничная модель, отрицая установки предыдущей модели, при всей своей непохожести определенным образом «повторяет» свою предшественницу через учреждение торжеств «в память о некоем основополагающем событии, сознательном разрыве с прошлым...», т. е.

к ключевой памятной дате «новой» истории, которая, безусловно, заслуживает ознаменования, «примыкают воспоминания о героических поступках, полезных изобретениях; великих людях... Есть, кроме того, череда времен года, ключевые моменты которых... необходимо отмечать» [13, с. 15], и нельзя игнорировать события личной жизни. Следовательно, несмотря на все различия праздничные модели похожи друг на друга. И при этом, как отмечает М. М. Бахтин, «празднества на всех этапах своего исторического развития были связаны с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества и человека» [2].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. 4 ноября. Отчет. Опрос. 25-26.10.2014. Фонд «Общественное мнение» Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/map/ 15 декабря 2014. 3аглавие с экрана.
- 2. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса / М. М. Бахтин. Режим доступа: http://philosophy.ru/library/bahtin/rable.html 5 декабря 2014. Заглавие с экрана.
- 3. Весь Царицынъ: Справочникъ по гор. Царицыну и Царицынскому уѣзду. Царицынъ : Т-во «Царицын. Мысль», 1911 113 с
- 4. Гадамер, Г.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Г.-Г. Гадамер; общая ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова; пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- 5. Гор, Д. Сталин и Новый год / Д. Гор Режим доступа: http://www.vrata11.ru/index.php?catid=32:2011-03-16-08-00-49&id=703:2012-08-25-22-01-21&Itemid=54&option=com_content&view=article 24 декабря 2014. Заглавие с экрана.
- 6. День 7 ноября Отчет. Опрос. 18.11.2004. Фонд «Общественное мнение». Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/map/dd044626 25 марта 2011 Заглавие с экрана.
- 7. День народного единства. Отчет. Опрос населения. 17.11.2005. Фонд «Общественное мнение» Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/map/dd054624/printable/ 25 марта 2011 Заглавие с экрана.
 - 8. Интернационал. Режим доступа: http://asmoko.forum2x2.ru/t38-topic 10 декабря 2014 Заглавие с экрана.
- 9. Каждый праздник это дополнительный выходной. Отчет. Опрос. 10.07.1997. Фонд «Общественное мнение» Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/map/of19972704 25 марта 2011 Заглавие с экрана.
- 10. *Лаврикова, И. Н.* Непраздный интерес к празднику / И. Н. Лаврикова // Среднерусский вестник общественных наук. -2011. -№ 1. С. 12-17.
- 11. *Мазаев, А. И.* Праздник как социально-художественное явление: Опыт историко-теоретического исследования / А. И. Мазаев. М.: Наука, 1978. –392 с.
- 12. Новогодние праздники. Отчет. Опрос. 24.01.2002. Фонд «Общественное мнение» Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/map/d110315 25 марта 2011 3аглавие с экрана.
- 13. *Озуф, М.* Революционный праздник: 1789–1799 / М. Озуф ; пер. с фр. Е. Э. Ляминой. М. : Языки славянской культуры, 2003. 416 с.
- 14. *Пономарева, О. А.* История праздника как феномена культуры / О. А. Пономарева // Аналитика культурологи. 2007. № 7. Режим доступа: http://elibrary.ru/download/18959023.pdf 06 декабря 2014 Заглавие с экрана.
- 15. *Попова, В. Н.* Праздник как форма культурной памяти: государственные праздники России XX начала XXI вв. : автореферат дис. . . . канд. культуролог. / Попова В. Н. Екатеринбург [Б.и.], 2011. Режим доступа: http://cheloveknauka.com/prazdnik-kak-forma-kulturnoy-pamyati 10 декабря 2014 Заглавие с экрана.
- 16. *Попова, В. Н.* Трансформация форм праздничной культуры игровой аспект / В. Н. Попова, Л. А. Шумихина // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2008. Т. 55. № 15 С. 25–33.
- 17. Послание Президента РФ Федеральному собранию «Об укреплении Российского Государства (основные направления внутренней и внешней политики)». 24.02.1994 Режим доступа: http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=EXP;n=417720 20 апреля 2011. Заглавие с экрана.
 - 18. СССР наша Родина Режим доступа: http:savok.name/170 12 декабря 2014 Заглавие с экрана.
- 19. *Татринцева, Е. А.* Эмоциональная атмосфера на массовых весенних праздниках у древних народов / Е. А. Татринцева // Аналитика культурологи. 2013. № 27. Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnaya-atmosfera-na-massovyh-vesennih-prazdnikah-u-drevnih-narodov 05 декабря 2014 Заглавие с экрана.
- 20. *Чередниченко, Т. В.* Праздничность / Т. В. Чередниченко // Новый мир. 2002. № 11. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi mi/2002/11/chered.html– 25 декабря 2014 Заглавие с экрана.
- 21. Шаповалов, С. Н. Государственные праздники в Советском Союзе: зарубежный опыт исследования / С. Н. Шаповалов Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2009/3-4/shapovalov.pdf 25 декабря 2014 Заглавие с экрана.
- 22. *Шеверева, Ю.* Салют и воздушный шар. Как Волгоград отмечал День города 25 лет назад / Ю. Шеверева // Аргументы и факты в Волгограде. Режим доступа: http://www.vlg.aif.ru/society/details/1332058 15 декабря 2014 Заглавие с экрана.
- 23. Энциклопедии & Словари Режим доступа: http://enc-dic.com/medcult/Prazdnik-37.html 30 ноября 2014 Заглавие с экрана.
- 24. *Юрлова*, *С. В.* «Вечный праздник», или мифология общества потребления / С. В. Юрлова // Известия Уральского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. -2010. Т. 76. № 2 С. 15-22.

УДК 316.334.2 ББК 60.5

Е. Н. Васильева, Е. О. Данилова

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МИГРАНТОВ В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА ВОЛГОГРАДА И ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ*

Волгоградский государственный университет

E-mail: vasilevaen@yandex.ru, vorontsova91@mail.ru

Мы предложили комплексное исследование миграции как фактора социально-культурных и экономических изменений социально-экономического пространства региона. Это позволило осуществить мониторинг миграции, определить потенциал и трудности изучения символического пространства города и региона в рамках миграционных процессов. В работе проанализировано символическое пространство на примере города Волгограда, определен миграционный баланс между центром и периферией.

Ключевые слова: социальное пространство, миграционная активность, экономическая активность, экономическое взаимодействие, трудовая миграция, миграционная мобильность.

E. N. Vasileva, E. O. Danilova

SOCIAL AND ECONOMIC ACTIVITY OF MIGRANTS IN SPACE OF THE CITY OF VOLGOGRAD AND THE VOLGOGRAD REGION

Volgograd State University

We offer the complex research of migration as a factor of socio-cultural and economic changes of social and economic space of the region, which has allowed us to carry out the monitoring of migration and to define opportunities and difficulties of studying of symbolical space of the city and region in the framework of migration processes. The symbolical space of the city has been analyzed on the example of the city of Volgograd, as well as distinctions of migratory balance between the center and the outskirts.

Keywords: social space, migratory activity, economic activity, economic interaction, labor migration, migratory mobility.

Все крупные города обладают миграционным притяжением, а их жители – мигранты в первом или втором поколении. Прибывая в один из развитых городов, трудовой мигрант прежде всего получает экономическую выгоду. Однако его трудовая деятельность формирует определенные отношения в пространстве города.

Следует согласиться с лидером чикагской урбанистической школы Р. Парком, который отмечает, что город определенно состоит из групп, различающихся своей культурой, социальным составом и образом жизни. Рассматривая данный процесс в динамике, Р. Парк указывает на существование различных частей города, заселенных социально, этнически или религиозно гомогенными группами в рамках одного города. Сосуществование этих миров ведет к «вторжению» одного мира на территорию другого, различные миры «перекрывают» структуру города, «вытесняют» одних с территории, занятой другими [5]. Так, индивид либо ассимилируется в нормативно-поведенческом пространстве, либо полностью отторгается из него [2].

Наше исследование базируется на представлениях о пространстве, обоснованных П. Бурдье. Понятие «социальное пространство» описывается как поле (подпространство), выражаемое определенными отношениями между различными позициями, «необходимость которых навязывается агентам, внутри поля агенты противостоят друг другу со своими средствами и целями, различающимися в зависимости от их позиции в структуре поля сил, участвующих таким образом в сохранении или трансформации структуры этих позиций» [1, 2].

Несомненно, в центре города сконцентрированы основные общественные блага, административные центры, развита инфраструктура и наблюдается активное «движение» во всех отношениях. Соответственно подобная точка притяжения формирует пространство периферии. То есть от центра идет направление на формирование отдельных зон и полей города, которые можно охарактеризовать как «престижные» и «непристижные».

Престижность местожительства и миграционная активность с целью получения символического капитала становится благом, которое обеспечивает различия между социальными группами,

[©] Васильева Е. Н., Данилова Е. О., 2015

^{*} Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект МК-2659.2014).

формирующими общество. Вместе с тем, если миграционные процессы носят неуправляемый характер, уровень обеспечения безопасности государства снижается. Особенно это актуально в настоящее время, когда мировое сообщество столкнулось с небывалым размахом терроризма.

Методология исследования понятия «миграция» базируется на междисциплинарном подходе в силу многоаспектности явления. В научной литературе не существует единства мнений относительно определения, но большинство трактовок сводятся к одному и в буквальном смысле понимают под «миграцией» «совокупность перемещений, имеющих целью поменять место пребывания кого-либо» [3]. В конце 80-х годов ХХ в. Л. Л. Рыбаковским и Т. И. Заславской была разработана теория трехстадийности миграционного процесса [6, 7]. Согласно этой теории, миграция населения — сложный процесс, состоящий из двух разнонаправленных потоков, прибытия и выбытия населения, и включает три стадии, связанные между собой. Исходная стадия — процесс формирования территориальной подвижности населения и принятие решения о миграции, основная — собственно процесс переселения, завершающая — приживаемость (адаптация) мигрантов на новом месте жительства.

Важной для нашего исследования становится теория социальных сетей, суть которой заключается в следующем утверждении: люди, социально связанные с текущими или прошлыми мигрантами, имеют доступ к социальному капиталу, который значительно увеличивает вероятность того, что сами они станут мигрантами. Объяснения данного предположения раскрыты в работах Д. Массея, где сетевые связи как увеличивают вероятность миграции, так и снижают риск передвижения и повышают ожидаемую отдачу от миграции [4].

Следует согласиться с утверждениями Д. Массея, однако, одним из ключевых компонентов является и естественное проявление мобильности, мотивированное стремлением к улучшению условий, более полному и надежному удовлетворению своих потребностей. На агентов, готовых изменить территорию проживания влияет ряд установок (изображены на рисунке).

Установки миграционной мобильности

Изучение теоретических подходов помогает понять закономерности и последствия миграционных процессов. Так, трудовой потенциал мигрантов становится одним из главных ресурсов Волгоградского региона РФ, где мигранты уже сформировали особое социально-экономическое пространство. Пространство города мы рассматриваем как фактор формирования социально-экономической активности мигрантов.

Изучаемый регион — один из экономически развитых регионов РФ, входит в состав Южного федерального округа. Сейчас через территорию области проходят важные железнодорожные, автомобильные, водные и воздушные трассы. Волгоградская область занимает площадь 112,9 тысяч кв. км., численность населения составляет 2557397 чел. (городское население — 76,53 %). Административный центр — город Волгоград с населением 101745 человек [8].

Наше исследование проведено аналитическим инструментарием Д. Стюарта (теория гравитационной модели). Инструментарий адаптирован для исследования распределения миграционных потоков. Апробация аналитической конструкции проведена на показателях города Волгограда. Исследование позволяет измерить социально-экономическую активность в пространстве Волгоградского региона и определить степень взаимодействия между пространственными объектами — центром и периферией.

Для измерения социально-экономической активности мы обратились к статистическим данным РИА-Рейтинга социально-экономического положения субъектов РФ, который строится на основе представленных в табл. 1 и других показателей. Волгоградская область из 84 регионов занимает 36-е место (интегральный показатель по данным за 2014 год) [9]. В интегральный показатель входят следующие элементы: численность занятых в экономике (16-е место), объем производства товаров и услуг на одного жителя (35-е место), объем инвестиций в основной капитал на

одного жителя (40-е место), уровень безработицы (59-е место), ожидаемая продолжительность жизни при рождении (16-е место).

Таблица 1 Показатели экономической активности населения Волгоградской области (РФ)

Показатель, %	Годы		
HORASATEJIS, 70	2011	2012	2013
Уровень экономической активности населения [10]	66,1	66,8	67,5
Уровень безработицы [11]	6,9	6,0	6,6

Таким образом, Волгоградская область по социально-экономическим показателям занимает среднее положение по отношению к другим регионам. Поэтому нельзя отрицать, что наличие центра и периферии формирует границы города, разделяющие на «своих» и «чужих», затрудняя для жителей городских окраин приобщение к символическому капиталу центра. Для определения взаимодействия между пространственными объектами — центра и периферии (на примере города Волгограда) — мы использовали теорию гравитационной модели.

Главная идея теории заключается в том, что взаимодействие между совокупностями людей подчиняется закону, аналогичному закону всемирного тяготения (гравитации). Модель имеет следующий вид:

$$Mij = k \frac{pipj}{d^2ij},$$

где Mij – показатель взаимодействия между объектами i и j; k – коэффициент соответствия; p – некоторая мера значимости объекта; d^2ij – расстояние между объектами.

В нашем исследовании (табл. 2) Mij – это сила миграционного притяжения между районами города; ij – изучаемые районы; k – примем равным 1; p – численность населения в изучаемых районах; d^2ij – расстояние между пространствами.

 $\it Tаблица~2$ Миграционная активность центра и периферии (на примере города Волгограда)

Изучаемые районы	Расстояние между пространствами, км	Численность населения в изучаемых районах, чел	Коэффициент соответствия	Сила миграционного притя- жения между районами города
Север-центр	≈14,38	288918	1	113449388,7
Юг-центр	≈35, 3	268251	1	17479832,7

Рассчитанная сила миграционного притяжения показывает, что в северных районах города Волгограда в 6,5 раз притяжение выше, чем в южных районах. Отдаленность от центра снижает возможности южных районов пользоваться символическим капиталом, расположенным в центре. Приток рабочей силы выступает фактором повышения конкурентоспособности. Пространство, в котором действуют агенты, определяет информация, спрос на товар и рабочую силу, мобильность агентов.

Удаленность районов города затрудняет приобщение жителей периферии к символическим благам. Жители периферии, с одной стороны не склонны к миграционной мобильности и стремятся найти символические блага вблизи местожительства, выезжая в другие районы лишь по необходимости. Либо, наоборот, проявляют миграционную мобильность (действует сила притяжения), но при этом вынуждены тратить на транспортные сообщения от часа до четырех часов в день.

Так, несомненно, приезжему достаточно сложно разобраться в сложившемся пространстве Волгограда. Между тем, принимая решение о миграции и совершая пространственное перемещение, индивид стремится переселиться в район с целью найти место работы или сменить место жительства из района в крайне неблагоприятных условиях в район, ближе расположенный к центру. Поляризация символического пространства отражает процесс концентрации населения в центре города и привлекательность для трудовых мигрантов. Символическая ценность центра присуща всем городам РФ.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что каждое пространство уникально и имеет свою специфику, в результате чего формируется дистанция между рядом границ. Пространству характерны такие феномены, как «свой» и «чужой», это та дистанция, которая возникает между агентами города. В итоге тенденции идут от периферии к центру. Для того, чтобы реализовать свои интересы, мигранты должны проявлять экономическую активность – искать работу с лучшей заработной платой, арендовать более дорогое жилье, иметь финансы на организацию досуга и другое. Само символическое пространство зависит от взаимодействия между общественными группами, а также от условий человеческой жизни и способа обеспечения материального достатка. Как следствие миграционное взаимодействие центра и периферии имеет двойное назначение - с одной стороны, обеспечивает формирование пространства, с другой – способствует социально-экономической и культурной состоятельности города. Для того, чтобы люди захотели изменить привычное для них место жительства, необходимы условия, заставляющие их переселиться. Из вышеизложенного следует, что мигрант всегда принимает решение о миграции в том случае, если комбинация притягивающих и отталкивающих факторов настолько сильна, чтобы оправдать трудности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. Bourdieu, P. 'Espace social et genèse des "classes", Actes de la recherche en sciences socials, 1984. 52(1), pp. 3–14.
- 2. Bourdieu, P. Le Sens pratique. Paris: Minuit, 1979. 475 p.
- 3. Demographic multilanguage dictionary. NewYork: UN, 1978.
- 4. Massey, D. Social structure, household strategies and the cumulative causation of migration // Population Index, 1990. No 56, pp. 3–26.
- 5. Park, R. The City as a Social Laboratory / Robert E. Park On Social Control and Collective Behavior / Selected Papers, Ed. and with introduction by Ralph H. Turner. – Chicago a. London: Phoenix Books, The University of Chicago Press, 1967. – pp. 13–23. 6. *Rybakovsky*, *L*. Population shift: forecasts, factors, a policy, 1987 / L. Rybakovsky. – pp. 66–67.
- 7. Zayonchkovskaya Z. Russia's Search for a New Migration Policy. /European View. Volume 5. Europe and Immigration. // Forum for European Studies. Brussels: 2007. – 137-145.
- 8. Оценка численности населения: сайт федеральной службы государственной статистики. 2015 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 01.01.2015. – URL: http://www.webcitation.org/6X7bLwvum (дата обращения: 13.10.2015).
- 9. РИА-Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ 2015 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 13.10.2015. - URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2015.pdf (дата обращения: 13.10.2015).
- 10. Регионы РФ. Социально-экономические показатели. 2014. Статистический сборник. М., Росстат, 2014, 900 с. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/03-06.htm
- 11. Обследование населения по проблемам занятости 2014 год. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14 30/ IssWWW.exe/Stg/d04/tab4-1g.xls

УДК 314.7 ББК 60.54

Н. Н. Демидов¹, О. В. Зуева²

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОВРЕМЕННЫХ МИГРАПИОННЫХ ПРОПЕССОВ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Волгоградская академия МВД России

E-mail: ¹demidovnick@rambler.ru, ²olgazueva-l@rambler.ru

Статья посвящена анализу проблем усиления межэтнических противоречий и межнациональной напряженности в регионе, вызванных миграционными процессами. На основе результатов социологического исследования подчеркнута обеспокоенность населения существованием межэтнических проблем, решение которых возможно с принятием эффективной региональной программы.

Ключевые слова: вынужденная миграция, незаконная миграция, трудовая миграция, миграционный прирост, межэтническая напряженность, этнический конфликт.

N. N. Demidov, O. V. Zueva

ABOUT SOME ASPECTS OF THE MODERN MIGRATION PROCESSES IN THE SUBMISSION OF THE RUSSIAN CITIZENS (BASED ON THE RESULTS OF THE SOCIOLOGICAL RESEARCH)

Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry

The given article is devoted to the analysis of the problems of strengthening of the inter-ethnic conflicts and ethnic tensions in the region that caused by migration processes. According to the survey results the existence of the public concern about inter-ethnic problems is highlighted and can be solved with the adoption of an effective regional program.

Keywords: forced migration, illegal migration, labour migration, migration growth, ethnic tensions and ethnic conflict.

Неотъемлемой частью динамичного образа жизни современного общества является миграция. Миграция выполняет такие важные функции, как перераспределение трудовых ресурсов, преодоление различий в уровне жизни, сближение, взаимопроникновение и взаимообогащение культур.

Со второй половины двадцатого столетия миграционные процессы обрели поистине глобальные масштабы. Они охватили различные сферы общественной жизнедеятельности, все социальные слои и группы, все континенты планеты. В отличие от предыдущих этапов, взаимосвязь между миграциями и социальными изменениями в современном обществе стала более глубокой, а сами миграционные процессы — одними из главных причин и факторов социальных изменений, причем как в тех обществах, которые принимают мигрантов, так и в тех обществах, откуда они убывают.

Вместе с тем миграционные процессы влекут за собой изменения в социальной и демографической структуре общества. «Трудовая миграция является важной составляющей социально-экономического прогресса общества, с ее помощью восполняются потребности трансформаций рынков труда» [1]. Вследствие чего миграционные процессы оказывают значительное влияние на общественное разделение труда и уровень его оплаты, на рынок труда в целом, а также иногда становятся питательной средой для усиления межэтнических противоречий и межнациональной напряженности в регионе.

Межэтнические и межконфессиональные конфликты, возникающие в результате миграции, нередко дестабилизируют политические процессы в обществе, ведут к нарастанию социальной напряженности и конфронтации, угрожают безопасности как отдельных граждан, так и государства. Такие тенденции, в большей степени негативные, характерны для регионов, где наблюдается активный приток нелегальных и легальных мигрантов.

В частности, особенность ситуации, складывающейся в российских регионах, такова, что местное население считает, что беженцы и переселенцы являются не только виновниками их ухудшающегося социально-экономического положения, но и конкурентами на рынках труда и жилья, на которых они сами испытывают немалые трудности. Одним из факторов, негативно влияющих на отношение местных жителей к выходцам из республик Закавказья, являются этнокультурные различия — манера вести себя в общественных местах, неуважение к обычаям, традициям местного населения. Среди объективных причин этой неприязни можно выделить рост преступлений, совершаемых вынужденными мигрантами, передел сфер влияния, в том числе и экономического.

Органы государственной власти, общество, представители экспертного сообщества должны разрабатывать эффективные программы интеграции мигрантов в российский социум. В противном случае приток трудовых мигрантов приведет к росту межэтнических противоречий и общему ухудшению социальной обстановки в стране.

Психологи обращают внимание на проявляющийся в случаях миграции «конфликт культур», предполагающий необходимость глубоких изменений в образе жизни и мышления переселенцев, связанных с их адаптацией (в том числе и русских иммигрантов в Россию) [2].

На сегодняшний день в России существуют две распространенные точки зрения относительно процесса формирования мигрантских ниш занятости. Сторонники первой точки зрения уверены, что мигранты занимают дефицитные рабочие места, вытесняя при этом местных работников, тем самым увеличивают безработицу. Очевидна односторонность данного взгляда, поскольку мигранты сами по себе вообще не могут вытеснить местных работников и, тем более, «отнять» у них рабочие места. Для этого им необходимо как минимум два условия. Во-первых, заинтересованность в притоке мигрантов местных органов власти и, соответственно, принятие ею соответствующих официальных и неофициальных решений не в пользу местных работников, а в пользу мигрантов. Второе условие связано с заинтересованностью в дешевой рабочей силе российских работодателей, приобретающей приоритетное значение при найме на работу мигрантов, а не местных жителей. Сторонники второй точки зрения занимают противоположную позицию. По их мнению, мигранты заняты на самых непрестижных, низкооплачиваемых рабочих местах, от которых местные работники отказываются. Отчасти эта позиция верна, поскольку путем установления заниженных ставок оплаты труда работодателями умело создается искусственный, виртуальный дефицит кадров. В результате «свои» работники не идут, а «чужие» приходят на любые условия [3].

В настоящее время все большую актуальность приобретает изучение проблем миграции на региональном уровне. Это связано прежде всего с тем, что экономические условия регионов сущест-

венно отличаются, а следовательно, миграционная ситуация в экономически развитых регионах будет существенно отличаться от регионов, менее развитых в экономическом отношении.

Поскольку численность миграционных потоков в последние годы не только уменьшается, а увеличивается, это позволяет говорить о том, что в нашем обществе существуют условия, более привлекательные, чем в странах исхода мигрантов. Но для выбора мигрантом стратегии адаптации в новом социуме решающее значение имеет мотивация субъекта. В этой связи адекватной стратегией адаптации, приемлемой для российского общества, является интеграция, которая включает в себя усвоение новых социальных норм наряду с нормами страны исхода мигранта.

В течение последних 20 лет Юг России принял значительную часть беженцев, вынужденных переселенцев и других категорий мигрантов, как из стран СНГ, так и из государств дальнего зарубежья. На субъекты Российской Федерации, входящие в состав Южного федерального округа, в последние годы приходилось до 15 % общероссийского миграционного прироста, до 27 % объемов вынужденной миграции. Наибольшее миграционное давление испытывают Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская и Волгоградская области.

В некоторых районах Волгоградской области миграция привела к тому, что изменились исторически сложившиеся этнические пропорции населения, что привело к нарушению межэтнического баланса, а также к созданию условий для дестабилизации этнодемографической ситуации в регионе. В результате в регионе появилась проблема межэтнической напряженности и возникли предпосылки к конфликтам на этнической основе.

В 2009, 2013 и 2014 гг. социологической группой по изучению общественного мнения о деятельности органов внутренних дел Волгоградской академии МВД России были проведены социологические исследования, в ходе которых изучалось отношение местного населения к проблемам миграции. Опросы проводились в г. Волгограде методом формализованного интервью. В каждом опросе участвовало по 500 респондентов старше 16 лет. В исследованиях 2009 и 2013 года (данные приведены в таблице) были поставлены вопросы об отношении местного населения к мигрантам из Средней Азии и Северного Кавказа. А в опросе 2014 года были дополнительно поставлены ряд вопросов по проблемам миграции.

Следует отметить, что респонденты в определенной степени связывают высокий уровень преступности с мигрантами, приехавшими из Средней Азии и Северного Кавказа. Причем мигранты из Северного Кавказа вызывают большие опасения по поводу преступности. Об этом свидетельствуют ответы на вопросы, которые были поставлены в ходе опроса: «Как Вы считаете, представляют ли большую угрозу общественному порядку и безопасности выходцы из Северного Кавказа и Средней Азии, легально проживающие в Вашем городе, чем другие группы населения?»

На этот вопрос в 2013 году респонденты ответили следующим образом: 44,6 % отметили, что выходцы из Северного Кавказа представляют большую угрозу общественному порядку, чем другие группы населения, 39,6 % заявили, что они представляют такую же угрозу, как другие группы; 30,3 % считают, что выходцы из Средней Азии представляют большую угрозу, чем другие группы населения, и 43 % заявили, что они представляют такую же угрозу, как другие группы. Причем следует отметить, что, по сравнению с результатами опроса 2009 года, количество респондентов, испытывающих опасения со стороны мигрантов, увеличилось. Так в опросе 2009 года 37 % опрошенных считали, что выходцы из Северного Кавказа представляют большую угрозу общественному порядку, чем другие группы населения. А в отношении мигрантов из Средней Азии опасения высказывали всего 17 % респондентов. Данные опросов представлены в таблице.

В анкетах соц. исследований 2009 и 2013 гг. были также поставлены вопросы о мнении респондентов о том, как влияет трудовая миграция на наличие в нашем регионе свободных рабочих мест, которые занимаются мигрантами. И по данному вопросу мнение изменилось по сравнению с 2009 годом. Так, если в 2009 году респондентов, которые считали, что выходцы из Средней Азии занимают рабочие места, которые могли бы занять местные жители, было 52,5 %, то в 2013 году их стало 58,5 %. И соответственно в отношении выходцев с Северного Кавказа в 2009 году высказывали данное мнение 51,5 %, а в 2013 году — 63,6 %.

В исследовании 2014 года респондентов спросили, существует ли проблема взаимоотношений между мигрантами и местным населением. 47,5 % опрошенных отметили существование таких проблем, и 21 % не видят противоречий между мигрантами и местным населением. Основными

причинами данных противоречий респонденты считают: особенности поведения мигрантов (37,4 % респондентов), нетерпимость местного населения к чужим обычаям (24,1 %), публикации в СМИ (22,6 %). Главными факторами, которые могут повлиять на решение межнациональных проблем, респонденты считают: четкую нормативно-правовую базу, регулирующую положение мигрантов (25 % респондентов) и твердую государственную политику по отношению к соседним странам (24 %).

Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, представляют ли большую угрозу общественному порядку и безопасности выходцы из Северного Кавказа и Средней Азии, легально проживающие в Вашем городе, чем другие группы населения?», % относительной частоты

Danuaugu agraega	Выходцы из Северного Кавказа		Выходцы из Средней Азии	
Варианты ответа	2009 г.	2013 г.	2009 г.	2013 г.
Представляют большую угрозу	37,2	44,6	17,8	30,3
Представляют меньшую угрозу	4,6	9,5	12,9	15,2
Представляют такую же угрозу, как и все остальные	49,9	36,9	59,8	43,0
Затрудняюсь ответить	7,4	9,0	9,1	11,5
	Всего			
	100,0	100,0	100,0	100,0

Среди мер, которые следует предпринять для решения проблем взаимоотношения между местным населением и мигрантами, респонденты выделяют: необходимость разработки программы политики по решению проблем мигрантов (26,6%), необходимость больше внимания уделять налаживанию взаимоотношений мигрантов и местного населения со стороны местных органов власти (23%).

В ходе исследования выяснялось отношение населения к программе переселение в РФ соотечественников, проживающих за рубежом. 34 % опрошенных заявили о безусловной поддержке реализации данной программы, еще 26 % положительно относятся к этой программе, но при условии учета мнения коренного населения. И только 8 % респондентов высказали негативное отношение.

Социологическое исследование показало наличие проблемы взаимоотношений между мигрантами и местным населением, которую необходимо решать как государственным органам, так и общественным организациям.

Население города знает о существование межэтнических проблем и понимает необходимость их решения. Большинство опрошенных считает необходимым принятие эффективной региональной программы.

Таким образом, исследование еще раз подтвердило мнение о необходимости постоянного поиска новых подходов к решению межнациональных проблем, совместных усилий органов власти, полиции, институтов гражданского общества, мигрантов и представляющих их этнических организаций, постоянного обмена соответствующим опытом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. Данилова, Е. О. Организационно-правовые концепции как инструмент институционализации экономической активности и социального обеспечения трудовых мигрантов / Е. О. Данилова, Е. Н. Васильева, О. В. Зуева // Вестник Волгоградской академии МВД России : научно-методический журнал № 1 (32) 2015. Волгоград : ВА МВД России, 2015.
- 2. *Филиппова, Е. И.* Роль культурных различий в процессе адаптации русских переселенцев в России / Е. И. Филиппова // Идентичность и конфликты в постсоветских государствах ; под ред. М. Брилл Олкотт, А. В. Малашенко, В. А. Тишкова. М., 1997.
- 3. Дмитриев, А. В. Этнические группы трудящихся-мигрантов и принимающее общество: взаимодействие, напряженность, конфликты / А. В. Дмитриев, Γ . А. Пядухов // Социс. -2006. -№ 9. C. 90–91.

УДК 316.35 ББК 60.5

Γ . А. Ельникова¹, Т. В. Курцева²

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Белгородский университет кооперации, экономики и права

E-mail: ¹elnikova.galina@gmail.com, ²kurceva tv@mail.ru

В статье рассматривается влияние гендерной социализации на построение профессиональной образовательной стратегии молодежи.

Ключевые слова: профессиональные образовательные стратегии, гендерная социализация, профессия, молодежь.

G. A. Elnikova, T. V. Kurtseva

PROFESSIONAL EDUCATIONAL STRATEGIES OF YOUTH AS A REFLECTION OF GENDER SOCIALIZATION

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

The article discusses the impact on development of professional educational strategy of youth. *Keywords*: professional education strategies, gender socialization, profession, youth.

Одним из ключевых аспектов жизни человека выступает его профессиональная деятельность. Выбор профессии, который предопределяет линию жизни, – сложнейшая и рискогенная проблема.

На выбор профессии влияет множество факторов, среди которых одним из важных выступает гендерная принадлежность. При определении будущей специальности мотивом часто являются латентные презентации профессии такие, как «хорошая работа для девочки», «настоящая мужская профессия, всегда семью прокормить сможешь», что указывает на существование в данном процессе гендерных стереотипов, представляющих собой один из составных элементов гендерной социализации.

В современной социологии гендерная социализация достаточно широко изучена и освещена в трудах И. С. Кона, А. В. Мудрика, И. С. Клециной, О. А. Асадуллиной и других [1, 2, 3, 4], в которых репрезентируют и роль гендерных стереотипов в этом процессе.

Получение профессии происходит в результате обучения. Это говорит о тесной взаимосвязи профессиональной и образовательной стратегий, которые изучают такие ученые, как Γ . А. Чередниченко, Γ . А. Ельникова и другие [5, 6].

Целью данного исследования является определение влияния гендерной социализации на построение профессиональной образовательной стратегии молодежи.

Рассмотрение поставленной проблемы требует определения смыслового наполнения используемых терминов.

Так, под гендерной социализацией мы понимаем «процесс усвоения индивидом социальных норм, правил поведения, ценностей и идеалов того общества, в котором он живет, в соответствии с его биологическим полом» [4].

Исходя из того, что сущности профессиональной и образовательной стратегий связаны и в задачи работы входит рассмотрение профессиональной образовательной стратегии, мы предлагаем свое определение данного понятия.

Профессиональная образовательная стратегия — поведение индивида, направленное на оптимальное использование образовательных ресурсов, в результате которого возможны реализация личных качеств и интересов, трудоустройство с дальнейшим карьерным ростом или повышением профессиональных компетенций. Зачастую такая стратегия направлена не только на развитие профессиональных качеств и достижений, но и на получение определенного финансового уровня благосостояния.

Большинство профессий сегодня имеют определенный гендерный маркер, отражающий гендерные стереотипы общества. А так как молодежь после окончания средней школы поступает в вузы и ссузы для получения профессионального образования, то для того, чтобы понять, на-

.

[©] Ельникова Г. А., Курцева Т. В., 2015

сколько такие стереотипы, являющиеся основой гендерной социализации, оказывают воздействие на построение профессиональной образовательной стратегии, нами было проведено исследование. Было опрошено 460 респондентов, среди которых школьники старших классов, студентов вузов и ссузов, а также работающая молодежь г. Белгорода и Белгородской области.

Прежде всего мы выяснили, какие профессии среди современной молодежи считаются мужскими, женскими и подходящими для обоих полов (табл. 1).

Таблица 1 Гендерная маркировка профессии, %

Профессия	Только мужчина может работать по этой специальности	Только женщина может работать по этой специальности	Представители обоих полов могут работать по этой специальности
Врач	7,25	4,11	88,65
Учитель	2,66	21,01	76,33
Инженер	54,15	2,93	42,93
Полицейский	59,23	3,36	37,41
Водитель	67,70	2,63	29,67
ІТ-специалист	47,26	3,73	49,00
Бухгалтер	3,37	51,44	45,19
Экономист	10,63	21,50	67,87
Шахтер	88,97	2,64	8,39
Продавец	2,88	40,53	56,59
Грузчик	90,84	3,13	6,02
Военный	68,60	2,66	28,74
Портной	8,67	46,99	44,34
Повар	9,93	14,29	75,79
Сварщик	85,37	3,12	11,51
Управляющий магазином	13,19	7,19	79,62
Менеджер по продажам	8,15	9,35	82,49

Наиболее маскулинными молодежь считает профессии шахтера, грузчика и сварщика (88,97, 90,84 и 85,37 % соответственно). Однако профессий со столь ярким феминным акцентом среди представленных в опросе не нашлось. А наиболее подходящими специальностями для женщины, по мнению наших респондентов, оказались бухгалтер (51,44 %), затем портной (46,99 %) и продавец (40,53 %).

Достаточно неоднозначным оказалось то, что такие традиционно женские профессии, как учитель и врач, по мнению большинства наших респондентов, оказались подходящими как для мужчин, так и для женщин (76,33 и 88,65 % соответственно). Также среди лидеров специальностей, подходящих представителям обоих полов, оказались повар (75,79 %), управляющий магазином (79,62 %) и менеджер по продажам (82,49 %).

Что касается таких традиционно мужских профессий, как военный, полицейский и водитель, то большинство респондентов сохранило за ними их традиционную гендерную принадлежность (68,60, 59,23 и 67,70 % соответственно). Однако 28,74 % опрошенных считают, что быть военным могут как мужчины, так и женщины. В отношении к службе в полиции такого мнения придерживаются 37,41 % респондентов, а водителем, по мнению 29,67 % респондентов, могут быть представители обоих полов.

Своеобразная ситуация сложилась с IT-специалистами и инженерами. 54,15 и 47,26 % соответственно респондентов обозначило, что по этим профессиям могут работать только мужчины, а 42,93 и 49 % считают эти специальности гендерно нейтральными.

Таким образом, молодежь пересматривает гендерную маркировку профессий. С одними специальностями это происходит активнее, с другими нет, но тенденция изменения взглядов проявляется.

Однако, как показали исследования, мнения о гендерной принадлежности профессии и фактический выбор ее при поступлении для получения профессионального образования не всегда совпадают. Анализ приказов о зачислении 2014 года в вузы города Белгорода показал, что на практике большинство молодых людей выбирают профессию достаточно традиционную для своего пола [7].

Для успешного построения и реализации профессиональной образовательной стратегии важно не только правильно выбрать профессию, но и иметь представление о будущем роде занятий, о его деятельностном наполнении, о возможностях повышения квалификации и карьерном росте. Во многом это зависит от условий и времени выбора будущей профессии.

В проведенном нами исследовании мы спрашивали респондентов о том, когда они впервые задумались о своей будущей профессии и произошло ли это в школе (табл. 2).

Таблица 2

Ответы на вопрос «Во время учебы в школе задумывались (задумываетесь) ли Вы о своей будущей профессии?», %

Варианты ответов	Мужчины	Женщины
Да	53,30	73,64
Нет	14,84	6,98
Частично	28,57	18,22
Затрудняюсь ответить	2,20	1,16

В результате нашего исследования было выявлено, что женщины начинают задумываться о выборе будущей сферы деятельности чаще, чем мужчины.

Немаловажным фактором при планировании карьеры и определении уровня образования, необходимым для ее достижения, являются причины выбора той или иной профессии. В табл. 3 представлены данные, которые показывают, что является главным для наших респондентов при выборе профессии.

Причины выбора	Мужчины	Женщины
Возможность самореализации	32,33	36,48
Оплата данной профессии	21,12	19,95
Востребованность данной профессии	17,24	19,16
Подсказка родителей	0,43	1,57
Пошел по стопам родителей	1,29	0,26
Ее престижность и популярность	5,17	8,14
Мечта детства	12,50	9,71
Иное	7,33	3,15
Затрудняюсь ответить	3,02	1,57

В тройке лидеров факторов, оказавших влияние на выбор профессии, как среди респондентов мужского, так и женского пола, оказались возможность самореализации, оплата и востребованность данной профессии. Однако возможность самореализации оказалась на первом месте, значительным образом опередив ближайшие к ней характеристики. Это говорит о том, что для современной молодежи значительную важность приобретает развитие себя как личности. Особенно важно это по отношению к выбору женщин в связи с тем, что, как правило, традиционно способом самовыражения для женщины была ее семья, а работа рассматривалась как приложение.

В результате проведенного исследования мы выяснили, что мнение молодежи о гендерной принадлежности профессий меняется, однако, при выборе профессии молодые люди ориентиру-

ются на традиционную гендерную маркировку. Это уменьшает возможности самореализации, которая для современной молодежи представляет значительную важность. Изменить сложившуюся ситуацию возможно при помощи различных профориентационных мероприятий, которые будут предоставлять молодым людям информацию о том, что возможно получение профессии, ориентируясь не на ее гендерную маркировку, а на собственные личностные качества и интересы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. Кон. И. С. Психология ранней юности / И. С. Кон. М.: Просвещение, 1989. 255 с.
- 2. *Мудрик*, *А. В.* Социализация человека : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А. В. Мудрик. 2-е изд., испр. и доп. Издательский центр «Академия», 2006.
- 3. *Клецина, И. В.* Гендерная социализация : учеб. пособие / И. В. Клецина. СПб. : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. 92 с.
- 4. *Асадуллина, О. А.* Проблема гендерной социализации современных младших школьников / О. А. Асадуллина // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 12. С. 101–109.
- 5. *Чередниченко*, Г. А. Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований) / Г. А. Чередниченко. М.: ЦСП и М, 2014. 560 с.
- 6. *Ельникова, Г. А.* Образовательные стратегии молодежи Дагестана / Г. А. Ельникова, Ш. И. Алиев // Известия Волг-ГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 16 (143) / ВолгГТУ. Волгоград, 2014. Т. 18. С. 157–160.
- 7. *Курцева, Т. В.* Выбор профессии абитуриентами: гендерный аспект / Т. В. Курцева // Социология образования. 2015. № 6. 68—79.

УДК 316.334.23 ББК 65.29

Л. И. Грошева, Э. Р. Ханбеков

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ В РАМКАХ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ

Тюменское высшее военно-инженерное командное училище (военный институт) им. маршала инженерных войск А. И. Прошлякова

E-mail: malivia@rambler.ru

В статье рассмотрены проблемы реализации образовательной компоненты системы поддержки молодежного бизнеса. Высокая ориентация молодежи на получение информации путем самообразования сопряжена с рисками в отношении ее объективности и достоверности. Проведенное исследование выявило концептуальные проблемы в сфере соотношения содержания образовательных продуктов и потребностей молодых бизнесменов, неудовлетворенность которых может быть устранена путем совершенствования механизмов предоставления образовательных услуг.

Ключевые слова: молодежный бизнес, молодежная политика, бизнес-активность, поддержка предпринимательства, бизнес-образование.

L. I. Grosheva, E. R. Hanbekov

DEVELOPMENT OF HUMAN POTENTIAL OF YOUNG PEOPLE IN THE FRAMEWORK OF BUSINESS EDUCATION

Tyumen Higher Military Command School of Engineering (Military Institute) n.a. Marshal of engineering forces A.I. Proshlyakov

In the article the problems of the effectiveness of the educational components of the system of the support of youth business are considered. Much of the youth receives information through self-education, without any guarantees of its objectivity and reliability. The expert survey revealed considerable difficulties in correlation of structure of educational products and the needs of young businesspeople, their dissatisfaction can be eliminated by improving the ways and procedures of providing educational services.

Keywords: youth business, youth policy, business activity, entrepreneurship support, business education.

Проблема развития молодежного предпринимательства является одной из центральных большинства региональных программ России. Инвестирование в стартапы молодежи представляется достаточно эффективным и рентабельным вложением, так как именно у данной группы предприятий регистрируется наибольшая потенциальная деловая активность. Данный факт позволяет сделать вывод о более высокой адаптивности и склонности к инновациям именно со стороны молодежного бизнеса. Другой положительной особенностью развития молодежного потенциала путем стимулирования бизнес-активного поведения является его универсальность по отношению к раз-

[©] Грошева Л. И., Ханбеков Э. Р., 2015

личным представителям национальностей и этнических групп. Поддерживая равенство возможностей в получении бизнес-поддержки для всех представителей поликультурного пространства Юга России, регион и страна получают эффективный механизм вовлечения в активные деловые интеракции всей молодежи без каких-либо ограничений и условностей.

Волгоградский регион в последнее время занимает активную позицию в отношении поддержки малого бизнеса и предпринимательства, в особенности тех предприятий, которые создаются молодыми людьми. На текущий момент механизмы поддержки региона включают значительный комплекс финансовой, консультационной и информационной помощи.

Финансовая помощь представлена в области в виде субсидии, составляющей 90 % затрат (но не более 200 тыс. рублей в год), которая может быть предоставлена один раз в год в течение двух лет. При этом возмещению подлежит достаточно большой перечень затрат: приобретение основных средств (за исключением легковых транспортных средств); текущий / капитальный ремонт нежилых помещений, используемых в предпринимательской деятельности; проведение землеустроительных работ (геодезических и картографических, межевание объектов землеустройства); аренда нежилых помещений / земельных участков; уплата процентов по кредитам (за исключением овердрафтных кредитов и кредитных линий) [1].

Обширный комплекс поддержки молодежного бизнеса представлен в рамках работы Волгоградского областного бизнес-инкубатора. Среди основных агентов акселерации бизнеса ранних этапов развития следует выделить:

- центр поддержки предпринимательства ориентирован на оказание юридической, финансовой, маркетинговой помощи, а также информационное сопровождение и консультирование по основным вопросам деятельности;
- некоммерческое Партнерство «Региональный гарантийный фонд» имеет целью оказание поддержки на территории Волгоградской области в виде поручительств по кредитам, оформляемым в коммерческих банках;
- государственный фонд «Региональный микрофинансовый центр» способствует облегчению доступа малого (в том числе молодежного) бизнеса к финансовым ресурсам и бизнес-инфраструктуре;
- центр инжиниринга Волгоградской области занимает сектор консультационной помощи и экспертной поддержки малого и среднего предпринимательства с ориентацией на технологический и проектный инжиниринг [1].

Помимо указанных механизмов бизнес-инкубатора Волгоградский регион вошел в федеральную программу поддержки молодежного предпринимательства «Ты – предприниматель» [2], что формирует возможность оказывать комплексную поддержку молодым бизнесменам вне зависимости от особенностей создаваемых ими предприятий и выбранной сферы деятельности помимо полной акселерации бизнес-единиц. Таким образом, регион нацелен на непрерывное совершенствование системы государственной поддержки молодежного бизнеса ввиду растущей нестабильности в рамках как социальных контактов, так и мировой экономической системы [3, с. 347]. Современное общество содержит в себе определенную совокупность разнообразных рисков, с которыми сталкивается молодежь в процессах самореализации, самоопределения, различных видов социальной активности [4, с. 20]. Именно с целью снижения рисков программы поддержки бизнес-активности молодежи содержат образовательную компоненту не только как средство предупреждения возможных проблем, но и как метод обучения предпринимателей диагностированию возможных рисков самостоятельно.

Качество развития человеческого потенциала напрямую связано с развитием системы образования и повышения квалификации. Современные образовательные программы формируются в условиях высокой информатизации общественных отношений. Недостаточная гибкость стандартов, а также содержательной части программ в значительной мере снижает ее эффективность в отношении развития молодого бизнесмена и приводит к снижению востребованности получения дополнительной информации в принципе. Регионы с достаточно развитой системой поддержки на текущий момент столкнулись с рядом концептуальных проблем, которые могут представлять опасность и для развития программ в Волгоградской области при отсутствии достаточного внимания к существующему опыту.

Данные проблемы нашли отражение в ходе авторского опроса и интервьюирования молодых бизнесменов (N=40 человек, исследование проведено с сентября по декабрь 2014 года), осуществ-

ляющих свою деятельность на территории Тюменской области. В рамках исследования были задействованы примерно в равных долях представители официально зарегистрированного бизнеса, теневого (неофициального) сектора и участники бизнес-инкубатора на условиях полной акселерации.

Молодые бизнесмены в условиях современной действительности не склонны доверять образовательным программам и учреждениям. Экспертный опрос выявил, что 54,5 % опытных бизнесменов предпочитает получать необходимые сведения путем самообразования. Хотя при детализированной беседе самообразование не позиционировалось в качестве удовлетворительного средства обучения: отмечались факты обращения к недостоверной, необъективной информации, которая приводила к повышению издержек бизнеса. Предпочтение образовательных услуг бизнесинкубатора отметили 13,4 % экспертов, что свидетельствует о сомнениях в эффективности инкубационного образования даже в среде резидентов проекта. Среди наиболее существенных проблем, которые выявили участники акселерации, были выделены формальность предоставляемых услуг и несвоевременность их подачи. Не имеющие отношения к бизнес-инкубатору эксперты выразили сомнения в эффективности этого института в целом, не формулируя конкретных претензий. Региональные образовательные программы получили одобрение лишь 10 % экспертов. При этом представители теневого сектора отметили низкую доступность услуг для незарегистрированных предприятий, в то время как ни один из них не владел информацией о региональных программах самозанятости и самообеспечения в Тюменской области. В ходе интервью только представители инкубационного бизнеса и около 10 % представителей официального бизнеса смогли назвать программы либо услуги в сфере образования и консультирования, которые возможно было получить на безвозмездной основе, что свидетельствует о невысокой информированности о потенциальных возможностях.

Обращение экспертов к различного рода источникам основывается на самостоятельном аналитическом отборе. Наиболее востребованным каналом получения данных был назван Интернет в целом – 29,4 %, на втором месте (23,5 %) были отражены рекомендации и советы родственников и знакомых. Однако несмотря на высокую частотность обращения к интернет ресурсам (по примерным оценкам опрошенных – до 20 ситуаций в месяц) определение конкретных сайтов вызвало значительное затруднение. 37,5 % не смогли сформулировать даже приблизительного названия порталов, кроме поисковых систем и системы правовой поддержки «Консультант+». Причину подобного явления бизнесмены видят в высокой специфичности складывающихся обстоятельств, что требует поиска качественно новых решений и не может быть сведено к обращению к одному единому ресурсу в текущих условиях.

Нежелание обращаться к государственным или региональным органам поддержки было обосновано отсутствием достаточного времени на личное посещение либо недоверием к актуальности предложенной информации. Данный факт является весьма противоречивым, вероятно, связанным со стереотипическими представлениями о государственных органах, так как высокое недоверие к ним с одной стороны совмещено с обращением к ресурсам сети Интернет, качество которых не может быть гарантировано либо объективно проверено. Указанное противоречие в свою очередь результирует высокую рисковость в принятии решений.

Соответственно полученным результатам возможно заключить, что система государственной и региональной образовательной поддержки молодежного бизнеса нуждается в механизме совершенствования и мерах по нивелированию возникающих затруднений, которые могут быть преодолены посредством следующих мероприятий.

- 1. Повышение гибкости образовательных услуг возможно за счет расширения разновидностей интерактивного и дистанционного обучения с использованием возможностей интернет-конференций и системы Skype. Это позволит бизнесу получать необходимые данные в наиболее комфортных для него условиях.
- 2. В условиях функционирования различных органов поддержки молодые бизнесмены предпочитают не тратить время на отбор наиболее благонадежных из них, предпочитая собственные поисковые возможности. В данном случае формирование единого консультационного центра позволит не только сократить количество существующих учреждений, но и сформировать систему стандартов и обратной связи, которые повысят доверие к институциональному обучению и позволят молодым бизнесменам формировать для себя индивидуальный пакет помощи и актуализировать предоставляемые услуги.

- 3. Многообразие ситуаций в бизнесе вынуждает молодежь затрачивать значительное время на поиск необходимой информации, обращаясь к случайным Интернет-ресурсам, что имеет потенциальный риск получения негативного результата от применения полученной таким образом информации. Данный аспект возможно нивелировать путем создания комплексного портала либо перепрофилирования в единое информационное окно уже существующего портала. Наличие единого, регулярно обновляемого и курируемого профилирующими органами ресурса позволит сократить временные затраты бизнесменов и повысить доверие к системе государственного образования в целом.
- 4. Обратную связь необходимо подкреплять фактическими изменениями в структуре или информационной базе портала при условии высокой прозрачности вносимых изменений и адресности. Согласно авторскому исследованию, бизнесмены с недоверием относятся к образовательным программам, которые сохраняют содержательную и тематическую структуру неизменной в течение более трех лет.

Оценка экспертами существующих образовательных продуктов в сфере поддержки малого молодежного бизнеса выявила ряд структурных и концептуальных проблем, от решения которых зависит качество развития человеческого потенциала региона. Высокая потребность молодых людей в объективной и проверенной бизнес-информации, низкая информированность о существующих программах и отсутствие доверия к ним стимулируют либо к отказу от ведения деятельности, либо результируют получение негативного опыта. Его нивелирование актуализируется в качестве первостепенной задачи партнерских отношений государства и молодежного бизнеса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. Государственная поддержка бизнеса в Волгоградской области // Официальный портал ГАУ ВО Волгоградский областной бизнес-инкубатор. URL: http://vinkub.ru/ (дата обращения: 10.09.2015).
- 2. Волгоградский регион присоединился к федеральной программе развития молодежного предпринимательства // Официальный портал Волгоград-гоот. URL:http://vlg-room.ru/volgogradskij-region-prisoedinilsya-k-federalnoj-programme-razvitiya-molodezhnogo-predprinimatelstva-18220/ (дата обращения: 02.10.2015).
- 3. Вишневский, IO. IO.
- 4. *Шумпетер, Й.* Теория экономического развития: Исслед. предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры / Й. Шумпетер; пер. с нем. В. С. Автономова [и др.]. М.: Прогресс, 1982. 401 с.

УДК 334+ 316.35 ББК 60.54

М. Б. Полтавская

РЕСУРСНЫЕ ЦЕНТРЫ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНФРАСТРУКТУРНОЙ ПОДДЕРЖКИ

Волгоградский государственный университет

E-mail: poltavskaya@volsu.ru

Статья посвящена исследованию создания и функционирования ресурсных центров некоммерческих организаций, которые представлены как инфраструктурная поддержка и организационно-структурная форма общественно-государственного партнерства.

Ключевые слова: социально ориентированная некоммерческая организация, третий сектор, ресурсный центр, межсекторное партнерство, общественно-государственное партнерство, инфраструктурная поддержка, коворкинг.

M. B. Poltavskaya

RESOURCE CENTERS OF PUBLIC BENEFIT ORGANIZATIONS AS AN ELEMENT OF INFRASTRUCTURE SUPPORT

Volgograd State University

The article is devoted to the establishment and functioning of the resource centers of public benefit organization, which are represented as infrastructure support, organizational and structural form of public-private partnership.

Keywords: public benefit organization, the third sector, a resource center, cross-sector partnerships, public-private partnerships, infrastructure support, coworking.

[©] Полтавская М. Б., 2015

Изменение принципов социальной политики в современной России отразилось на увеличении финансирования «третьего сектора», государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО). Опыт показывает, что для эффективного взаимодействия общества и государства необходимо объединить их ресурсы. Механизм общественно-государственного партнерства способен обеспечить интеграцию интересов общества и государства, успешные примеры можно наблюдать в разных зарубежных странах. Для взаимодействия государства и общества и повышения эффективности государственных инвестиций в СО НКО необходимо создать систему их поддержки, сформировать инфраструктуру. Создание ресурсных центров СО НКО является одним из элементов инфраструктурной поддержки. Ресурсные центры могут рассматриваться как организационно-структурная форма общественно-государственного партнерства. Это делает особенно актуальным теоретическое осмысление принципов и механизмов функционирования ресурсных центров СО НКО.

Если вопросам межсекторного партнерства посвящено значительное количество работ, то проблематика создания, формирования принципов деятельности, построения моделей взаимодействия ресурсных центров СО НКО в научной литературе представлена слабо. Можно отметить статью М. А. Масальцева, А. С. Гезалова, посвященную трудностям создания ресурсных центров в России [1], работы В. Ю. Кульковой [2] и Ю. В. Жичкина [3], раскрывающие механизмы государственной поддержки СО НКО, исследование The Boston Consulting Group (ВСG), направленное на поиск факторов повышения эффективности государственных инвестиций в сектор социально ориентированных НКО [4]. Так, по данным ВСG особенностью структуры доходов российского «третьего сектора» является минимальное государственное финансирование (5 %), весьма скромные показатели доходов от собственной деятельности (22 %), основную же статью финансовых поступлений составляют пожертвования бизнеса, граждан (73 %). В свою очередь, структура доходов в развитых странах состоит из государственного финансирования (48 %), доходов от собственной деятельности (35 %) и пожертвований бизнеса, граждан (17 %).

Идея создания ресурсных центров для некоммерческих организаций появилась в России еще в конце 90-х гг. XX века. Ресурсные центры могли стать площадкой для аккумуляции накопленных знаний, представления и распространения лучших практик, источником информации для СО НКО.

Можно выделить несколько волн создания ресурсных центров. Первая волна начинается во второй половине 90-х гг. ХХ в. – начале 2000-х гг. Как правило, ресурсные центры создавались в результате поддержки зарубежных фондов и организаций. В это же время создаются первые виртуальные ресурсные центры [5]. Появляются такие центры в ряде областей – Новосибирской, Нижегородской, Вологодской, Краснодарском крае и других регионах. Однако многие ресурсные центры прекратили свою деятельность с утратой финансирования, виртуальные – перестали обновляться.

В конце 2000-х гг. стартует вторая волна создания ресурсных центров, которая была инициирована Президентскими грантами. Ряд СО НКО, выигравших гранты, создали ресурсные центры, однако они функционировали недолго – до прекращения финансирования по грантам.

С 2011–2012 гг. начинается третья волна создания ресурсных центров. Они по-прежнему создаются преимущественно на деньги различных грантов, в основном Президентские гранты, субсидии Минэкономразвития, гранты для СО НКО на федеральном и региональном уровнях. Созданы такие центры в Липецкой, Новосибирской, Ярославской областях, Пермском крае и других регионах [6]. Данный этап только стартовал, ресурсные центры реализуют краткосрочные программы, поэтому говорить об эффективности их функционирования преждевременно.

Более эффективны не виртуальные ресурсные центры, а имеющие материальную базу площадки для реального общения. В Вологодской области Фонд поддержки гражданских инициатив реализует программу «Центр поддержки СО НКО и гражданских инициатив «Дом НКО» [7]. Он был организован с учетом современных тенденций – по типу коворкинга [8]. Коворкинг – такая модель совместной работы, при которой участники, оставаясь независимыми и свободными, используют общее пространство для своей деятельности. Такие совместные пространства, своего рода офисы открытого типа, становятся все популярней.

Для CO НКО ресурсный центр по типу коворкинга помогает решить сразу несколько проблем: 1) это интерактивный виртуальный инструмент поддержки деятельности CO НКО региона, консо-

лидация информации для СО НКО на одном информационном ресурсе; 2) это площадка сетевого взаимодействия, где специалисты различных СО НКО могут работать над своими проектами и помогать другим СО НКО; 3) коворкинг – это решение проблемы отсутствия собственного помещения; 4) это площадка с современным мультимедийным оборудованием, доступом к сети Интернет. Коворкинг имеет множество других плюсов [9].

Можно выделить следующие функции, реализуемые ресурсными центрами: 1) информационная и просветительская, направленная на информирование о возможностях «третьего сектора», популяризацию НКО среди населения, это работа на «узнаваемость», формирование позитивного отношения к деятельности НКО; 2) образовательная, прежде всего, направлена на руководителей и сотрудников СО НКО, которые могут посещать в таком центре тренинги, повышать свою квалификацию и компетентность; 3) интеграционная и коммуникационная, способствующая взаимодействию между различными СО НКО, распространению положительного опыта, развитию межсекторного социального партнерства бизнес – власть – НКО; 4) организационная, что проявляется в создании условий для образования новых СО НКО, работе с кадрами, поиске волонтеров.

Существует несколько моделей ресурсных центров, в основе которых лежит способ их создания: 1) по инициативе государственных и муниципальных органов власти; 2) по инициативе СО НКО; 3) в результате партнерства СО НКО и государства [10].

Поскольку ресурсному центру необходимо непрерывное функционирование, то третья модель является самой эффективной. Именно в такой конфигурации происходит объединение ресурсов двух сторон: со стороны государства – имущественная поддержка, предоставление помещения, транспортных услуг, коммуникационная и информационная поддержка; со стороны СО НКО – идеи, технологии, определенные компетенции, которые будут являться необходимым условием эффективного функционирования ресурсных центров.

Можно отметить и существующие риски: сам факт заключения и процесс реализации общественно-государственного партнерства будет пристально контролироваться соответствующими органами, поэтому органы государственной власти склонны использовать более безопасный механизм прямого бюджетного финансирования, переведя ресурсный центр в такую организационно-правовую форму как, например, государственное бюджетное учреждение и т. п. В таком варианте, монополизировав функции контроля и управления, главную роль будет играть государство, а ресурсный центр будет выполнять функцию проводника государственной политики.

Как отмечают исследователи М. А. Масальцев и А. С. Гезалов, «рынок» ресурсных центров в России не складывается потому, что со стороны НКО нет реального спроса на такого рода услуги. НКО не воспринимают информацию как один из основных ресурсов своей работы, многие руководители НКО имеют узкое представление о том, что такое «ресурсы», подразумевая под ними, прежде всего, деньги. Не у всех руководителей НКО есть представление, что с помощью работы со СМИ, взаимодействия с государственной властью, правильно выстроенных коммуникаций с другими общественными организациями и волонтерами, можно достичь гораздо большей эффективности деятельности, даже имея минимум финансовых средств.

Подводя итог и намечая перспективы деятельности ресурсных центров, необходимо отметить, что для успешной реализации межсекторного социального партнерства через ресурсные центры необходима разработка правовой основы, регулирующей общественно-государственное партнерство. Открытыми остаются вопросы структуры и функций, принципов создания и функционирования ресурсных центров, взаимодействия с местным сообществом и органами власти, механизма их финансирования, критериев эффективности деятельности и другие аспекты, которые требуют дальнейшего научного исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- $1.\,$ *Масальцев, М. А.* Интернет-технологии как инструмент для НКО: сложности создания ресурсных центров в России / М. А. Масальцев, А. С. Гезалов // Электронная культура: интеллектуальные инновационные технологии в социокультурной сфере. Всероссийская междисциплинарная конференция, РФ, 27 мая 2011 г. -28 мая 2012 г. Режим доступа: http://www.ec-ai.ru/default.asp?article=4 (Дата обращения 14.10.2015)
- 2. *Кулькова*, *В. Ю*. Реализация государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций в Российской Федерации / В. Ю. Кулькова // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 3. С. 233–241.
- 3. Государственная поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций / Ю. В. Жичкин. Самара : МИР, 2013.-42 с.

- 4. The Boston Consulting Group (2011): «Повышение эффективности государственных инвестиций в сектор социально ориентированных НКО», по заказу Министерства экономического развития РФ [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/fee7758047d36ab5ab2fff0b17164af7/presentation_.pdf?MOD=AJPERES&CAC HEID= fee7758047d36ab5ab2fff0b17164af7 (Дата обращения 14.10.2015)
- 5. Сайт NGO.RU [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ngo.ru; Виртуальный ресурсный центр поддержки HKO. URL: http://www.trainet.org/pages/view/1 (Дата обращения 14.10.2015)
- 6. Проект «Ресурсный центр СО НКО», Липецк. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://nko48.ru/projects/proekt-resursnyy-centr-so-nko-2013; Ярославская региональная общественная организация «Центр социального партнерства». URL: http://www.csp-yar.ru/uslugi-resursnogo-tcentra; Межрегиональный ресурсный центр Пермского края. URL: http://grany-center.org/razvitie-so-nko/rcentr-podderzhki-uchastiya-sonko (Дата обращения 14.10.2015)
- 7. Фонд поддержки гражданских инициатив Вологодской области [Электронный ресурс] http://www.fpgi.ru/ (Дата обращения 14.10.2015)
- 8. *Полтавская*, *М. Б.* Институционализация новых форм социального взаимодействия: пространство коворкинга / М. Б. Полтавская // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. −2014. № 3(23). С. 107–115.
- 9. *Борисенко, Е. В.* Со-working как новое социальное явление / Е. В. Борисенко // Социальное пространство Интернета: перспективы экономсоциологических исследований: матер. междунар. науч.-практ. конф.; г. Минск, 21 ноября 2014 г. / ред. кол.: Котляров И. В. (гл. ред.) и др.; Ин-т социологии НАН Беларуси; кафедра экономической социологии БГЭУ. Минск: Право и экономика, 2014. С. 167–168.
- 10. *Полтавская, М. Б.* Ресурсные центры социально ориентированных некоммерческих организаций как форма межсекторного социального партнерства / М. Б. Полтавская // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. − 2015. − № 2 (15). − С. 107−114.

УДК 316.356.2+316.334.3 ББК 60.56

Н. А. Сосновская

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Институт социологии НАН Беларуси

E-mail: sosnovskaya.n@inbox.ru

В статье рассматриваются основные направления семейной политики, раскрываются теоретические положения, формирующие ее основания. Представлены эмпирические данные удовлетворенности населения мерами проводимой политики.

Ключевые слова: семья, семейная политика, меры семейной политики.

N. A. Sosnovskaya

FAMILY POLICY IN THE REPUBLIC OF BELARUS: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Institute of Sociology of NAS of Belarus

The main directions of family policy are considered in the article. Theoretical principles forming their foundation are revealed. Empirical data of public satisfaction with policy measures are presented.

Keywords: family, family policy, family policy measures.

На протяжении последних лет в социогуманитарном знании наблюдается постоянно возрастающий интерес к проблематике семейной политики. Активизация исследовательского внимания связана с осознанием в научной среде и на государственном уровне социальных проблем, вызванных изменением репродуктивных установок и низкой рождаемостью коренного населения.

В трактовке понятия «семейная политика» существуют некоторые вариации. Она понимается как направление социальной политики государства, нацеленное на помощь семье и поддержку ее жизнеспособности [2]; предполагающее укрепление семьи, оптимизацию выполнения ею своих функций и улучшение условий жизнедеятельности [3]; комплексное воздействие общества на брачно-семейные отношения [4]. Таким образом, семейная политика (СП) определяется и как комплекс мер, направленных на оказание поддержки семье, и как инструмент влияния на семью с целью гармонизации ее функционирования с потребностями общества.

В связи со спектром решаемых государством вопросов, выделяются базовые направления СП: демографическое – ориентированное на стимулирование рождаемости; социальное – направленное

[©] Сосновская Н. А., 2015

на борьбу с бедностью в семье; *гендерное* — ставящее целью достижение гендерного равенства в семье и в профессиональной занятости; *экзистенциальное* — предполагающее помощь семье в осуществлении ухода за недееспособными категориями (инвалиды, пожилые, дети) [5, с. 292]. В целом, можно выделить такие равные по значимости, составляющие СП, как прямое финансовое стимулирование деторождения, дружественное родителям законодательство, включающее отпуска по уходу за детьми и гибкий рабочий график, а также развитие сервисов, предоставляющих услуги по уходу и воспитанию детей.

Ориентированность СП во многом зависит и от исходных теоретических представлений об объекте политики – семье. Согласно одному из подходов, семья находится в состоянии кризиса, являющемся закономерным итогом развития индустриального общества. Утрата семьей ее основных функций и разрушение социокультурных норм многодетности – частные проявления кризисного состояния семьи. В связи с этим в качестве основных целей СП предлагаются укрепление семьи, упрочение семейных, в противовес индивидуальным, жизненных ценностей, переориентация всех социальных институтов с индивида на семью.

Сторонники другой точки зрения считают, что происходит закономерное изменение семьи в соответствии с трансформацией социально-экономических условий. Новая семья лучше приспособлена к требованиям современности, чем традиционная. Она предполагает свободу личности и самовыражение обоих партнеров. Из подобной установки следует, что целью СП должно стать обеспечение наиболее благоприятных условий свободного развития для каждой семьи, условий для наилучшего выполнения ею своих основных функций. Приверженцы подхода настаивают на том, что СП как особая часть социальной политики должна базироваться на принципах свободы личности, равноправия, партнерства и призвана обеспечить равновесие между личностью, семьей и обществом [6].

Семейная политика Республики Беларусь продолжает традиции, заложенные в рамках социального обеспечения СССР. В это время были приняты законы о предоставлении женщинам отпуска по беременности и родам с сохранением рабочего места; предусматривались пособия по уходу за ребенком; оплачиваемые больничные по болезни ребенка. Сложилась система сервисной поддержки материнства и детства. Анализируя меры СП советского периода, В. Е. Семенков [7] заостряет внимание на том, что поддержка была ориентирована на работающих женщин с детьми, а не на семью в целом.

На современном этапе СП регулируется рядом нормативно-правовых актов, определяющим среди которых является Указ Президента Республики Беларусь от 21.01.1998 № 46 «Об утверждении Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь» [8]. Несмотря на то, что в документе акцентирована необходимость предоставления возможностей для экономического самообеспечения семей, возможности повышения уровня материального благосостояния, основной упор в реализации заданных мер делается в области материальных выплат семье в связи с рождением и воспитанием ребенка. К базовым мерам относятся: денежные выплаты семьям на детей в связи с рождением, содержанием и воспитанием (пособия, пенсии); дополнительная материальная помощь в денежной и натуральной формах; кредитование и частичное субсидирование семей, осуществляющих строительство жилья; предоставление малоимущим семьям денежных субсидий по оплате жилья и коммунальных услуг. Таким образом, государственная политика в отношении семьи в Беларуси носит патерналистский характер с выраженной ориентацией на упрочение традиционных ценностей. В целом, СП преимущественно протекционистской направленности, задачей которой является экономическая поддержка семей и в конечном счете стимулирование рождаемости признается исследователями малоэффективной. Это приводит к постановке вопроса о том, в какой степени предлагаемые меры способствуют удовлетворению потребностей населения, и в конечном итоге о содержании проводимой политики.

Результаты опроса, проведенного отделом социологии культуры Института социологии в 2015 году (исследование репрезентативно по полу, возрасту, уровню образования, региону проживания и типу населенного пункта N=1498) показали, что более половины респондентов согласились с необходимостью государственной поддержки семей с детьми (53,3 %). Каждый третий считает, что это помощь должна быть направлена только отдельным категориям семей (31,4 %). И только 5,4 % не видят необходимость в такой помощи и возлагают всю ответственность на родителей.

Наиболее высоко необходимость социальной помощи оценили семьи с ребенком младше трех лет. Это, прежде всего, потребности в улучшении жилищных условий (59,1 %) и материальной

поддержке (55,5%). Данная группа населения продемонстрировала высокую заинтересованность в центрах развития для детей (39,9%). Для каждой третьей семьи актуальна необходимость помощи в обеспечении ребенка местом в дошкольном учреждении. Полученные данные показали, что в белорусских семьях не сформирована потребность в передаче услуг заботы коммерческому сектору. Так, несмотря на неразвитость альтернативных практик заботы, связанных с уходом за детьми, респонденты не выразили заинтересованности в данном виде помощи (4,1%). Вероятно, в этом отношении родители полагаются либо на собственные ресурсы (предоставляемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им трех лет), либо на традиционный для советского и постсоветского пространства «институт бабушек». В целом, можно сказать, что по мере взросления ребенка заинтересованность семьи в социальной поддержке снижается. Выбивается из общей картины интерес к психологической помощи. Наиболее высока потребность в ней у родителей с детьми-дошкольниками (7,8%). На этом уровне она сохраняется и у родителей с детьми более старших возрастов. Таким образом, наибольшую заинтересованность в социальной поддержке со стороны государства продемонстрировали именно те категории населения, которые являются ее целевыми получателями.

В опросе, осуществленном в ноябре 2014 года (исследование проводилось на республиканской репрезентативной выборке N=2010), рассматривался уровень удовлетворенности населения СП. Оценка удовлетворенности мерами СП производилась на основании мнения целевых групп-получателей мер. Проведенное исследование показало, что более половины респондентов (60 %), имеющих детей в возрасте до трех лет и являющихся потенциальными и действительными получателями пособий по уходу за ребенком, позитивно оценили данную меру. С трудностями при ответе на вопрос столкнулись 9,7 % опрошенных, и 30,3 % отметили, что не удовлетворены выплачиваемыми пособиями. Среди респондентов, проживающих в сельской местности, зафиксирован более высокий уровень удовлетворенности пособиями (довольны - 70,2 %, не довольны 19,1 %, затруднились – 10,6 %). Сходным образом опрошенные с детьми до трех лет оценили и возможности устройства детей в дошкольное учреждение по месту жительства: 60,6 % – позитивно, 29,7 % – негативно и 9,7 % – выразили затруднения. Респонденты с детьми от 3 до 6 лет возможности устройства в дошкольное учреждение оценивают выше: удовлетворены 69,8 %, не удовлетворены – 26,4 %. Ответ на данный вопрос вызвал затруднения у 3,8 % опрошенных. Между ответами респондентов, проживающих в городе и сельской местности, различий по данному вопросу не обнаружено. Качество оказываемых дошкольными учреждениями услуг большинство респондентов данной группы оценивают положительно (77,8 % – позитивно, 3,8 % – затруднились и 18,4 % – негативно). Большую степень неудовлетворенности выразили опрошенные, проживающие в городах -20,8 %, тогда как среди жителей сельской местности таковых 13,5 %.

Одно из важнейших направлений СП, получившее признание как наиболее действенное при решении проблемы увеличения рождаемости, — обеспечение баланса семьи и работы. С этой целью работодателям рекомендуется предоставлять работающим родителям возможность пользоваться гибким графиком работы, позволяющим им эффективно совмещать свои профессиональные и семейные обязанности. Реализация данной меры носит рекомендательный характер и в большой степени зависит от политики конкретной организации или предприятия. В связи с этим мнения респондентов о реализации данной меры представляют особый интерес. Полученные ответы показали, что имеющиеся возможности рабочего графика в большей мере устраивают респондентов с детьми от 6 до 12 лет (39,8 %). И наоборот, наименьшую степень удовлетворенности выразили опрошенные с детьми от 3 до 6 лет (31 %). Высокий процент затруднившихся ответить среди родителей детей, не достигших трехлетнего возраста (39,3 %), связан с тем, что многие женщины данной группы, находясь в отпуске по уходу за ребенком, не связаны иными профессиональными обязанностями. Таким образом, можно сделать вывод, что только третья часть респондентов, нуждающихся в гибком графике работы, имеет соответствующие возможности.

Адресная социальная помощь — это мера, направленная на поддержание прожиточного минимума семей или граждан. Она включает льготы на приобретение продуктов питания детям первых двух лет жизни, школьных принадлежностей, одежды и обуви, лекарственных средств и технических средств реабилитации. Предусматриваются разные режимы ее предоставления: как в виде единовременных, так и ежемесячных пособий. Относительно данной меры респонденты испытали самые значительные затруднения: 55 % — проживающих в городе и 60,8 % — жителей села. Мнения

остальных распределились примерно поровну: 22,4 % выразили удовлетворенность и 21,1 % высказали противоположную точку зрения.

Проведенное исследование показало, что население Беларуси рассматривает СП как необходимое направление социальной поддержки, связанное с помощью в решении, прежде всего, материально-экономических проблем семьи. Это в целом отвечает направленности социальной политики белорусского государства, в котором ведущими мерами являются различные выплаты и пособия, призванные облегчить экономические издержки, связанные с рождением ребенка и временной нетрудоспособностью матери.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. -http://www.belstat.gov.by/.
- 2. Семейная политика // Оксфордская иллюстрированная энциклопедия: в 9 т. Т. 7: Народы и культуры / под ред. Р. Хоггарта; пер. с англ., 2002 г. http://voluntary.ru/dictionary/950/word/semeinaja-politika.
- 3. Семейная политика // Демографический понятийный словарь / под ред. проф. Л. Л. Рыбаковского. М. : ЦСП, 2003 г. http://voluntary.ru/dictionary/1265/word/semeinaja-politika.
- 4. Семейная политика // Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. акад. РАН Г. В. Осипова, 1998. http://voluntary.ru/dictionary/619/word/regulirovanie-brachno-semeinyh-otnoshenii-semeinaja-politika.
- 5. Носкова, А. В. Эволюция семейной политики в Европе: меняющиеся проблемы, приоритеты и практики / А. В. Носкова // Вестник МГИМО Ун-та. 2013. № 4 (31). С. 291–301.
- 6. *Пахомов, А. А.* Особенности трансформации семьи и государственной семейной политики. На примере Республики Саха (Якутия) / А. А. Пахомов // Социологические исследования. 2005. № 12. С. 101–108.
- 7. *Семенков, В. Е.* Правовой аспект эволюции социальной политики Российской Федерации поддержки семей с детьми / В. Е. Семенков // Кредо new. Hayчно-теоретический журнал. http://credonew.ru/content/view/859/61/.
- 8. Указ Президента Республики Беларусь от 21.01.1998 N 46 «Об утверждении Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь». http://laws.newsby.org/documents/ukazp/pos05/ukaz05897.htm

УДК 316.473(476+470) ББК 60.56

Е. В. Мартищенкова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАЧЕСТВЕННОГО «НАПОЛНЕНИЯ» ПУБЛИКАЦИЙ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В БЕЛОРУССКИХ И РОССИЙСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ*

Институт социологии НАН Беларуси

E-mail: marti.74@mail.ru

Статья посвящена качественному сравнительному анализу публикаций в белорусских и российских печатных СМИ на тему Великой Отечественной войны, который позволил выявить, какую направленность имеет трансляция культурной памяти о Второй мировой войне в обоих государствах.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, публикации, статьи, качественный анализ публикаций, трансляция исторической памяти, общественное сознание.

E. V. Martyshchankava

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE QUALITATIVE PUBLICATIONS "FILLING' ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR IN BELARUSIAN AND RUSSIAN PRINT MEDIA

Institute of Sociology of the NAS of Belarus

The article is devoted to the qualitative comparative analysis of the publications in Belarusian and Russian printed media on the topic of the Great Patriotic War. It helped to reveal the direction of broadcast cultural memory of World War II in both countries.

Keywords: Great Patriotic War, publications, articles, qualitative analysis of publications, translation of historical memory, the public consciousness.

Тема Великой Отечественной войны для населения Беларуси и России по-прежнему актуальна и востребована. По сравнению с другими событиями прошлого, Великая Отечественная война ос-

[©] Мартищенкова Е. В., 2015

^{*} Материалы получены в рамках выполнения гранта БРФФИ на тему «Воспроизводство исторической памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси и России: сравнительный анализ» (№ Г14РЦ-033).

тавила более глубокий след в памяти наших народов, и на протяжении всего послевоенного периода можно проследить трансляцию ее событий посредством всех жанров массовой культуры (литература – как художественная, так и научная, кино, изобразительное, музыкальное и др. виды искусства), образовательных программ различного уровня – от средней школы до вуза, а также в СМИ.

СМИ являются мощным средством формирования общественного мнения по любой тематике, касающейся как жизнедеятельности государства в целом, так и отдельных его сфер, в том числе это касается и интерпретации событий Великой Отечественной войны.

В этой связи качественный анализ публикаций в белорусских и российских печатных СМИ представляется достаточно актуальным, так как позволит выявить, какую направленность имеет трансляция культурной памяти о Второй мировой войне в СМИ обоих государств. Ведь, как утверждал российский социолог А. Г. Здравомыслов, для каждого государства, участвовавшего в войне, существует собственный рассказ, который оказывается для стран-победителей средством воспроизводства национального самосознания; для стран, потерпевших поражение, – фактором, дезавуирующим роль национального начала [1, с. 485].

Проведя анализ нескольких белорусских («АиФ», «Беларусь сегодня», в том числе и газеты, которую можно назвать тематической в данном контексте, «Белорусская военная газета. Во славу Родины» и др.) и российских («АиФ Россия», «Ведомости», «Новые Известия», «Независимая газета», «Новая Газета» и др.) газет по теме Великой Отечественной войны, можем отметить, что подобных перегибов в подаче материалов о Великой Отечественной войне практически не наблюдается. Качественный анализ публикаций в данных газетах проводился за период с 1 марта 2014 года по 1 июня 2015 года. Можем отметить, что в преддверии 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне данная тема в вышеозначенных изданиях поднимается достаточно часто (минимум несколько статей в месяц), особенно в дни памятных дат (9 мая, 22 июня, 3 июля) – в этот период количество публикаций, посвященных данной теме, как в белорусских, так и в российских газетах, возрастает в несколько раз.

Однако не столько важно количество статей на тему Великой Отечественной войны, сколько их смысловая нагрузка. В белорусских газетах наиболее часто поднимались такие темы, как: ветераны войны — описание их подвигов и послевоенной жизни; женский вклад в борьбу с немецкофашистскими захватчиками; партизанское движение; штрафные батальоны и их роль в Победе; «дети войны»; истории жертв концлагерей, тюрем, гетто, шталагов; «Солдатский треугольник»; описание наиболее масштабных операций, оказавших существенное влияние на перелом в ходе войны (например «Багратион»); о работе специализированных поисковых отрядов и добровольцев-поисковиков, которые занимаются поисками без вести пропавших во время Великой Отечественной войны, а также ведут поисковые полевые работы (раскопки) на местах наиболее масштабных боев, тем самым помогая установить имена погибших.

Качественное «наполнение» публикаций в российских газетах практически такое же, как и в белорусских газетах, – достаточно широко освещались все темы, перечисленные выше. Однако мы остановимся на тематиках, которых не было в белорусских печатных СМИ.

В российских СМИ последнее время все больше появляется статей, где делается акцент на отношение европейских стран к событиям ВОВ и их трансляцию в своих СМИ. Это, скорее всего, связано с событиями в Украине, однако, на наш взгляд, значимость поднимаемых тем это нисколько не снижает. Ведь посредством данных публикаций восстанавливается историческая справедливость. В этом году все страны постсоветского пространства отмечают 70-летие Победы в Великой Отечественной войне. Это не такой уж большой срок в историческом измерении, а в некоторых странах Европы, да и не только Европы, молодое поколение проявляет полнейшее незнание о событиях этой страшной войны, в особенности, это касается вклада в победу над фашизмом каждой страны-участницы и ее человеческих потерь.

Так, в своей статье «Мертвые и забытые. Почему в Европе не знают число советских жертв войны?» Георгий Зотов представляет данные проведенного в четырех странах ЕС опроса обычных прохожих. Вот некоторые цитаты из его общения с представителями разных стран:

- «80 % граждан современной Германии понятия не имеют о потерях СССР во Второй мировой войне. Но, казалось бы, в странах, пострадавших от гитлеровской оккупации, дела должны обстоять лучше. Увы. Согласно данным социологов, 82 % французов не в курсе, что война погубила

жизни 18 миллионов мирных граждан СССР. Я опросил на улицах Парижа 20 человек от 19 до 60 лет, и точную цифру наших жертв не назвал никто» [2];

- «Ситуация в Польше другая за счет ее социалистического прошлого. Там из двадцати опрошенных мною три человека назвали цифру в 20 миллионов погибших советских граждан, мнения остальных разделились миллион, четыре, десять. Это те, кому за пятьдесят. Студенты понятия не имели о сути вопроса и не хотели на него отвечать» [2];
- «Больше всех в данном аспекте поразили Нидерланды. С 1940 по 1945 г. погибли 200 тысяч граждан королевства (из них 113 тысяч евреев), и для маленькой страны с небольшим населением это национальная трагедия: особенно голод в конце 1944 г. тогда умерли 18 000 человек. Однако когда я задал вопрос относительно числа умерщвленных немцами жителей СССР, то голландцы не назвали даже миллион (!). Из 20 опрошенных большинство сошлись на цифре 500 тысяч, а один человек (37 лет, довольно крупный бизнесмен), хорошо подумав, произнес: «100 тысяч» [2];
- «Среди 20 опрошенных британцев получился самый большой разброс мнений. На вопрос, сколько советских людей было убито немцами во Второй мировой войне, мне отвечали 1 миллион, 2 миллиона, 5,5, 6...максимальная цифра оказалась 7 миллионов. Услышав ответ, англичане хватались за голову: «О боже мой... слушайте, да не может быть!» За период с 1939 по 1945 г. погибли 380 тысяч граждан Великобритании, из них 40 тысяч во время бомбардировок «люфтваффе» городов Соединенного Королевства с сентября 1940 по май 1941 г. На просьбу рассказать о знаковых преступлениях нацистов против мирных жителей СССР 5 человек заметили: «Да, мы в курсе про Освенцим, там убивали евреев... ведь этот лагерь был в СССР, правильно?» [2].

В конце своей статьи автор, обобщая все проведенные интервью, отмечает, что во всех четырех странах Европы, пострадавших от нацизма, ни один человек не смог назвать точное число жертв СССР во Второй мировой войне. Однако он пишет и о том, что, если бы он провел такой же опрос в России, многие также не ответили бы насчет зверств нацистов в Европе. По мнению Георгия Зотова, частично мы сами – и россияне, и все остальное население постсоветского пространства – виноваты в сложившейся ситуации. По этому поводу он пишет: «...Евреи ни на минуту не прекращают информировать мир о трагедии своего народа. А мы забываем. И каков итог? Для Запада мертвые дети Саласпилса, сотни тысяч жертв блокады Ленинграда, сожженные женщины Корюковки, 2 млн. советских военнопленных, умерщвленных в лагерях, «душегубки» в Краснодаре – пустой звук. Пора что-то делать. Организовывать выставки, снимать фильмы, приглашать западную прессу. Может быть, тогда в Европе и США наконец поймут, какую боль мы испытываем до сих пор...» [2].

Еще одна злободневная проблема, которая поднимается в российских газетах, — это возрождение в некоторых странах нацистских веяний. Как говорится в некоторых статьях, Европа два десятилетия игнорирует марши ветеранов СС в Прибалтике, в настоящее время открыто и настойчиво поддерживает нацистов на Украине, постепенно вымарывает из памяти все, что связано с ролью Советского Союза в победе над фашизмом. Вот пример одной из таких статей:

- «Парад уродов. Почему одни эсэсовцы в Европе герои, а другие хуже собак?» – статья Георгия Зотова об отношении к бывшим палачам Гиммлера в странах Евросоюза. В таких странах, как Франция, Дания, Греция, Нидерланды, Бельгия, Голландия, Италия и даже Германия, отношение к нацистам крайне отрицательное - где-то они живут на отшибе и никто из местных жителей не хочет селиться рядом с ними; где-то за членство в дивизиях СС и сейчас можно поплатиться конфискацией имущества и даже лишением гражданства; а по закону Бельгии эсэсовцы до сих пор (!) могут быть арестованы и подвергнуты суду лишь за одну принадлежность к «Валлонии», срока давности тут нет. Как видим, в этих странах отношение людей к «полицаям» резко негативное. В тоже время в таких «европейских» странах, как Латвия, Эстония, а теперь еще и Украина, бывших легионеров СС чествуют как героев, ставят им памятники, празднуют годовщины дивизий СС и т. д. Очень показательны слова, написанные Г. Зотовым в заключении своей статьи, которые, на наш взгляд, показывают «лицо» современного Евросоюза: «Так почему же Европа преследует своих эсэсовцев и смотрит сквозь пальцы на марши «черных легионеров» в Латвии, памятники им в Эстонии и празднования годовщины дивизии СС «Галичина» на Украине? Отчего во Франции и Бельгии старые убийцы вздохнуть лишний раз боятся, а в некоторых бывших республиках СССР устраивают уличные шоу, пишут мемуары и гордятся «борьбой с большевизмом»? Ответ прост.

Своих предателей в Западной Европе презирают, ну а те «борцы», которые жгли деревни и расстреливали мирных жителей в «идеологически неправильном» СССР, их как бы совсем не касаются. Но, извините меня, это политическое свинство. Неважно, в какой стране дряхлые нацистские уроды выходят на парад под штандартами со свастикой. Тварь остается тварью вне зависимости от места рождения и уж точно вне зависимости от национальности» [3].

Подводя итог, можем отметить, что тема Великой Отечественной войны транслируется достаточно широко и часто на страницах как белорусских, так и российских газет. И поднимаемые тематики очень схожи, с тем лишь различием, что в белорусских газетах больше писали о белорусах и боях на территории Беларуси, а в российских — о российских. И все же, журналисты обеих стран в большинстве своем публикуют статьи, посвященные прославлению подвига советского народа в победе над немецко-фашистскими захватчиками, и выступают против возрождения нацистских настроений во всем мире. Может быть, в российской прессе присутствует немного больше описаний каких-либо ошибок или просчетов советских главнокомандующих; чаще обращается внимание читателей на то, что не все советские люди были героями во время войны; заметно влияние российско-украинского конфликта в публикациях о ВОВ и т. д. Но все это, в общем, не меняет самой сути трансляции исторической памяти о Великой Отечественной войне в России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. Здравомыслов, А. Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. Беседы в Германии : 22 экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты о России ее настоящем, прошлом и будущем контентанализ и комментарий / А. Г. Здравомыслов. М. : РОССПЭН, 2003. С. 485.
- 2. Зотов, Г. Мертвые и забытые. Почему в Европе не знают число советских жертв войны? / Г. Зотов // АиФ в России. 2015. 1 мая. Режим доступа: http://www.aif.ru/society/history/myortvye_i_zabytye_pochemu_v_evrope_ne_znayut chislo sovetskih zhertv voyny#comment list. Дата доступа: 12.05.2015.
- 3. Зотов, Г. Парад уродов. Почему одни эсэсовцы в Европе герои, а другие хуже собак? / Г. Зотов // АиФ в России. 2015. 8 апреля. Режим доступа: http://www.aif.ru/society/history/1484803#comment list. Дата доступа: 16.05.2015.

УДК 271.2 «18/19» (470.45) ББК 86.372.24 (2Рос – 4 Вог)

Е. П. Воробьев

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В ЦАРИЦЫНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет

E-mail: vorobyev@bk.ru

В статье рассмотрены события повседневной жизни религиозных общин в Царицыне, участие духовенства в поддержании нравственных устоев жителей города.

Ключевые слова: Царицын, конфессии, православие, духовенство.

E. P. Vorobyev

RELIGIOUS SITUATION IN THE TSARITSYN AT THE END OF THE XIX $^{\rm th}$ – BEGINNING OF THE XX $^{\rm th}$ CENTURIES

Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering

The article deals the events in everyday life of religious communities in Tsaritsyn, participation clergy in maintaining the moral principles of the city residents.

Keywords: Tsaritsyn, confessions, Orthodoxy, clergy.

Многонациональность и поликонфессиональность являлись важными особенностями населения Царицына. В 1880 г. в Царицыне числилось 20 545 православных жителя, 886 единоверцев, 500 мусульман, 478 раскольников, 435 католиков, 203 лютеранина и 351 иудей [10, с. 1283]. К 1898 г. постоянное население города выросло более чем вдвое, причем почти 90 % горожан исповедовали православие.

Храмы разных конфессий находились рядом, и представители религиозных течений мирно уживались друг с другом. К началу XX в. в Царицыне действовали 14 православных церквей, Успенский собор, армянский молитвенный дом, католический костел, синагога, лютеранская кирха и две мечети. В первой четверти нового столетия были построены хоральная синагога, Свято-Духов монастырь, Благовещенская и Алексеевская церкви, в 1918 г. завершен Александро-Невский собор. Религиозные службы и праздники, проповеди священников, благоустройство храмов вносили духовное содержание в повседневную жизнь провинциального города.

События религиозного характера вызывали особый интерес прихожан. Так, в 1887 г. для Успенского собора был заказан новый колокол в Саратове, который доставили на пароходе в Царицын, где у пристани собралась толпа народа. Подъем колокола на соборную колокольню вызвал стечение людей, которые активно помогали в работе [2, с. 2]. В другом случае доставленный на беляне из Ярославля колокол для Преображенской церкви встречали с иконами и хоругвями более 2 тыс. человек [4, с. 2].

Общественный резонанс вызвало освящение 10 октября 1893 г. евангелическо-лютеранской кирхи на Александровской улице. В торжествах принимали участие пасторы и простые верующие из селений Царицынского уезда, а также немалое число православных жителей города [3, с. 2].

Массовые скопления людей возникали при установлении крестов на храмах, открытии обновленных иконостасов и поклонении святыням. Так, при освящении 14 декабря 1886 г. главного престола церкви во имя Покрова Богородицы собралось так много прихожан, что в храме от недостатка воздуха гасли свечи [1, с. 3].

[©] Воробьев Е. П., 2015

Религиозные праздники и важные события в жизни конфессий сопровождались крестными ходами. В частности, 18 апреля 1904 г. закладка армянской церкви св. Георгия начиналась с литургии в молитвенном доме и продолжилась массовым шествием к месту сооружаемой церкви [12, с. 3].

Значительную роль в религиозных организациях играли церковные старосты, ктиторы, попечители, жертвовавшие немалые средства на развитие церкви. О взносах деньгами и стройматериалами, о ходе строительства храмов сообщали местные газеты. Пожертвования вносили не только богатые люди города, но и обычные труженики. Например, для сбора средств на строительство костела проводились специальные концерты и вечера с танцами и показом живых картин. Католический храм в Царицыне строился на пожертвования католиков не только Саратовской губернии, но и всей Российской империи [8, с. 184].

Повышенное внимание прихожан вызывали изменения в составе царицынского духовенства. Священникам, которые покидали город, обычно преподносили подарки – приветственный адрес, хлеб-соль, икону, наперсный крест. Принятие слишком дорогих подарков могли не разрешить иерархи религиозных общин.

Широкую известность получили католические священники Царицына, среди которых были высокообразованные люди. Так, в 1907 г. настоятелем костела являлся Б. Бутовт-Андржийкович, владевший восемью иностранными языками [16, с. 3].

Духовенство являлось частью культурного слоя провинции, наставником в мирской жизни прихожан. Поэтому смерть священников вызывала всеобщую скорбь. Во время отпевания отца И. Лебединского Покровская церковь не смогла вместить всех желающих проститься с ним [13, с. 3]. В таких случаях церемония сопровождалась особыми почестями. Прослужившего в священническом сане 47 лет настоятеля Свято-Троицкой церкви А. И. Соколова провожали в последний путь 21 священник и 6 дьяконов [12, с. 2].

Религиозные деятели награждались за беспорочную службу орденами и медалями. Священникам даровались также набедренники, скуфьи, камилавки и другие предметы облачения. Награды псаломщикам, дьяконам, настоятелям храмов обычно преподносились к знаменательным датам. Например, священник Преображенской церкви о. Порфирий Надеждинский был награжден орденом св. Анны 3-й степени в канун 50-летнего юбилея служения в священническом сане [5, с. 1].

В начале 1880-х гг. возникло Царицынское отделение Саратовского духовно-просветительского союза, а в 1885 г. было образовано Царицынское отделение братства Святого Креста. Священники, входящие в эти организации, участвовали в проведении воскресных народных чтений, в распространении религиозной литературы. Многие проповедники отличались хорошими ораторскими способностями, а соборный протоиерей А. Флегматов даже издал в 1894 г. сборник «Поучения на разные дни, речи и заметки».

В начале XX в. заметными событиями в Царицыне стали визиты епископа Гермогена. Он присутствовал при закладке Преображенской церкви и Александро-Невского собора, освятил Крестовоздвиженскую церковь, служил литургии в царицынских храмах, вручал церковные награды.

Интерес прихожан и гостей города вызывали церковные хоры. Для хора Преображенской церкви были приглашены баритон и тенор Новиковы, выпускник Санкт-Петербургской консерватории регент С. Д. Бубнов. Хор при Скорбященской церкви возглавлял соборный регент Никольский, окончивший курс Санкт-Петербургской придворной капеллы. Церковные хоры участвовали в религиозных службах, выступали во время значимых событий в городе и благотворительных акций [13, с. 3; 15, с. 2].

В начале XX в. царицынское духовенство разворачивает борьбу с пьянством. В 1909 г. было основано Общество трезвости, в котором состояло 1 500 чел. В чайной на Княгининской улице проходили собрания, чтения книг, выступления хора Вознесенской церкви под управлением П. М. Денежкина, позже демонстрировались кинофильмы. Летом члены общества совершали пешие прогулки и пароходные экскурсии [9, с. 22–23].

Большое влияние на религиозную ситуацию в Царицыне оказала Первая мировая война. 18 июля 1914 г. после объявления мобилизации в Царицыне состоялась монархо-патриотическая манифестация. Жители прошли по улицам города, исполняя гимн «Боже царя храни». Завершилась манифестация молебном перед Троицким собором о «ниспослании победы русскому оружию». Молебны состоялись также в синагоге, в армяно-григорианской и Крестовоздвиженской церквях, а также в людных местах города — у вокзала и на Успенской площади [6, с. 50].

Война не остановила религиозное развитие Царицына, продолжалось возведение культовых зданий, выполнялись необходимые религиозные службы [7, с. 52–54]. Напротив, испытания военных лет вызвали рост религиозности жителей края.

В период войны настоятелями царицынских приходов являлись священники А. Протоклитов, А. Шанский, Л. Благовидов, И. Горохов и другие. Они внесли большой вклад в поддержание морального духа жителей края.

В военное время произошло усиление правительственного контроля за потенциально опасными группами населения. Под особый надзор правоохранительных органов попали представители неофициальных религиозных течений: баптисты, адвентисты седьмого дня, лица иудейского вероисповедания.

В период войны члены неофициальных религиозных общин ни в чем предосудительном замечены не были. Доминирующая роль православной церкви предупреждала возможное недовольство и определяла стабильность религиозной ситуации. Межконфессиональный мир обеспечивался традицией и контролем властей над духовной сферой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. Волго-Донской листок. 1886. 17 декабря.
- 2. Волго-Донской листок. 1887. 30 сентября.
- 3. Волго-Донской листок. 1893. 13 октября.
- 4. Волго-Донской листок. 1894. 20 июля. 5. Волго-Донской листок. 1896. 19 июня.
- 6. Воробьев, Е. П. «Победа будет на нашей стороне, ибо армия опирается на тыл...». Царицын в годы испытаний Первой мировой войны (1914—1918 гг.) / Е. П. Воробьев // Военно-исторический журнал. – 2013. – № 4. – С. 50–53.
- 7. Воробьев, Е. П. Православная церковь в Царицыне в годы Первой мировой войны / Е. П. Воробьев // Государство, общество, церковь в истории России XX века : матер. междунар. науч. конф. Ч. 1. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2014. – С. 51–55.
- 8. Давыдова, М. Ю. Протестантская и католическая конфессии в Саратовской губернии во второй половине XIX начале XX вв. / М. Ю. Давыдова // Вестник архивиста. – 2015. – № 1. – С. 177–192.
- 9. Иванов, С. М. Православие на волгоградской земле: храмы Царицына Сталинграда Волгограда / С. М. Иванов, В. И. Супрун. – Волгоград : изд-во ВКИПК РО, 2003. – 240 с.
- 10. Минх, А. Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Южные уезды: Камышинский и Царицынский. Т. 1. Вып. 4 / А. Н. Минх. – Аткарск: Тип. Губ. земства, 1902. – С. 1093–1409.
 - 11. Царицынский вестник. 1898. 19 декабря.

 - 12. Царицынский вестник. 1902. 12 декабря. 13. Царицынский вестник. 1903. 21 февраля. 14. Царицынский вестник. 1904. 22 апреля.
 - 15. Царицынский вестник. 1904. 3 сентября.
 - 16. Царицынский вестник. 1907. 6 сентября.

УДК 94(470) «1989-2000» ББК 63.3/60.5

А. С. Халилова 1 , Г. Ф. Гебеков 2 , Ю. М. Лысенко 3

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДАГЕСТАНА В 1989-2000 ГОДАХ: ЭКСПЕРТНЫЕ МНЕНИЯ, ИНТЕРВЬЮ, ВЫСТУПЛЕНИЯ*

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН

E-mail: kadja.ol@mail.ru, gebekoff@mail.ru, ljuma78@mail.ru

В статье на основе изучения архивных источников, научных публикаций, периодической печати и данных Интернет, а также интервьюирования экспертов проанализировано социально-политическое развитие Дагестана в 1989-2000 гг. В ходе исследования выявлены наиболее острые проблемы этого периода: федерализация Дагестана, неудовлетворенность распределением должностей этническому признаку в структуре власти, криминализация национальных движений, ущемление прав этносов в республике и т. д. Также был проведен мониторинг результатов социологических опросов, отражающий состояние изучаемой проблематики в настоящий период.

Ключевые слова: национальные движения, исламский терроризм, социум, политика, Дагестан, межэтническое взаимодействие.

A. S. Khalilova, G. F. Gebekov, Y. M. Lysenko SOCIO-POLITICAL DEVELOPMENT OF DAGESTAN IN 1989-2000 YEARS:

EXPERT OPINIONS, INTERVIEWS, SPEECHES The Institute of History, Archeology and Ethnography

of the Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences

In this article during research of archival sources, scientific publications, periodical press and data the Internet, as well as interviewing the experts, analyzed the socio-political development of Dagestan in 1989-2000. During the investigation revealed the most acute problems of this period: federalization of the Dagestan, dissatisfaction with the distribution of posts by ethnicity lines in the structure of power, criminalization of national movements, infringements of the rights of ethnic groups in the Republic and so on. Has also monitoring of the results sociological surveys, reflecting the status of the investigated problems in the modern period.

Keywords: ethnic movements, Islamist terrorism, society, politics, Dagestan, the interethnic relations.

[©] Халилова А. С., Гебеков Г. Ф., Лысенко Ю. М., 2015-11-23

^{*} Исследование проведено при поддержке РГНФ по проекту № 15-21-12001.

Проблема социально-политического развития Дагестана в 1989–2000 гг. является актуальной темой для научного исследования. Актуальность состоит в том, что многие проблемы исследуемого исторического периода, дают знать о себе и в наше время. Особенно это касается проблематики социального обеспечения населения, влияния национального фактора на политические процессы, религиозно-политического экстремизма. Целью исследования является анализ социально-политического развития Дагестана в 1989–2000 гг. Изучая архивные материалы, данные СМИ, научные публикации, использовали аналитический и индуктивный методы исследования, а также методы логического синтеза данных, сравнительного анализа исторических явлений и ретроспективного обзора. Было проведено интервьюирование экспертов для выяснения их позиций относительно изучаемых проблем на современном этапе.

В новых геополитических условиях наиболее актуальной проблемой для Дагестана оказалась проблема роста националистических настроений в обществе. Остро стояли проблемы федерализации Дагестана по этническому признаку, неудовлетворенности межнациональным распределением в структуре власти, последствий переселения горцев на равнину, криминализации национальных движений, проблем разделенных государственными границами народов, ущемлений прав русских в республике, взаимодействий национальных движений с республиканской властью и т. д.

Многие политики призывали к федерализации Дагестана по этническому признаку. Так, активист кумыкского национального движения «Тенглик» Х. Арсланбеков писал, что «надо дать автономию всем народам страны, большим и малым, в том числе народам Дагестана. Лучше жить в отдельной квартире, чем в коммуналке. Только наличие отдельной квартиры (автономии) делает возможным защиту национальных интересов и ценностей» [4].

Активисты национальных движений много выступали по поводу неравномерного распределения власти по национальному признаку. К примеру, в газетной статье члена президиума Национального Совета лезгинского народа профессора Г. Абдурагимова основная мысль сводилась к тому, что народы Южного Дагестана очень плохо представлены во властной иерархии республики [2].

Перегибы экономической и национальной политики советского периода в новых условиях давали о себе знать. Переселение горцев на равнину несмотря на историческую неизбежность и естественность проходило в годы советской власти иногда искусственно, посредством использования административных ресурсов. В исследуемый период в равнинной части Дагестана имели место земельные конфликты между кумыками, с одной стороны, и даргинцами, аварцами – с другой.

Притеснения русских на Северном Кавказе, в том числе и в Дагестане, в начале 90-х гг. XX в привели к активизации деятельности общественных движений, защищающих интересы русского населения. М. М. Гусаев, отмечал, что «негативное влияние на и без того сложную ситуацию в регионе оказывает решение большого круга Терского казачьего войска, претендующего на роль вершителя судеб народов Дагестана. ... Стремление некоторых деятелей казачества присваивать себе полномочия властных структур могло привести к резкому нагнетанию напряженности в регионе и непредсказуемым последствиям. Об этом, в частности, свидетельствовал тот факт, что в одном из документов руководителей терского казачества, переданном в Правительство РФ, содержались требования о вычленении из состава Дагестана Кизлярского района, а в Северной Осетии – Моздокского района, казачьих станиц по Тереку в Чечне и Кабардино-Балкарии и определении государственно-правового статуса казачества как субъекта федерации» [11].

Многие лидеры национальных движений имели далеко не безупречную репутацию, воспринимались общественным мнением как криминальные авторитеты, преступники, а национальные движения – как организованные преступные группировки. Тем самым «возникала угроза, что всякий конфликт (хозяйственный или бытовой) могли перевести на межнациональную почву» [3. с. 17]. Председатель Верховного Совета ДАССР М. Магомедов подчеркивал, что «13 и 14 мая 1992 г. представителями народного фронта имени Шамиля в гг. Кизилюрте и Махачкале проведен ряд незаконных действий, серьезно осложнивших обстановку в республике» [12].

Остро стояла и проблема разделенного новыми государственными границами лезгинского народа. Многие лезгины, проживавшие в соседнем Азербайджане, из-за проблем социально-экономического и национально-политического характера переселялись в Дагестан. Г. Абдурагимов отмечал, что в Республике Азербайджан «...первичные организации «Садвал» разгромлены, активисты репрессированы. В тюрьмах томятся более 50 человек» [2].

Ближе к концу последнего десятилетия XX в. влияние национальных движений на общественно-политические процессы в республике заметно падало, что было следствием начавшегося усиления вертикали власти как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Несмотря на негативные составляющие деятельности национальных движений они все же привносили в политическую жизнь республики и положительные результаты. В интервью республиканской газете «Дагестанская правда» 28 августа 1997 г. руководитель Лакского народного движения заявил: «В Дагестане существует ряд проблем, которые оптимально разрешаются именно силами национальных движений. Официальная власть не принимает адекватных мер для решения проблемы переселения Новолака ...». Однако, как бы то ни было, «руководство Дагестана с самого начала возникновения национальных движений вело политику установления с ними диалога, привлекало их лидеров к разработке решений, имеющих важнейшее экономическое, политическое и социально-культурное значение» [10. с. 123].

Одним из ведущих специалистов Республики Дагестан, исследующих межнациональную проблематику, является М. М. Шахбанова. В своей статье, опубликованной в 1997 г., она писала, что «в периоды кризиса, социальной нестабильности повышается роль этнического статуса и представление о себе. ... И, анализируя содержание национального самосознания у представителей разных национальностей, можно установить дефицит самокритичности, что приводит к переоценке своих возможностей, к формированию националистических взглядов. ... То, что происходит в реальности, позволяет говорить об эмоциональной стороне проявления национального самосознания у личности, так как большей частью слышно об ущемлении прав народа, о том, что не дает возможности для развития культуры, языка поиск образа «врага», мешающего «нашему» развитию и т. д. А это тот фактор, который в конечном итоге может привести к этноцентризму, самоизоляции, отчужденности...» [13. с. 52]. В ходе интервью М. М. Шахбановой был задан вопрос: «Как Вы считаете, насколько сильно национальный фактор влияет на политические процессы, протекающие в Республике Дагестан, в сравнении с 90-ми гг. ХХ в.?». Если кратко представить ее ответ, то можно сделать следующий вывод: во-первых, влияние этнического фактора на политические процессы ослабло; во-вторых, несмотря на ослабление значимость этого фактора по-прежнему остается сильной; в-третьих, мониторинг результатов социологических опросов показывает ослабление национальной идентичности на фоне усиления религиозной идентичности.

В исследуемый период вследствие создавшихся политических условий происходили процессы возрождения религии. Однако это возрождение привело, в том числе, и к религиозно-политическому экстремизму. Получил распространение ваххабизм. Ваххабиты устанавливали в отдельных населенных пунктах свои порядки, не подчинялись ни республиканским, ни федеральным властям. Руководитель умеренного крыла Исламского Джамаата Ахмад-кади Ахтаев отметил в интервью газете «Знамя ислама» 3 июля 1997 г., что «(ваххабиты) это ярлык, который приклеили к нам невежественные люди. Мы обыкновенные мусульмане. Если быть уж совсем точным, то нас можно назвать салафитами».

Одна из причин радикализации ислама в Дагестане, конфликтов между различными течениями состоит в некомпетентности Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД). А. А. Мантаев, один из самых известных исследователей ваххабизма, пишет, что «оппоненты упрекают ДУМД в слабой религиозной подготовке. Характерно, что за все время своего существования ДУМД не издало ни одной фетвы» [7, с. 91–92].

Другая причина состоит в неспособности и нежелании общества вступать в нормальную дискуссию, в агрессивности представителей «официального ислама» и журналистов. Многие религиоведы считают, что «давление со стороны оппонентов заставляет фундаменталистов прибегать к вооруженному сопротивлению» [6, с. 130].

Были и другие причины, способствовавшие развитию исламского фундаментализма в Дагестане. В Послании Председателя Госсовета РД М. М. Магомедова в качестве причин перечислялись: военные действия на территории Чечни, а также «активная деятельность зарубежных исламских центров и иностранных спецслужб в регионе» [8, с. 31].

После военных столкновений с религиозными экстремистами (август—сентябрь 1999 г.) был принят республиканский закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» [5, с. 61], который нарушал закрепленный в Конституции РФ принцип свободы вероисповедания. Однако на тот период незаконные действия органов государ-

ственной власти оправдывались опасной ситуацией, угрожающей как светским устоям российской государственности, так и территориальной целостности РФ.

В настоящее время 3. М. Абдулагатов является одним из ведущих исследователей религиознополитических процессов в Дагестане. В ходе интервью ему был показан отрывок из его статьи, написанной по результатам планового исследования за 1998 г. и опубликованной в 2000 г. В ней, анализируя конфликт, связанный с Чеченской республикой, с одной стороны, Республикой Дагестан и федеральным центром – с другой, исследователь пришел к выводу, что религиозный фактор проявил себя в следующих формах: «а) конфликты, где главную роль играют максимально проявляющиеся претензии на исключительность той или иной формы вероисповедания; б) внутриконфессиональные конфликты между представителями одной ортодоксальной религии. Как известно, ислам насчитывает более 80 сект и направлений. В этой разношерстной религиозной среде всегда кроется опасность проявления нетерпимости к инакомыслящим. Например, как это имеет место между ваххабитами и представителями других религиозных толков в суннитском исламе; в) межэтнические конфликты между различными этническими группами, которые «оседлали» религиозную идеологию в националистических целях: для подчеркивания исключительности особенностей своей исторической роли, национально-культурных ценностей и т. д.; г) активное использование религии в конфликтах по поводу изменений в образе жизни, в том числе и за отмену многих гражданских обрядов; д) движения под религиозными лозунгами с целью изменения конституционного строя» [1, с. 7]. После этого 3. М. Абдулагатову был задан вопрос: «Насколько вышеперечисленные формы изменились по истечении полутора десятилетий применительно к тем религиозно-политическим процессам, которые протекают в настоящее время в Республике Дагестан?». Был получен следующий ответ: во-первых, уровень остроты межрелигиозных и внутриконфессиональных конфликтов остается. Правда, в настоящее время все большую роль играет инструментализм; во-вторых, конфликты, связанные с образом жизни, усиливаются, а движения с целью изменения конституционного строя уже не на первом месте; в-третьих, мониторинг результатов социологических опросов показывает: несмотря на то, что большинство дагестанцев по-прежнему за сохранение светских основ государственного устройства, процент людей, отдающих предпочтение ценностям исламской республики, увеличивается.

Один из ведущих современных дагестанских исследователей социально-экономической сферы М. А. Расулов в 1998 г. писал: «Резкая дифференциация общества по уровню доходов, обнищание основной массы населения стали характерной чертой реформ, проводимых в нашей стране. В этом плане особо острая ситуация создалась в нашей республике, где уровень оплаты труда в три раза ниже среднероссийского [9, с. 101]. В интервью М. А. Расулову был задан вопрос: «Каким образом разница в доходах на душу населения в целом по России и в Дагестане, в частности, влияет на политическое развитие Дагестана с середины 90-х гг. ХХ в. по настоящее время?». М. А. Расулов ответил: в том смысле, что недостаточная социальная защищенность населения способствовала и продолжает способствовать дестабилизации политической ситуации в регионе, росту религиозного экстремизма и межнациональной напряженности.

На основе изучения архивных источников, материалов СМИ, научных публикаций, интервьюирования экспертов проанализировано социально-политическое развитие Дагестана в 1989-2000 гг. В результате пришли к следующим выводам: 1. В исследуемый период остро стояли проблемы федерализации Дагестана по этническому признаку, неудовлетворенности межнациональным распределением в структуре власти, последствий переселения горцев на равнину, криминализации национальных движений, проблем разделенных государственными границами народов, ущемлений прав русских в республике, взаимодействий национальных движений с республиканской властью и т. д. 2. На современном этапе в сравнении с 90-ми гг. ХХ в. влияние этнического фактора на политические процессы ослабло. Несмотря на это ослабление значимость данного фактора по-прежнему остается сильной. Мониторинг результатов социологических опросов показывает ослабление национальной идентичности на фоне усиления религиозной идентичности. 3. Уровень остроты межрелигиозных и внутриконфессиональных конфликтов остается прежним, а конфликты, связанные с выбором образа жизни (светского или религиозного), нарастают. Мониторинг результатов социологических опросов показывает: несмотря на то, что большинство дагестанцев по-прежнему за сохранение светских основ государственного устройства, процент людей, отдающих предпочтение ценностям исламской республики, увеличивается. 4. Начиная с 90-х гг. XX в. по настоящее время недостаточная социальная защищенность населения способствовала и продолжает способствовать дестабилизации политической ситуации в Дагестане, росту религиозного экстремизма и межнациональной напряженности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. *Абдулагатов*, *3. М.* Религиозный фактор в структуре социальных конфликтов (по материалам республики Дагестан) / 3. М. Абдулагатов // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время: тез. всерос. науч.практ. конф., 30–31 мая 2000 года. Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2000. С. 7–8.
 - 2. Абдурагимов, Г. Нас вынуждают требовать автономию / Г. Абдурагимов // Молодежь Дагестана, 9 января 1998.
- 3. *Амиров, С. Д.* Особенности разрешения этноконфессиональных конфликтов в Дагестане / С. Д. Амиров // Многоэтничные сообщества в условиях трансформаций : опыт Дагестана : матер. междунар. науч. конф. М. : Парнас, 2005. С. 15–18.
 - 4. Арсланбеков, Х. А. Еще раз о национальной квартире / Х. А. Арсланбеков // Дагестанская правда. 30 марта 1992.
- 5. Булатов, Б. Б. Деятельность органов государственной власти Республики Дагестан в области межнациональных отношений (80–90-е гг. XX в.) / Б. Б. Булатов, Д. Ш. Рамазанова. Махачкала: Юпитер, 2000. 192 с.
- 6. *Малашенко, А. В.* Исламское возрождение в современной России / А. В. Малашенко. М. : Московский Центр Карнеги, 1998. 222 с.
- 7. *Мантаев*, А. А. «Ваххабизм» и политическая ситуация в Дагестане: дис. ... канд. полит. наук / Мантаев А. А. М., 2001. 229 с.
- 8. Послание Председателя Государственного совета Республики Дагестан Народному Собранию Республики Дагестан. Махачкала: Дагкнигоиздат,1999. 33 с.
- 9. Расулов, М. А. Семейно-бытовые проблемы безработных / М. А. Расулов // Дагестанский социологический сборник—1998. Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, 1998. С. 101–104.
- 10. *Умалатова, Т. Х.* Политические партии, общественные объединения, организации, движения и их роль в общественно-политической жизни Республики Дагестан в 90-х гг. XX начале XXI в. : дис. ... канд. ист. наук / Т. X. Умалатова. Махачкала, 2012. 197 с.
- 11. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД.) Ф. 168-р (Совет Министров ДАССР). Оп. 35с. Д. 21. Л.191.
 - 12. ЦГА РД. Ф. 352-р (Верховный Совет ДАССР). Оп. 34. Д. 927. Л. 423.
- 13. Шахбанова, М. М. К вопросу об этническом статусе / М. М. Шахбанова // Дагестанский социологический сборник—1997. Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН,1997. С. 51–53.

УДК 94(С161) ББК 63.3 (2РОФ-4РОС)5-4

М. В. Братолюбова, И. Г. Брызгалова

ЛИБЕРАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ДОНА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Южный федеральный университет

E-mail: m.bratolyubova2015@yandex.ru

Статья посвящена определению и анализу общественного фундамента донского либерального движения в конце XIX — начале XX вв. Показано, как специфика формирования социальной базы либерального движения в Области войска Донского напрямую связана с наличием в регионе крупного казачьего сообщества. Ключевые слова: либералы, Область войска Донского, социальный состав, конец XIX — начало XX вв.

M. V. Bratolyubova, I. G. Brizgalova

DON LIBERAL MOVEMENT IN THE LATE XIX - EARLY XX CENTURIES: SOCIAL AND CULTURAL FEATURES

Southern Federal University

The article is devoted to the identification and analysis of the public foundation of Don liberal movement in the late XIXth – early XXth centuries. The article shows that the specificity of formation of the social base of the liberal movement in the Don Cossack area is directly related with a large Cossack community in the region.

Keywords: Liberals, the Don Cossack area, social structure, the late XIXth – early XXth centuries.

В идеологии и политической практике либералов было четко выражено стремление подавать себя в качестве объединения, стоящего выше противоречивых и изменчивых классовых интересов. Вместе с тем вряд ли возможно одобрить полное игнорирование социальных корней отечествен-

[©] Братолюбова М. В., Брызгалова И. Г., 2015

ного либерализма. Социальная среда оказывала мощное воздействие не только на образ жизни представителей различных групп либералов, но также влияла на их сознание и, следовательно, на деятельность. В связи с этим несмотря на одну из главных трудностей «изучения проблемы либерализма, которая выступает как неопределенность его социальной базы» [1, с. 74], важной и приоритетной исследовательской задачей является именно определение и тщательный стратиграфический анализ общественного фундамента российского (в том числе, донского) либерального движения. Необходимо со всей возможной четкостью установить степень влияния как социальных факторов, так и базовых, неизменных постулатов либеральной идеологии на деятельность «друзей свободы» в исторически изменчивых условиях Российской империи XIX — начала XX вв. Выполнение указанной исследовательской задачи позволит более четко представить специфику отечественного либерализма.

Социальная база либерального движения в Российской империи в XIX – начале XX вв. не была однородной, а ее состав претерпел ряд изменений. Будучи первоначально дворянским по составу участников и сочувствующих, российский либерализм постепенно превратился в социально разнородное общественно-политическое движение, ведущую роль в котором играли представители интеллигенции. Формирование социальной базы либерального движения в Области войска Донского проходило в русле общероссийских тенденций, имея при этом, однако, собственную специфику либералов [2]. Социальные особенности либерализма в Области войска Донского связаны, на первый взгляд, с наличием в данном регионе крупного казачьего сообщества, из членов которого в значительной мере состояла местная корпорация либералов [3, с. 159]. Казаки рассматривались как служилое сословие Российской империи, что и позволяет говорить о «казачьей» социальной специфике донского либерализма. Но при ближайшем рассмотрении ситуация не выглядит столь однозначной. Ведь ни одно казачье войско в XIX – начале XX вв. не представляло собой монолитной социальной группы. В каждом войске, и Донском в том числе, существовали те же самые слои и группы, на которые делилось и российское общество в целом, а именно: дворянство, чиновничество, духовенство, земледельцы и т. д. В этой связи представляется целесообразным не концентрировать внимание на казаках как мифически-единой социальной или субэтнической общности, а установить тот удельный вес, который имели в корпорации донских либералов представители вышеперечисленных страт.

Некоторая часть донских дворян восприняла идеи Просвещения и постулаты либерализма. На Дону «прогрессистские» (то есть, в значительной мере, либеральные) взгляды «исповедовались в основном дворянами, получившими столичное образование и имевшими друзей или высоких покровителей при дворе» [4, с. 53]. Думается, можно даже утверждать, что на Дону либеральное крыло дворянского сословия сумело организоваться достаточно быстро (конечно, с учетом общего отставания донского либерального движения от общероссийского). На наш взгляд, это можно объяснить рядом факторов. Дело в том, что Область войска Донского в целом развивалась вне системы крепостного права, здесь не сложился устойчивый слой родовой аристократии и, следовательно, не было такого засилья консерватизма, который был присущ грандам и латифундистам центральных и западных губерний Российской империи. Причем ряд представителей донской дворянской корпорации был убежден в объективно обусловленной самоликвидации этого сословия: «дворянство уже отжило свое», «дворянство уже сыграло возложенную на него роль» [5].

Неким катализатором либерального мировоззрения среди донских дворян в дореформенный период выступали их сословные собрания, которые могли использоваться убежденными либералами как форумы для пропаганды своих взглядов и тем самым для вербовки новых сторонников. Безусловно, переоценивать роль дворянских собраний в становлении либерального движения на Дону было бы, по меньшей мере, наивно. Чаще всего участники таких собраний решали вопросы хозяйственного плана либо увлеченно предавались корпоративным увеселениям. Но в ряде случаев дворяне пытались обсуждать и общественно-политические темы. Подобные явления участились в связи с Великими реформами и особенно в пореформенный период, когда донской областной предводитель дворянства В. И. Денисов, а также и окружные дворянские предводители не только допускали на сословных собраниях обсуждение вопросов общегосударственного значения, но зачастую сами акцентировали внимание этих помещичых съездов на проблемах общественного (в том числе, либерального) движения. За свои оппозиционные взгляды В. И. Денисов приобрел у сотрудников военного министерства и главного управления казачьих войск (ГУКВ) устойчивую

репутацию «беспокойного элемента» [6], а окружных предводителей донского дворянства войсковая администрация без обиняков именовала «пропагандистами вредных идей» [7].

Немало донских дворян приняли участие в заметно активизировавшемся в конце XIX – начале XX вв. либеральном движении. После 17 октября 1905 г. часть общественно-активных помещиков Области войска Донского подключилась к развернувшемуся партийному строительству, восприняв Манифест Николая II как долгожданную отмену запрета на создание политических партий и участие в их деятельности. Как правило, наиболее решительные в своем стремлении к переменам помещики-либералы стремились создавать на Дону местные отделы близкой им по духу конституционно-демократической партии.

Не менее (а, пожалуй, даже более) активно дворяне-либералы Области войска Донского участвовали в организации региональных отделений центристских партий либерального толка, которые импонировали им более умеренными, чем у кадетов, программами. Неудивительно, что именно либерально настроенным дворянам Дона принадлежала ведущая роль в создании Донской прогрессивной партии в середине октября 1905 г., которую современники (а за ними и ученые-историки) справедливо считали партией «центра» [8]. После того, как летом – осенью 1906 г. учреждения Донской прогрессивной партии потерпели крах, дворяне-либералы предприняли попытки организации местного отдела Партии мирного обновления [9].

Необходимо подчеркнуть, что в рамках «благородного» сословия ОВД превалировал все же либерализм консервативного типа, дистанцировавшийся от «леваков» и противостоявший «правоконсервативному движению, смыкавшемуся идейно и организационно с прямой реакцией» [10, с. 341].

На Дону, как и в России в целом, в состав либерального движения входили не только дворяне, но и представители различных слоев и групп городского населения, преимущественно интеллигенции, промышленников, предпринимателей. О том, что в донском сообществе либералов горожане превалировали над сельскими жителями (будь то крестьяне, казаки или проживавшие в своих имениях помещики), со всей очевидностью свидетельствуют данные о численности региональных отделений такой «стопроцентно» либеральной партии, как партия конституционалистов-демократов.

Весьма активную роль в либеральном движении в Области войска Донского в конце XIX – начале XX вв. играли представители местных торгово-промышленных слоев: купцы, заводчики, фабриканты, владельцы рудников и шахт и др. Активными деятелями кадетской партии в Области войска Донского являлись крупный предприниматель, владелец рудников и заводов Н. Е. Парамонов, директор Ростовского-на-Дону отделения Азово-Донского банка И. Г. Коган и т. д. В частности, именно И. Г. Коган первоначально являлся председателем отдела партии конституционалистов-демократов в Ростове и Нахичевани-на-Дону.

Интеллигенция сыграла важную роль в либеральном движении, в том числе и на Дону. К исходу XIX столетия общественно-политическая активность интеллигенции Юга России достигла таких высот, что перед ней померкло демонстративное свободомыслие дворянства. Учитывая данное обстоятельство, исследователи полагают правомерными утверждения о том, что к началу XX в. либеральное движение в Области войска Донского было представлено в основном интеллигенцией. Причем либералами становились, как правило, выходцы из рядов интеллигенции творческой, «служилой» или же ориентированной на деятельность в сфере социальных отношений: учителя, профессура, служащие госучреждений, адвокаты, врачи, и т. п. [11, с. 34].

Важно отметить и степень представленности в либеральном движении на Дону «сынов трудового народа», то есть рабочих и земледельцев (принимая во внимание сословную специфику ОВД, последние подразделялись на казаков и крестьян). Нельзя сказать, что программные установки либеральных организаций и партий полностью игнорировали интересы и нужды простого народа, которые в концентрированном виде выражались в «рабочем» и «крестьянском» вопросах. Данное обстоятельство создавало основу для вовлечения в либеральное движение «простых» людей. Однако приходится сразу же констатировать печальный, но очевидный факт: либеральное движение никак не могло похвастаться наличием в его рамках значительного количества представителей простонародья, что крайне негативно сказывалось не только на эффективности и успешности деятельности либералов, но и на конечных результатах демократических преобразований в нашей стране.

Либеральное движение в Российской империи XIX – начала XX вв. было разнородным по своему социальному составу и включало в себя выходцев из дворянского сословия, представителей

различных категорий интеллигенции, купцов, промышленников и предпринимателей, крестьян, рабочих. Если в рамках земского этапа либерального движения, продолжавшегося с 1860-х до 1890-х гг., основу его участников составляли дворяне, то с конца XIX столетия ведущую роль начинают играть представители интеллигенции. Именно с приходом интеллигентов российский либерализм меняется качественно, хотя среди его приверженцев по-прежнему оставалось немало помещиков, а также появилась заметная по численности и общественному весу группа представителей буржуазии.

Реанимированные в постсоветский период заявления идеологов отечественного либерализма о его внеклассовом характере и интеллектуальной сущности представляются нам в значительной мере справедливыми. Анализ социальной базы либерального движения свидетельствует, что его участники не стремились к первоочередной защите узкоклассовых интересов тех страт общества, выходцами из которых они являлись (такого в массовом порядке не наблюдалось даже среди земцев-либералов, являвшихся в подавляющем большинстве дворянами).

Вместе с тем очевиден дефицит крестьян и рабочих среди либералов, порожденный крайне слабым вниманием «друзей свободы» к нуждам простого народа. Если российских либералов нельзя обвинить в защите классовых интересов дворянства и буржуазии, то очевидна такая исторически-оправданная претензия к ним, как отсутствие желания защищать и предпочтения широких слоев трудящегося населения. Узость социальной базы отечественного либерализма стала одной из важнейших причин его трагической судьбы. Как справедливо заметил И. К. Пантин, «либеральное направление в России так и не смогло сформироваться в народное движение» [12, с. 79]. Не имея поддержки у народа, либерализм был обречен на исчезновение с российской политической спены.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. *Медушевский, А. Н.* Политическая философия российского либерализма в сравнительной перспективе / А. Н. Медушевский // Русский либерализм: исторические судьбы перспективы: матер. междунар. науч. конф. М., 1999. С. 74–83.
- 2. *Братолюбова, М. В.* Донские либералы: фрагменты исторического бытия / М. В. Братолюбова. Ростов-на-Дону : Ростиздат. 2010. 230 с.
- 3. *Панкова-Козочкина, Т. В.* Конституирование партии кадетов на Дону / Т. В. Панкова-Козочкина // Власть. 2009. № 12. С. 158–160.
- 4. *Волвенко, А. А.* Земская реформа в Области войска Донского (1864–1882 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / Волвенко А. А. СПб., 1998. 234 с.
 - 5. Приазовский край. 1905. 4 января; 5 января; 10 января.
 - 6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Ф. 330, Оп. 52. Д. 2107. Л. 15.
 - 7. Государственный архив Российской федерации (ГА РФ). Ф. 434. Оп. 1. Д. 121. Лл. 2 2об.
 - 8. Приазовский край. 1905. 2 ноября
 - 9. Донская жизнь. 1906. 7 ноября; Приазовский край 1906. 15 ноября.
- 10. *Корелин, А. П.* Объединенное дворянство (1906–1917 гг.) / А. П. Корелин // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб., 1999. 574 с.
- 11. *Забелин, В. М.* Деятельность российских политических партий среди крестьян Ставрополья и Кубани в 1905—1907 гг. / В. М. Забелин. СПб. : Нестор, 1998. 45 с.
- 12. *Пантин, И. К.* Драма противостояния. Демократия и либерализм в старой и новой России / И. К. Пантин // Полис. -1994. -№ 3. C. 79.

ИЗВЕСТИЯ ВОЛГГТУ 95

УДК 94(470.44/47)+338.48-44(1-88) ББК 63.3(2Poc-13)+65.433

И. Н. Наумов¹, Д. Ю. Шарапов², З. М. Раскалиева²

ОСВОЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (ОТ ЭПОХИ ИВАНА IV ДО ПЕТРА I) И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ТУРИЗМА

¹Волгоградский государственный технический университет ²Волгоградский государственный аграрный университет

E-mail: Naumov1510@yandex.ru

Статья посвящена истории присоединения, освоения и начала научно-географического изучения нижневолжских земель России во второй половине XVI — первой четверти XVIII вв. Обращается внимание на возможности использования сохранившихся памятников историко-культурного наследия (объектов Царицынской сторожевой линии и др.) для развития регионального культурно-познавательного и патриотического туризма.

Ключевые слова: присоединение, освоение и научное изучение Нижнего Поволжья, географические описания путешественников, региональный туризм.

I. N. Naumov¹, D. Yu. Sharapov², Z. M. Raskalieva²

THE DEVELOPMENT AND STUDY OF THE LOWER VOLGA REGION (FROM THE EPOCH OF IVAN IV TO PETER I) AND ITS IMPORTANCE FOR THE DEVELOPMENT OF REGIONAL TOURISM

¹Volgograd State Technical University ²Volgograd State Agrarian University

The article is devoted to the history of the accession, exploration and early scientific and geographical study of the lower Volga lands of Russia in the second half of XVI – first quarter of the XVIII century Draws attention to the possibilities of using preserved monuments of historical and cultural heritage (objects Tsaritsyn guard line, etc.) for development of a regional cultural, educational and Patriotic tourism.

Keywords: accession, development and scientific study of the Lower Volga region, geographical descriptions of travelers, regional tourism.

История становления Российского государства неразрывно связана с проведением географических исследований и путешествий, развитием торговых отношений между народами, а также военными походами, вызванными необходимостью защиты от вражеских вторжений. Так, в 1547 г. Иван IV принял титул царя и был полон решимости осуществления планов по укреплению своего государства. Первым шагом на этом пути стало подчинение Казанского ханства, граничившего с русскими землями и державшего под своим контролем волжскую торговлю.

Присоединением Казани осенью 1552 г. была предрешена и судьба Астраханского ханства. В начале 1550-х гг. оно находилось под влиянием крымского хана. Для окончательного присоединения Астраханских земель при Иване IV было совершено два похода [12].

Походом 1554 г. командовал воевода князь Юрий Пронский-Шемякин. В сражении у Черного острова русское войско разбило головной вражеский отряд, и Астрахань была взята без боя. К власти был приведен хан Дервиш-Али, обещавший поддержку действиям Ивана IV и признававший вассальную зависимость от Москвы. Однако кабальные условия договора 1554 г. привели к тому, что население саботировало сбор дани. Хан Дервиш-Али вступил в сговор с крымскими татарами, которые по его просьбе прислали в Астрахань пушки, пищали, порох, а также войско в 1000 человек, составившее его личную охрану. В 1555 г. князь Ногайской Орды Исмаил был вынужден начать борьбу с родственниками, желавшим вернуть себе власть в ханстве. В эту борьбу включился и Дервиш-Али. В результате удачных дипломатических и военных действий ему удалось обратить в бегство Исмаила. После этого Дервиш-Али принуждает царского наместника покинуть Астрахань, что означало разрыв вассальных отношений с Москвой.

Тогда летом 1556 г. русские войска выдвигаются к Астрахани, которую снова взяли без штурма. Астраханское ханство прекращает существование, и с августа 1556 г. открывается новая страница истории Астрахани как важного торгового и пограничного пункта Российского государства.

[©] Наумов И. Н., Шарапов Д. Ю., Раскалиева З. М., 2015

Но Османская империя и вассальный ей Крым еще не теряли надежды вернуть Астрахань, а вместе с ней остановить продвижение русских на юг и берега Каспия. Русские власти принимают решение перенести новую крепость ниже на 12 км, в левобережье Волги, на «Заячий бугор». Воеводы считали, что здесь будет легче обороняться от беспокойных соседей.

К. Васильев, составитель местной летописи, использовавший дела Соборного и Консисторского архивов, писал, что поводом для строительства новой крепости на левом берегу Волги стал бунт татар, а также опасение отторжения Астрахани Турцией. Первый астраханский воевода Иван Черемисинов просит разрешения на выбранном месте начать строительство города-крепости и посылает царю чертеж «как городу быть» (цит. по: [5, с. 35]). Проект был одобрен, и из центра потянулись суда и обозы с людьми, продовольствием, боеприпасами, различными товарами. Первая крепость (1558 г. считается годом основания г. Астрахань) была деревянной и укреплялась земляными валами. Фактически крепость была выстроена на острове, который с северо-запада омывался Волгой, на северо-востоке – рекой Кутум, а на юге – заболоченным протоком.

Сохранилось описание этой крепости, сделанное английским путешественником Энтони Дженкинсоном, побывавшим в Астрахани в ходе своих путешествий 1558/59 и 1562/63 гг.: «Город Астрахань расположен на острове, на высоком берегу, внутри города кремль, обнесенный деревянною и земляною стеной, и некрасивою, и непрочною. Строения и дома в городе (за исключением помещений главных начальников и некоторых дворян) очень низки и просты. Остров очень неплодороден, без лесу и пастбищ, земля не родит хлеба. Воздух в высшей степени заражен, я думаю, массой рыбы, преимущественно осетров, которой только и живут обитатели; в мясе и хлебе здесь большой недостаток. Жители развешивают для сушки рыбу на улицах и в домах, чтобы запастись ею, отчего здесь, к их же мучению, такая масса мух, какой я никогда нигде не видал. Царь охраняет Астрахань очень строго: ежегодно посылает сюда людей, припасы и дерево для постройки кремля. Ведется здесь торговля, но в таких малых ... размерах, что не стоит упоминать; всетаки, впрочем, сюда съезжаются купцы из разных местностей» [1, с. 251].

С 50-х гг. XVI в. движение по Волге и Каспию как иностранных, так и русских судов увеличивается, о чем свидетельствуют привилегии англичан на торговлю в России и проезд в Персию. Из Нижнего Поволжья в Москву и другие города шли суда с солью, фруктами, арбузами, рыбой и икрой.

В 60-х гг. XVI в. русский посол в Крыму Афанасий Нагой неоднократно докладывает русскому государю о готовящемся плане захвата Астрахани. Великий визирь султана Селима II — Мехмед Соколлу вынашивал планы не только захвата Астрахани, но и рассчитывал построить канал между Волгой и Доном, чтобы соединить уже ставшее турецким Черное море с Каспийским. В 1569 г. Селим II направил свои войска к Астрахани. Двадцатитысячное войско янычар начало блокаду города и работы по строительству канала [2, с. 67]. Это была первая попытка прорыть судоходный канал между Иловлей — притоком Дона и Камышинкой — притоком Волги. Канал был необходим туркам для переброски тяжелых орудий к Астрахани, но построить его не удалось, начались болезни и голод. Астраханский гарнизон, героически оборонявшийся против превосходящих сил противника в еще деревянной крепости, смог отразить осаду турок. Тогда Селим II прекратил работы по строительству канала, а часть войска была переброшена к Азову. Так безуспешно закончилась первая попытка связать Волгу с Доном (сохранились его следы — ров, глубиной до 3 м и шириной примерно 13 м).

По приказу Ивана Грозного при его сыне Федоре в 1582—1589 гг. в новой Астрахани построили русский каменный Кремль. По всей Волге строились новые русские города. Так, в 1589 г., по указу царя Федора Ивановича воеводе — князю Григорию Засекину, там, где Волга наиболее близко подходит к Дону, на месте древней Переволоки, на острове, против устья р. Царицы (где еще по указу Ивана IV 1555 г. стали устраивать ежегодный караул стрельцов) была построена деревянная Царицынская сторожевая крепость. Это отметил в 1579 г. англичанин Х. Бэрро: «...на острове, названном Царицыном, русский царь держит в летнее время отряд из 50 стрельцов для охраны [водной] дороги» (цит. по: [8, с. 428]). В 1590 г. была также построена Саратовская крепость. Эти форпосты охраны южных границ России стали основой будущих крупных русских городов Нижневолжского региона.

В последующие десятилетия, особенно в период смутного времени эти небольшие крепости неоднократно подвергались набегам и осадам. Так, в конце зимы 1607/1608 гг. Царицынская крепость, стоявшая на острове, была сожжена, и вновь ее отстроили стрельцы воеводы Мисюра Соловцова в 1615 г. уже на правом, высоком берегу Волги.

ИЗВЕСТИЯ ВОЛГГТУ 97

К 1623 г. относится сообщение московского купца Котова, проплывавшего караваном в Персию: «А на Царицыне город стоит на горной стороне, невелик стоячий тын, башни рубленные, круглые... А по нижнюю сторону города речка невелика течет... А около Царицына города кругом степь, а город стоит над Волгой, дворы ... и храмы – все в городе». По сведениям Адама Олеария – секретаря голштинского посольства в 1636 г., город *Царицын* «...построен в форме параллелограммы, с шестью больверками с башнями и заселен одними стрельцами, которых живет в нем до 400 человек. Стрельцы эти обязаны держать стражу против татар и казаков и служить охраной для проходящих мимо судов» (цит. по: [7, с. 199–200]).

После астраханских походов Ивана IV и череды последующих военно-дипломатических событий, главным из которых стал отказ Османской империи от претензий на Астрахань, внимание служилых дьяков и бояр соответствующих московских приказов стало все чаще обращаться к обширным районам Нижнего Поволжья, соляным озерам Северного Прикаспия. Астрахань и прилегающие территории в XVI–XVII вв. привлекают внимание иностранных путешественников, которые отводят им значительное место в своих записках о Московском государстве.

Характеризуя географические особенности Астраханского края, иностранные путешественники XVI–XVII вв. прежде всего отмечали отсутствие там пашенного земледелия и снабжения населения привозным хлебом: «Отсюда до Астрахани и вплоть до Каспийского моря идет страна пустынная, песчаная и для земледелия непригодная, поэтому города в этой местности, ровно, как и сама Астрахань, получают весь хлеб по Волге, из мест плодородных, большею частью из Казани» [1, с. 255].

На левом берегу Волги простирались обширные луга, позволяющие разводить лошадей и скот. В пойме Волги хорошо росли бахчевые и садовые культуры, виноград. Как отмечал в 1636 г. известный немецкий путешественник Адам Олеарий, «что касается до садовых плодов, то они здесь также хороши, что и в Персии мы не находим почти лучших. А именно: яблоки, айва, грецкие орехи, большие желтые дыни, а также водянистые дыни, которые русские называют арбузами. Таких арбузов и дынь татары еженедельно привозят на базар в Астрахань по 10 и 20 возов и продают их весьма дешево...» [6, с. 25]. Другой путешественник – англичанин Ян Стрейс писал: «Климат здесь умеренный, а почва ... плодородная, она производит: лимоны, яблоки, груши, вишни и другие вкусные плоды...». По указу царя в Поволжье начинается посев «сарацинского пшена» – т. е. риса. Первые виноградные лозы были завезены в Астраханский край в начале XVII в. персидскими купцами. Они прижились, и уже в 1613 г. по инициативе казны был заложен первый большой виноградный сад, площадь которого год от года увеличивалась: «Недавно здесь не было ни одного виноградного растения. Персидские купцы привезли ... первые виноградные лозы в Астрахань, которые один монах и посадил ... у себя в монастыре, находящемся под городом. Когда же увидали, что лозы принялись расти хорошо, то в 1613 г., по приказанию Великого Князя, тем же монахом, и разведен был настоящий виноградный сад, который год от года расширяется и приносит превосходный крупный и сладкий виноград...» [1, с. 42].

Особенно современники подчеркивали обилие в крае рыбы: «Волга в этом месте и до Каспийского моря, лежащего от Астрахани в 12 милях, доставляет ... богатый лов всякого рода рыбы, которая здесь весьма дешева, так что за один грош можно купить 12 больших карпов, 200 стерлядей или небольших осетров — за 15 грошей. Водится здесь и бездна раков...». По правому берегу Волги простиралась степь, где добывалась соль: «Пустыня эта дает превосходную соль, добываемую из множества ям, колодцев или стоячих озер ...» [1, с. 256].

Развитию края способствовала сама река Волга, бывшая важнейшей магистралью, по которой шло движение товаров, производившихся и добывавшихся в разных частях России и ввозившихся из стран Востока.

Воеводам нижневолжских сторожевых крепостей, прежде всего Царицына и Саратова, особыми указами предписывалось собирать сведения об окрестных территориях и населявших их народах [4, с. 78].

В конце XVI – начале XVII столетия появляется и один из первых русских сборников энциклопедических карт – «Большой Чертеж» (первоначальная редакция 1556 г.). Значительное место в нем было отведено и новоприсоединенным Нижневолжским землям. К единой крупномасштабной карте Русского государства была подготовлена пояснительная «Книга Большому Чертежу» (общепринятое сокращение КБЧ). «Большой Чертеж» стал основой для многих западноевропей-

ских карт России. Это подробное описание карты всей территории России и соседних государств XVI–XVII вв., составленного по указанию царя всея Руси – Иоанна Васильевича после 1552 г. (по мнению В. Н. Татищева) и перерисованного вследствие полного износа около 1600 г. КБЧ – наиболее полный свод географических и этнографических сведений о России. Достоверно известная (возможно, третья) редакция составлена в 1627 г. в Разрядном Приказе [5, с. 17].

Книга Большому Чертежу в редакции 1627 г. содержит данные двух официальных источников: так называемого «старого чертежа», составленного при «прежних государевах» и «нового чертежа». По своему замыслу книга, являвшаяся подробной дорожной картой (указаны сотни рек, городов и др.), служила в XVII веке целям управления и была практическим руководством для «государевой службы посылок». Поэтому описание велось в основном по дорогам и рекам, служившим в то время зимним путями.

Имея в виду все возрастающий объем «персидской торговли» и необходимость ее защиты от набегов воинственных тюркских кочевников и казаков, правительство Алексея Михайловича решает построить на Волге первый русский парусный фрегат — «государев военный корабль — «Орел» (спущен на воду в мае 1668 г.), явившийся, образно говоря, «прадедушкой» русского военного флота. К сожалению, в 1670 г. он был захвачен и приведен в негодность восставшими казаками С. Разина.

В 1668 г. для охраны волжского торгового пути и борьбы с «воровскими» казаками и крестьянами на полпути от Царицына до Саратова была основана первая крепость на реке Камышинке («Камышенке»), которая уже в 1670 г. была сожжена во время разинского восстания.

Постепенное освоение и изучение Нижневолжских земель после лихолетья смутного времени начала XVII в. к концу столетия получило новый импульс в связи с организацией молодым Петром I Азовских походов 1695 и 1596 гг., проходивших через Волго-Донские территории.

Еще в 1694 г. царь посылает князя Б. А. Куракина для определения места и выяснения возможности строительства канала от Дона до Волги и укрепленной сторожевой линии на Переволоке.

После взятия Азова в 1696 г. по приказу Петра I английским инженером Иоганном Бреккелем был составлен проект «Новая и правдивая карта о Перекопе, чтоб из Дону, или Танаиса, кораблями Иловлею рекою до Камышенки и Камышенкою рекою в Волгу, или Астраханскую реку, в Каспийское море ходить». Уже в 1697 г. началось строительство канала между притоком Волги Камышинкой и притоком Дона Иловлей. В 1699 г. эти работы возглавил другой английский инженер Джон Перри. Но через год в связи с начавшейся в 1700 г. Северной войной со Швецией прокладка наполовину прокопанного канала была прекращена. Сегодня можно увидеть оплывшие вал, ров 10-метровый глубины шириной до 9 м и реданы (укрепления в форме выступа) в 0,5 км южнее от следов канала султана Селима II.

В 1698 г. по именному указу царя для защиты от набегов крымских татар и разбойничьих шаек был основан еще один нижневолжский город-крепость к западу от Саратова – Петровск, а в 1699 г. была вновь возведена Дмитриевская (Камышинская) крепость. Укреплялись и реконструировались крепости ранее основанных и, как отмечал в 1703 г. голландский путешественник Корнелий де Бруин, разросшихся форштадтом (предместьем), городов (Царицына [10, с. 75] и др.) и городкикрепости (острожки), заселенные стрельцами и казаками.

Летом 1717 г. в южнорусские земли Волго-Донского междуречья прорвалась кочевая орда крымских и ногайских татар, кубанских черкесов, адыгов и мятежных казаков-некрасовцев общим числом до 10000 сабель. Ими были выжжены территории до Пензы и угнаны 12 тыс. пленных и 163 тыс. голов скота. По указу царя от 15 ноября того же года в 1718—1722 гг. в Волго-Донском междуречье для защиты восточных рубежей России от набегов кочевников и воровских казаков была построена 60-километровая укрепленная сторожевая линия от Царицына до станицы Качалинской. Помимо Царицынской цитадели на Волге она включала еще четыре земляные крепости (фортеции) — Мечетную, Грачевскую, Осокорскую «крепостцу», Донскую бастионную цитадель и 23 форпоста (редута). Укрепления протянулись до Паншина городка на Дону. Сопровождавший Петра I в Каспийском походе в Персию (1722—1723 гг.) шотландец Джон Белль описывал увиденные им здесь в 1722 г. сооружения: «Линия сия состояла во рве около 30 футов [до 9 м] шириною, с тыном [бревенчатым частоколом], деревянными башнями..., в которых завсегда находилося по нескольку войск» (цит. по [11, с. 201]).

В 1722–1724 гг. несколько тысяч донских казаков были переселены в низовья Волги, где сначала было образовано Астраханское казачье войско, получившее в 1725 г. от царя знамя, а впо-

следствии (с 30-х гг. XVIII в.) — Волжское («Волгское») казачье войско для несения караульной службы на Царицынской сторожевой линии. В Иловлинском районе Волгоградской области на 40-м км федеральной трассы М-6 «Каспий» сохранился фрагмент Царицынской сторожевой линии. Сейчас там установлена мемориальная доска с надписью «...Крупнейшее оборонительное сооружение XVIII в. в Европе...».

Так было обеспечено стабильное хозяйственное освоение региона, его интенсивное заселение крестьянами и казаками, развитие здесь торговли, ремесел, рыбного и солевого промыслов. Началось его активное научно-географическое изучение, были обеспечены условия для социокультурного развития Нижнего Поволжья в составе Российского государства.

Регион как «носитель культурных традиций, место исторических событий...» является центром патриотического воспитания [3, с. 5], а приобщение к истории родного края является базовой основой для учебно-воспитательной работы в вузах и других учебных заведениях [9]. Зримые же следы прошлого Нижневолжского региона, уходящие в XVI—XVIII вв. (вал, ров укрепленной сторожевой линии и др.), сегодня являются популярными объектами регионального культурнопознавательного и патриотического туризма. Например, в качестве одного из интересных экскурсионных объектов, демонстрирующих историческое «формирование у граждан Российской Федерации высокого патриотического сознания, верности Отечеству» [10, с. 39], используется фрагмент Царицынской сторожевой линии на 40-м км от Волгограда федеральной трассы М—6. Для организации туристских путешествий как объекты показа используются также остатки «Селимовского», «Петровского» каналов в Камышинском районе и многие другие объекты историко-культурного наследия Нижневолжского региона. Приведенные данные могут быть использованы в практической работе экскурсоводов, работающих в Волгоградской и Астраханской областях, при организации круизов по Волге, экскурсий в Камышин, по Иловлинскому и Ольховскому районам, а также проведении двухдневного тура в Астрахань.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке ; пер. с англ. Ю. В. Готье. М. : Соцэкгиз, 1937. 308 с.
- 2. Бернштейн-Коган, С. В. Волго-Дон: историко-географический очерк / С. В. Бернштейн-Коган. М. : Изд-во АН СССР, 1954.-224 с.
- 3. Вырщиков, А. Н. Теоретические основания инновационного развития патриотического воспитания в регионе / А. Н. Вырщиков, М. Б. Кусмарцев // Известия ВГПУ: межвуз. сб. науч. ст. № 3 (98) / ВолгГТУ. Волгоград, 2015. С. 4—10
 - 4. Градостроительство Московского государства XVI–XVII веков. М. : Стройиздат, 1994. 318 с.
- 5. *Моников*, *С. Н.* Во имя российской науки. Очерки по истории географических исследований Волгоградской области. Ч. 1 (С древнейших времен до конца XVIII века) / С. Н. Моников. М.: Планета, 2011. 160 с.
- 6. *Опеарий, Адам*. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Адам Олеарий. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1906. 582 с.
- 7. *Мамонтов, В. И.* Далекое прошлое Волго-Донских степей: научно-популярная версия истории края от эпохи камня до раннего Царицына / В. И. Мамонтов. Волгоград: Принт, 2010. 208 с.
- 8. Минх, А. Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии: Южные уезды Царицынский и Камышинский. Современная версия / А. Н. Минх. Волгоград: Изд-во Волгоградской академии гос. службы, 2010. 568 с.
- 9. *Наумов, И. Н.* Об использовании краеведческих материалов Нижневолжского края в преподавании истории / И. Н. Наумов // Известия ВолгГТУ: межвуз. сб. науч. ст. № 2 (129) / ВолгГТУ. Волгоград, 2014. (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания»; вып. 15). С. .91–95.
- 10. *Перцева*, *Ю. И*. Современное состояние и пути развития культурной политики Волгоградской и Астраханской областей / Ю. И. Перцева , И. Н. Наумов , И. Г. Селезнева // Известия ВГПУ. Волгоград, 2010. № 3 (47). С. 38–42.
- 11. Скрипкин, А. С. История Волгоградской земли от древнейших времен до современности / А. С. Скрипкин, А. В. Луночкин, И. И. Курилла. 2-е изд. М.: Планета, 2013. 224 с.
- 12. *Шарапов*, Д. Ю. Астраханский поход Ивана Грозного и его последствия для экономико-географического изучения Нижнего Поволжья / Д. Ю. Шарапов, З. М. Раскалиева // История в подробностях. М. : Изд. дом «Эдисьон Пресс». № 1 (55), 2015. С. 56–59.

УДК 93/94 ББК 63.3(0)62

С. Ю. Пищулина

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ РАБОЧИХ КАЛРОВ НА ВОССТАНОВЛЕНИЕ СТАЛИНГРАЛА

Волжский филиал Международного юридического института

E-mail: supishulina@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы обеспечения рабочей силой восстановления Сталинграда, политикоправовые способы организации восстановительного процесса, результаты.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, законы военного времени, Сталинград, восстановление, кадры.

S. Y. Pishchulina

POLITICAL AND LEGAL JUSTIFICATION OF ENGAGING LABOUR FORCE TO ASSIST THE RECONSTRUCTION OF STALINGRAD

Volzhsky Branch of the International Law Institute

The article considers the issues of providing the reconstruction works in Stalingrad with labour forces, political and legal means of arranging the reconstructive process, results.

Keywords: the Great Patriotic War, war laws, Stalingrad, reconstruction, labour forces.

Историографическая и источниковая база процессов восстановления разрушенного немецкофашистскими войсками народного хозяйства и инфраструктуры городов Советского Союза в настоящее время обширна [1]. Тематика изучаемых проблем разнообразна. Тем не менее исследование механизма организации восстановительных работ на территории Сталинградской области до сих пор не завершено. Мало внимания уделено политико-правовому аспекту, в частности, путям изыскания и закрепления трудовых ресурсов в кризисный период Великой Отечественной войны. В возрождении героического Сталинграда приняли участие все народы и народности социалистического государства, все республики, края и области присылали сюда своих специалистов, строительные материалы, продукты, бытовые вещи, канцтовары.

Идеологическое значение всенародной помощи сталинградцам описано в значительном числе научных, научно-популярных, краеведческих публикаций [2]. Ценным источником стала мемуарная литература. Большой фактический материал можно почерпнуть из воспоминаний председателя Сталинградского городского Комитета Обороны, первого секретаря обкома ВКП (б) А. С. Чуннова [3], работников партийных и хозяйственных структур, жителей Сталинграда — непосредственных участников событий [4]. Опубликованные в послевоенный период сборники документов расширили источниковую базу и сделали более доступными для исследователей многие материалы [5]. Ученые региона обсуждали вопросы феномена возрождения города на ежегодных тематических научно-практических конференциях и Волгоградских Краеведческих чтениях [6].

Победа Красной Армии под Сталинградом отразилась не только на фронтовой ситуации. 1942 и начало 1943 года были временем обострения в стране экономических, социальных, национальных проблем. Единая общегосударственная цель воюющей армии сплачивала ее ряды, в тылу же кризисные явления использовались агентурой противника, недовольными советской властью, преступным элементом для разжигания национальной розни, дезертирства, саботажа. В этих условиях Сталинград как символ устойчивости нового молодого государства, как символ единственно верной идеологии, как город, носящий имя вождя, должен был стать отправной точкой трудовой сплоченности всех народов и народностей СССР. Эти причины сыграли, наравне с географической и экономической значимостью региона, существенную роль в принятии решения о незамедлительном начале восстановления города на Волге.

На первом этапе восстановительных работ их правовой и организационный механизм еще не был проработан в органах государственной власти. Он регулировался совместными постановлениями и решениями облисполкома и обкома ВКП (б). Использовались возможности системы

Ŀ

[©] Пищулина С. Ю., 2015

МПВО (300 человек), субботники, сверхурочный труд. Однако объем разрушений по городу и в оккупированных районах области был значителен, местными ресурсами невозможно было реализовать даже подготовительные мероприятия. Проблема перешла в ведение высшего органа власти и управления на территории СССР – Государственного Комитета Обороны (далее – ГКО). Его постановления и распоряжения являлись для всех органов, учреждений и граждан обязательными. За неисполнение решений следовало уголовное наказание.

Первоначально ГКО в качестве источника рабочей силы для разминирования и уборки трупов, разбитой военной техники, боеприпасов, разрушений разрешил использовать военнослужащих сформированной после боевых действий Сталинградской группы войск и военнопленных [7]. Однако их труд был временным, военнопленные были ослаблены голодом и морозами. В связи с чем уже в феврале 1943 г. Сталинград посетило несколько комиссий ведомственных наркоматов, был подсчитан ущерб, составлялись сметы восстановления. Результатом огромного комплекса организационных мер стало принятие постановлений ГКО № 3117с от 04.04. 1943 г. «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства г. Сталинграда и Сталинградской области, разрушенных немецкими оккупантами» и СНК СССР «О восстановлении жилищного и коммунального хозяйства г. Сталинграда» от 22.05.1943 г. При Совете Народных Комиссаров создавалось специализированное Управление по вопросам восстановления города [8].

Эти решения стали основной правовой базой восстановительных процессов в Сталинградской области. Согласно ним, источниками привлечения рабочих кадров определялись:

- 1. Перераспределение ресурсов, особенно в строительной сфере. Так в регион был перебазирован с Урала строймонтажтрест № 4, отправлены из Кирова СМУ № 3, из Ташкента трест № 31.
- 2. Мобилизация гражданского населения для выполнения отдельных видов работ или на возрождающееся производство (в условиях Сталинграда из-за катастрофического недостатка жителей данный способ использовался редко, практиковалась мобилизация молодежи из заволжских районов).
 - 3. Военнопленные.

В условиях военного времени региональные органы власти имели возможность самостоятельно издавать акты, формирующие отдельные нормы «законов военного времени». К этому относилось и право определения дополнительных источников рабочей силы, изыскания материалов и механизмов. В условиях катастрофического отставания от установленных сроков государственных планов воссоздания инфраструктуры и производственных мощностей состоявшийся 7 июня 1943 г. пленум Сталинградского горкома ВКП (б) предложил партийным организациям привлечь к строительновосстановительным работам на добровольных началах гражданское население. Были рекомендованы примерные индивидуальные трудовые обязательства для выполнения их в нерабочее время: каждый житель города должен собрать, очистить и уложить не менее одной тысячи кирпичей, или отработать за сезон на стройке 20–25 часов, или поднять до 10 м³ грунта. Этот почин вылился впоследствии в широко известное во всей стране черкасовское движение, чей опыт использовался при восстановлении Ленинграда, Киева, Харькова и других городов. Позже движение пережило организационное оформление – при горкоме ВКП (б) была образована комиссия в составе: А. Л. Лебедев, зам. председателя горисполкома, – председатель; В. Г. Пьянов, зав. отделом пропаганды и агитации горкома ВКП (б); С. К. Бирюков, начальник Главного управления по восстановлению жилищно-коммунального хозяйства города; П. В. Ульев, зав. партийным отделом газеты «Сталинградская правда», Л. Пластикова, секретарь горкома ВЛКСМ; А. М. Черкасова, бригадир женской бригады, – инициатор движения [10].

ГКО, СНК СССР, общесоюзные наркоматы на протяжении всей войны контролировали уровень трудовых ресурсов, используемых на восстановительных работах в Сталинграде. Например, в целях закрепления кадров на танковых заводах в постановлении ГКО № 6612с от 28 сентября 1944 г. прописывалась система мер, направленных на улучшение ситуации, – увеличение жилищного строительства, введение четырех в месяц выходных дней для трудящихся горячих, вредных и тяжелых производств и трех выходных для работников остальных производств, выдача единовременных пособий семьям фронтовиков, расширение сети культурно-бытовых учреждений и заводских домов отдыха [11].

Сталинград в 1943 г. являлся своеобразным опытным полигоном для создания действенного и результативного механизма восстановительных работ. Политические основания незамедлительности процесса восстановления города базировались на экономическом и географическом потенциале региона. Немаловажную роль сыграли и социальный (снижение роста недовольства населе-

ния в связи со значимой победой над фашистами), и национальный (все народы и национальности обороняли Сталинград, усилиями всех он восстанавливался), и идеологический (город носил имя вождя) факторы. Использовалась поддержка и готовность народа выдержать «трудовые битвы». Правовой базой организации восстановительного процесса в области изыскания трудовых ресурсов стали постановления Государственного Комитета Обороны, советского правительства и в значительной степени местных органов власти и управления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1965; История Второй мировой войны, 1939–1945: в 12 т. – М., 1976 и пр.; Советская экономика в период Великой Отечественной войны, 1941 – 1945. – М., 1970; Советский тыл в Великой Отечественной войне : сб. статей. - М., 1974; Чадаев, Я. Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – 2-е изд-е, перераб и доп. – М., 1985; Возрождение прифронтовых и освобожденных районов в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. – М., 1986 и пр.
- 2. Красавин, В. С. Подвиг Сталинграда / В. С. Красавин, А. М. Бородин, И. М. Логинов. Волгоград, 1975; Волгоград: Четыре века истории. – Волгоград, 1989; Кузьмина, Э. В. Восстановление Сталинграда: 1943–1950 / Э. В. Кузьмина. – Волгоград, 2002.
- 3. Чуянов, А. С. Сталинград возрождается / А. С. уянов. М., 1944; Чуянов, А. С. На стремнине века: Записки секретаря обкома / А. С. Чуянов. - М., 1976.
- 4. Сталинградцы. М., 1950; Рассказы сталинградцев. Сталинград, 1958; Воронин, А. И. Щит и меч Сталинграда / А. И. Воронин. – Волгоград, 1982.
- 5. Героический Сталинград. Сталинград, 1943-1945; Поднятый из руин. Волгоград, 1962; В дни суровых испытаний. – Волгоград, 1966; Советы – власть народная: 1917–1983. – Волгоград, 1983; Перелистывая документы ЧК. -Волгоград, 1987; Военнопленные в СССР, 1939-1956: Документы и материалы / сост.: М. М. Загорулько, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская. - М., 2000; Сталинградский городской Комитет Обороны в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы / под ред. М. М. Загорулько. – Волгоград, 2003; Сталинградская группа войск. Февраль – май 1943 г.: документы и материалы / сост. М. М. Загорулько, Б. Г. Усик, С. Ю. Пищулина, Г. А. Митрофанова. – Волгоград, 2004; Сталинградская область в постановлениях Государственного Комитета Обороны (1941–1942): документы и материалы.
- Т. 9 (1–2) / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград, 2010–2011. 6. Вопросы краеведения. Вып. 2, 3, 6, 8. Волгоград, 1993, 1994, 1999, 2003; Окончание войны в Сталинграде и Кельне, 1943–1945: матер. науч. конф. – Волгоград, 1997 и пр.
- 7. Директива Ставки Верховного Главного Командования командующему Донским фронтом и начальнику оргуправления Генштаба об образовании Сталинградской группы войск // Сталинградская группа войск. Февраль - май 1943 г.: документы и материалы. – Волгоград, 2004. – С. 16–17.
 - 8. Кузьмина, Э. В. Указ. соч. С. 60.
 - 9. ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 4. Д. 31. Л. 3 4, Оп. 2. Д. 53. Л. 15. 10. ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 2. Д. 122. Л. 225.
- 11. Постановление ГКО «Об улучшении материально-бытовых условий и мерах по закреплению рабочих и инженерно-технических работников на заводах НКТП». 28.09.1944 г. // Сталинградская область в постановлениях Государственного Комитета Обороны (1943–1945): документы и материалы. – Т. 9 (2)... С. 468–469.

УДК 63.3(2)622 ББК 94 (47)

А. А. Иосько

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПАМЯТИ О ПОБЕДЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ НА СТРАНИЦАХ ДОНСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Южный федеральный университет

E-mail: aleksey.iosko@mail.ru

Статья посвящена анализу конструирования памяти о Победе в Великой Отечественной войне в донской периодической печати на примере газет Донского края, в контексте юбилейных дат первых двух послевоенных десятилетий (1945, 1955 и 1965 гг.). Авторы выделяют особенности, присущие отображению празднования дня Победы в донской печати в каждый из указанных периодов.

Ключевые слова: День Победы, коллективная память, Великая Отечественная война, донские газеты.

A. A. Iosko

REPRESETANTION OF MEMORY OF THE VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR IN PERIODICAL PRESS OF DON

Southern Federal University

The article analyzes the construction of the memory of the Victory in the Great Patriotic War in periodical press of Don, in the context of the anniversaries of the first two postwar decades (1945.1955 and 1965). The authors identify features inherent of mapping the celebration the Day of Victory in the Don press in each marked periods.

Keywords: Day of Victory, collective memory, The Great Patriotic War, Don newspapers.

Великая Отечественная война остается одним из самых трагических событий в истории нашей страны. На протяжении второй половины XX века советское общество воспринимало Великую Отечественную войну как основное историческое событие, в результате чего мемориальная политика современной России оказалась основана на крепкой привязанности к советскому прошлому. Сегодняшнее восприятие Победы в войне было сформировано в советскую эпоху при помощи различных средств идеологического инструментария. Одним из главных рычагов выступала периодическая печать. Память о войне как единственный на сегодняшний момент «непротиворечивый» исторический сюжет почти без изменений наследуется из советского публичного дискурса и занимает центральное место в сегодняшнем российском представлении о собственной истории [1].

Периодическая печать в Советском Союзе выступала основным средством агитации и распространения информации среди населения. Но нельзя рассматривать прессу как источник достоверных фактов, так как она не столько отражает реальную атмосферу в обществе, сколько формирует стереотипы массового сознания, которые выгодны в данный момент государственной власти. Печать является одним из тех видов источников, которым принадлежит «ведущая роль в создании героических символов как феномена общественного сознания в определенный исторический период» [2, с. 107–108].

Данная проблема относительно недавно попала в поле исследовательской деятельности и нашла отражение в работах Б. В. Дубина, [3], Л. Гудкова [4], Р. И. Хандожко [5–6].

В статье нами проанализированы донские газеты, выходившие в ключевые для формирования коллективной памяти годы — 1945 г. и юбилеи победы — 1955, 1965 гг. Этот выбор не случаен, именно в данные периоды на страницах печати происходило встраивание памяти в общественный дискурс. Память о Великой Отечественной войне в первые послевоенные годы в СССР еще нельзя было назвать в полном смысле «исторической памятью», так как война «жила в повседневном опыте» [1]. В этот период наблюдался резкий разрыв между неофициальным, личным опытом войны, где на первом плане была повседневная жизнь, голод, военная «работа» и официально-парадной, мобилизационной версией военных событий [3].

На страницах донских газет за май 1945 года прослеживается тенденция к обезличиванию военного подвига, тесная привязка Великой Победы к имени Сталина, что отвечало задачам действующей власти. Война рассматривалась как полоса сплошных побед, которые не были бы достигнуты без товарища Сталина [7, 8, 17, 19]. Именно гений И. В. Сталина стал залогом победы Красной Армии и советского народа над Германией. Сталин являлся наиболее часто упоминаемым персонажем в прессе, нередко его фотографии крупным планом помещались на первые полосы газет и были сопровождены текстами его приказов, обращений и т. д. [7, 8, 17]. В отношении Сталина всегда употреблялись слова, характеризующие его как мудрого, великого и гениального. Так, «победный» выпуск «Молота» начинался с заголовка: «Слава героической Красной Армии! Слава великому Сталину!» [7]. Далее на половине листа первой полосы помещался портрет самого Сталина, а потом уже следовал текст о безоговорочной капитуляции Германии. И только лишь на оборотной стороне страницы освещалось празднование Победы советским народом. Отдельные колонки посвящались кратким описаниям празднований на улицах Ростова и в некоторых областных населенных пунктах (в частности, ст. Вешенская, город Новочеркасск, Миллерово, Таганрог и т. д.) [7]. Помимо этого, печатались стихи, носящие название «Победа» [7], часто встречались названия статей «Слава воинам – богатырям!» [7], что свидетельствует об использовании народного героического персонажа для олицетворения доблестного образа советского (русского) воина. В статье «Жизнь торжествует» [7] мы можем увидеть, как Германию назвали «гигантским упырем» [7], то есть придавая ей откровенно негативный и даже отвратительный образ, по сравнению с воином богатырем, который «раздавил заразу» [7].

Анализ прессы за 1955 г. показывает, что первый юбилей Победы был представлен как великое историческое событие. В честь него проводился ряд различных массовых мероприятий и торжеств. Важно отметить, что в прессе приводятся речи выступлений представителей различных организаций и профсоюзов, в которых можно проследить четкое выстраивание Победы. Показано, что в тяжелейшей войне Победа стала залогом правильности и верности выбранного Советской Россией пути развития. Например, в выпуске газеты «Молот» за 10 мая 1955 г. приводился такой тезис о том, что Советский государственный строй, рожденный Великой Октябрьской социалистической революцией, с успехом выдержал суровые испытания войны и показал высокую жиз-

ненную стойкость [9]. Успех войны приписывался, прежде всего, грамотному руководству коммунистической партии. Так, одна из донских газет гласила: «Великую победу над фашистскими ордами мы одержали, прежде всего, благодаря тому, что наша родная Коммунистическая партия неустанно заботилась об экономической мощи страны» [9]. Величие подкреплялось не только военными победами, но и развитием экономики, достижениями в области науки, образования и культуры.

Характерно, что для этого первого десятилетнего юбилея победная риторика была в прессе весьма непродолжительной. Она ограничивалась по сути самим 9 мая и близлежащими днями. Особенностью периодической печати также являлось изъятие из победной риторики имени Сталина как главного вершителя Победы.

В 20-летний юбилей Победы, в 1965 году, появляется отдельная рубрика под названием «К 20-летию великой Победы» [11, 12, 15]. Начиная с апреля 1965 г., «Молот» регулярно отводил несколько колонок для рассказов о военных подвигах жителей Донского края. Среди прочего можно отметить появление региональных сюжетов, связанных с казачеством и регионом: «Казаки – гвардейцы за Дунаем» [11], «На ростовском направлении» [12] и т. д. Также важно отметить, что появляются статьи, которые носят агитационный характер и призывают к сохранению памяти о Победе и военных событиях в целом: «Бойцы вспоминают», «Незабываемое!» [15], «Помните, люди!» [16], «Пусть вечно живет в памяти народов героический подвиг советских воинов!» [15].

Особенностью 20-летнего юбилея стало то, что на страницах газет в большом количестве стали появляться воспоминания непосредственных участников тех великих дней [13]. В областной газете печатались воспоминания генералов, рядовых солдат и их фотографии [14].

Сравнивая выпуски донских газет сталинского и хрущевского периодов, мы можем сделать вывод о том, что в 1945 г. и в ближайшее десятилетие Победа в ВОВ не нуждалась, с точки зрения власти, в формировании особой «мемориальной конструкции». «Победа – великое историческое событие, которое доказало состоятельность Советского государства и правильность выбранного пути развития» – главная идея, декларируемая в победоносных речах начиная от Сталина и заканчивая лидером какого-либо регионального отделения партии. Однако в течение первых двадцати лет после 1945 г. государственная политика в отношении Победы меняется, в частности, расширяется масштабность празднования этого события. Если в 1955 г. о событиях ВОВ и о Победе упоминалось лишь несколько раз в канун Дня Победы и буквально вскользь после, то в 1965 г. торжественные колонки, освещающие героический подвиг народа, появлялись уже с 1 апреля. Начиналась политика, направленная на увековечивание Победы в народной памяти и использование этого события как элемента «культурной памяти» советского народа.

Нами выявлены общие черты, характерные для освещения темы ВОВ на страницах донских газет. В статьях прославлялись патриотизм, преимущества советского строя, популяризировались подвиги советских граждан, уроженцев Донского края. Но вместе с этим не находилось места трагедиям окружения и плена миллионов советских солдат, сотрудничеству советских граждан с противником. В донских газетах рассматриваемого периода не акцентировалось внимание на многочисленных трудностях и лишениях в жизни общества. В так называемые «зоны умолчания» попадали просчеты и неудачи высшего политического и военного руководства страны. В газетных публикациях чаще применялся декларативный подход с широким использованием общих призывов и лозунгов.

Конструирование образа Победы в Великой Отечественной войне было длительным процессом, который развивался под влиянием политической и идеологической конъюнктуры. Но он всегда имел одну общую цель – создание мощного скрепа коллективной памяти советского народа, на который могло бы опираться государственное устройство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. *Конрадова, Н.* Герои и Жертвы. Мемориалы Великой Отечественной / Н. Конрадова, А. Рылева // «Неприкосновенный запас». 2005, № 2–3 (40-41). [Электронный ресурс] http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ko16.html (дата обращения 11/10/2015)
- 2. Сесицкая, А. Н. Периодическая печать как источник по истории Великой Отечественной войны / А. Н. Сесицкая // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. -2012. Вып. № 1. С. 107–111
- 3. *Гудков, Л.* «Память» о войне и массовая идентичность россиян / Л. Гудков // «Неприкосновенный запас». 2005. № 2–3 (40–41). [Электронный ресурс] http://magazines.ru/nz/2005/2/gu5-pr.html (дата обращения 14/10/2015)

- 4. Дубин, Б. В. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий / Б. В. Дубин // Отечественные записки. – № 4 (43). – 2008. – С. 6–21.
- 5. Хандожко. Р. И. Мемориализация Великой Отечественной войны в городских муниципальных практиках: упорядочение захоронений, монументальная коммеморация, топонимика (Ростов-на-Дону, 1943–1965) / Р. И. Хандожко // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-петию освобождения Дона и Северного Кавказа: матер. междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – С. 413–417
- 6. Хандожко, Р. И. Память о Великой Отечественной войне в городском пространстве Ростова-на-Дону: официальный дискурс и социальные практики (1945–1953 гг.) / Р. И. Хандожко // Народы юга России в отечественных войнах : матер. междунар. науч. конф. (6-7 сентября 2012 г., Ростов-на-Дону). - Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. - С. 455-457.
 - 7. Молот. 1945. 9 мая.
 - 8. Молот. 1945. 10 мая.
 - 9. Молот. 1955. 10 мая.
 - 10. Молот. 1965. 1апреля.
 - 11. Молот. 1965 3 апреля.
 - 12. Молот. 1965. 6 апреля.
 - 13. Молот. 1965. 9 апреля.
 - 14. Молот. 1965 16 апреля.
 - 15. Молот. 1965. 27 апреля.
 - 16. Молот. 1965. 28 апреля.
 - 17. Искра. 1945. 10 мая.
 - 18. Под знаменем Сталина. 1945. 1 мая
 - 19. Под знаменем Сталина. 1945. 9 мая

УДК 378.1 ББК 74.200.52

В. Е. Ким, М. Н. Опалев

НОВАТОРСТВО ВОЛЖСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РОССИИ

Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета

E-mail: opalev-erz@mail.ru

В настоящей статье рассматриваются варианты решения проблем воспитательной работы среди студентов при изучении предметов социально-гуманитарного цикла. Особое внимание уделяется таким понятиям, как роль волонтерства в сохранении исторической памяти народов России посредством добровольного участия студентов в жизни городского краеведческого музея. Факты применения элементов исторической реконструкции оцениваются как пример конструктивной, созидательной молодежной субкультуры. Настоящая статья рассматривает практический опыт автора в преподавании дисциплины «История» в одном из филиалов Волгоградского государственного технического университета.

Ключевые слова: историческая память, молодежная политика, патриотическое воспитание, историческая реконструкция, музей, музейная педагогика, волонтерство, самореализация молодежи, «живая история».

V. E. Kim, M. N. Opalev

THE INNOVATION OF VOLZHSKY POLYTECHNIC INSTITUTE IS IN MAINTAINANCE OF HISTORICO-CULTURAL HERITAGE OF PEOPLE OF RUSSIA

Volzhskiy Polytechnic Institute (branch of Volgograd State Technical University)

In the article the variants of decision of problems of educator work are examined among students at the study of the articles of socially-humanitarian cycle. The special attention is spared to such concepts, as a role of volunteering in maintenance of historical memory of people of Russia by means of voluntarily participation of students in life of municipal regional museum. The facts of application of elements of historical reconstruction are estimated as an example of structural, creative youth subculture. The real article examines practical experience of author in teaching of discipline "History" in one of branches of the Volgograd state technical university.

*Keywords: historical memory, youth politics, patriotic education, historical reconstruction, museum

pedagogics, volunteering, self-realization of young people, "living history".

Настоящая статья базируется на двух дефинициях: во-первых, это историческая память и вовторых, это историческая реконструкция.

Историческая память – это способность общественных субъектов сохранять и передавать из поколения в поколение знания о прошедших исторических событиях, об исторических деятелях

ушедших эпох, о национальных героях и вероотступниках, о традициях и коллективном опыте освоения социального и природного мира, об этапах, через которые прошел тот или иной этнос, нация, народ в своем развитии [5, с. 15].

Неотъемлемая роль в сохранении исторической памяти общества принадлежит музеям. Известный русский философ Н. Ф. Федоров писал: «Всякий человек носит в себе музей, ... ибо хранение – закон коренной, предшествовавший человеку, действовавший до него ... музей есть собрание всего отжившего, но именно поэтому-то он и есть надежда века, ибо существование музея показывает, что нет дел конченных . Музей есть высшая инстанция, которая должна и может возвращать жизнь, а не отнимать ее» [7, с. 576].

Автор в настоящей статье обобщает опыт своей работы в Музейно-выставочном комплексе города Волжского (ВМВК) на должности заведующего филиалом «Музей памяти солдат войны и правопорядка» в течение 2014—2015 учебного года. С февраля 2002 г. и до 7 мая 2015 г. филиал носил иное название: «Зал воинской славы» Волжского историко-краеведческого музея. Экспозиция его была посвящена значению и вкладу левого берега Волги в Сталинградскую битву и в победу над фашизмом в целом. В зале весьма гармонично сочетались элементы инсталляций, макетов, современной и авангардной живописи, скульптуры, подлинных личных вещей фронтовиков, остатков вооружения, снаряжения военных лет. Экспозиция четко делилась на комплексы, охватывающие боевую работу Волжской военной флотилии, боевой авиации, госпиталей Сталинградского фронта, базировавшихся на левом берегу Волги, на том месте, где с 1954 г. существует и строится город-спутник Волгограда Волжский.

В силу организационных изменений в сфере культуры городского округа Волжский (перевод учреждений на самофинансирование) в марте 2015 г. была запланирована реэкспозиция музея и его переезд из здания бывшего дворца культуры «Октябрь» в пустующее много лет помещение магазина. Из-за срочной необходимости проведения там дорогостоящего ремонта, создания новых стендов и витрин процесс переезда был весьма сжатым и динамичным и занял около недели. С коллегами приходилось оперативно решать не только вопрос комплектования новой выставки, заниматься дизайном и размещением макетов и стендов, но и прежде всего разгружать обширное старое помещение 12 × 20 метров в бывшем ДК от материальных ценностей.

Активное участие в строительстве нового музея приняло городское управление УВД, пополнив выставку своими экспонатами и манекенами, такими как боевые награды первых волжских милиционеров, трофейная немецкая пишущая машинка фирмы «Мерседес» и многое другое. Наиболее эмоционально значимыми экспонатами теперь являются два предмета: пробитое осколками и прожженное боевое знамя 21-й гвардейской механизированной бригады, штурмовавшей Берлин весной 1945 г., и разгрузочный жилет Виталия Петровича Дубины, начальника штаба ОМОН УВД г. Волжского, погибшего в нем при исполнении воинского долга в Чечне.

Работу в должности доцента кафедры социально-гуманитарных дисциплин в Волжском политехническом институте (дисциплины «История», «Философия» на I курсе дневного отделения) автору удалось совместить с организацией около десяти студенческих субботников по строительству нового музея во внеучебное время. Особенно активно и энергично трудились группы автомеханического факультета. В первую очередь, неоценима была помощь учащихся в погрузке и разгрузке экспонатов, в разборке макетов, витрин и стендов и их установке на новом месте. Кроме того, студенты заочного отделения оказали помощь в создании нового макета памятника советским саперам, разминировавшим территорию будущего города Волжский в 1950-х гг., использовав для этого множество бесформенных осколков и гильз, не нашедших ранее места при экспонировании.

Помимо описания напряженной работы по переезду, особо следует сказать о рельефной карте местности Заволжья по состоянию на 1942 год. Эта электрифицированная карта была создана художниками в апреле 1995 г. и показывала не только Сталинград, ближайшие к городу прибрежья Волги, но и такие отдаленные районы, как Капустин Яр, отстоящие от эпицентра битвы на сотни километров. Сами элементы показа растительности, рельефа и населенных пунктов были гипсовыми на поверхности из массивных древесно-стружечных плит на прочном каркасе. Размеры полотна карты впечатляли: $6 \times 2,5$ метров. Терять такую важную составляющую рассказа о прошлом той местности, где ныне стоит город Волжский, было нельзя. И было решено с добровольцами-первокурсниками и с коллегой, научным сотрудником Александром Барановым попытаться ее

спасти. При помощи электропилы полотнище карты было аккуратно разрезано на фрагменты, главный из которых, показывающий Сталинград и прилегающие районы в радиусе до 40 км, успешно устоял. К сожалению, остальная часть карты разрушилась и осыпалась из-за непрочности гипсового покрытия. Оставшийся фрагмент пятерыми студентами был перенесен на руках в новое помещение, из подручных средств был изготовлен каркас-стойка, удерживающий уменьшенную карту в вертикальном положении, а также был обновлен и красочный слой.

15 мая 2015 г. музей был торжественно открыт почетной делегацией в составе: генерал-лейтенанта полиции начальника ГУ МВД России по Волгоградской области А. Н. Кравченко, мэра Волжского И. Н. Воронина и депутата Государственной Думы И. М. Гусевой [4].

По сути, музей получил новый импульс для развития, поскольку в городе, в частности, в школе № 35, работают полицейские классы, то есть правоохранители активно взялись за пропаганду собственных героических традиций, чего так не хватает в наше тревожное время.

Термин «реконструкция» (от лат. «reconstruction» – построение) означает переделку, коренную перестройку чего-либо, организацию по совершенно новым принципам» [1]. Словосочетание «историческая реконструкция» может употребляться в двух значениях. В первом случае речь идет о восстановлении внешнего вида и структуры заданного объекта, теоретическом или практическом моделировании. Во-вторых, историческая реконструкция как деятельность, подтверждающая какое-либо предположение о процессе изготовления или использования того или иного предмета. Под каким углом паруса ходили на кораблях? Какова дальность полета стрелы? Каков способ изготовления боевого щита? Ответы на все эти и другие вопросы и помогает найти экспериментальная археология (реконструкция). В данном исследовании в качестве основы используется второе значение термина.

«Живая история» — это формат исторической реконструкции, где главным условием является максимально полное и достоверное воссоздание образа жизни людей какой-либо местности в определенный исторический период. В России данное направление начало развиваться с середины 90-х гг. ХХ в., когда отдельные люди, интересующиеся историей, стали объединяться в клубы. В настоящее время движение объединяет более 200 клубов на всей территории РФ, а на фестивалях, проводимых реконструкторскими организациями, собирается до 2 тысяч участников. Клубы имеют хорошую связь между собой и с коллегами за рубежом.

В Волжском до недавнего времени существовали два клуба исторической реконструкции: «Драккар» (реконструкция эпохи викингов IX–X вв.) [6] и «Итильская дружина» [3] (Русь XIV в.). Ныне «Итильская дружина» входит в состав клуба «Драккар». Стоит отметить, что появление клубов исторической реконструкции и исторического фехтования в Волжском исторически связанно с субкультурой «толкиенистов», поклонников творчества Д. Р. Р. Толкиена, жанра фэнтэзи, и «ролевиков» — любителей ролевых игр.

1 сентября 2005 года группа молодых людей в возрасте от 14 до 20 лет, состоявших в одном из ролевых клубов Волжского, решила создать свою команду для регулярных тренировок по историческому фехтованию и совместных выездов на игры и фестивали. От фантазийного времяпрепровождения было решено отказаться в пользу воссоздания реальных, а не вымышленных, сюжетов российской истории. Путем открытого голосования был избран руководитель клуба — Пайвин Артем Аркадьевич, выбрано название клуба, обозначающее боевое судно викингов, украшенное головой дракона, «Драккар». 1 февраля 2006 года клуб обрел свой дом под крышей молодежного центра «Отечество» в 36-м квартале города.

Следствием поездок на фестивали исторической реконструкции стало решение клуба перейти от тренировок турнирного фехтования к бугуртному (массовое сражение) и в выборе комплекса костюмов и доспехов сделать акцент на реконструкцию Руси XIII–XIV вв. С 2009 года клуб «Драккар» участвует в международном молодежном фестивале исторической реконструкции «Русборг» в Липецкой области. Фестиваль посвящен эпохе викингов.

В 2010 году члены клуба «Драккар» принимают участие в реконструкции похода Святослава на хазар. В результате участники похода подтвердили гипотезу о более вероятном походе киевского князя Святослава в 965 году на Хазарский каганат по Дону, ранее большинство исследователей придерживались точки зрения, что поход Святослава проходил по Волге.

13 октября 2012 года Волжским политехническим институтом совместно с реконструкторами был проведен спортивный праздник «День здоровья» на стадионе института «Молодость». Сту-

дентов ВПИ и всех гостей праздника порадовали ярким и эффектным представлением. Идея воссоздания событий давно минувших веков пришла в голову также автору настоящей статьи, который летом 2011 г. выиграл грант на проведение мероприятия для студентов. Организовать такое зрелищное шоу помогла администрация вуза, С. И. Благинин, кафедра физкультуры и внеучебный отдел, соединив в сценарии проведения XI и XXI века — бой печенегов с русичами и спортивные соревнования студентов. На «сражение» был приглашен клуб «Драккар». На глазах у зрителей отряд пеших и конных печенегов напал на русских красавиц, мирно водивших хоровод на лугу, и захватил их в плен, но храбрым киевским дружинникам удалось спасти девушек. Этот бой стал настоящей изюминкой мероприятия [2].

В заключение мероприятия всех желающих пригласили на занятия в клуб исторического фехтования «Драккар». В течение уже трех лет клуб посещают десятки студентов ВПИ, они не только устраивают показательные бои на публичных мероприятиях института, таких как «Посвящение в студенты» во второй декаде ноября, но и изготавливают элементы защитного снаряжения, такие как боевые щиты с металлическим сердечником (умбоном), ряд аутентичных костюмов прошлых эпох.

В рамках объединений, подобных «Драккару», молодые люди имеют возможность не только посмотреть на вещи, сохраненные стараниями археологов и музейных работников, но и самостоятельно изготовить орудия труда, различные предметы повседневного обихода Средневековья, а также использовать их по прямому назначению. Они могут лучше понять жизнь своих предков, их мировоззрение и мотивацию. Такая работа дает несоизмеримо больший воспитательный эффект, чем просто беседы о патриотизме и о любви к Родине.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. Демина, А. В. Движение исторической реконструкции: пути и решения / А. В. Демина // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. № 5.-2012.- С. 45-48.
- 2. День здоровья по-богатырски [Электронный ресурс]. URL: http://www.kdm.org.ru/events/?id=300 (дата обращения: 21.10.2012).
 - 3. Итильская дружина [Электронный ресурс]. URL: http://www.admvol.ru/Gallery/V... (дата обращения: 21.10.2012).
- 4. *Ленская*, *E*. Сталинградская, 1. Место встречи изменить нельзя / Е. Ленская // Волжская правда, 21 мая 2015 г. № 35 (12341). С. 4.
- 5. Путятина, Т. П. Формирование исторического сознания школьной молодежи в условиях трансформации российского общества : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Путятина Т. П. M., 2007. 23 с. C. 15.
- 6. Ролевые клубы города Волжский [Электронный ресурс]. URL: http://www.bestrpg.ru/index.php?id=270 (дата обращения: 21.10.2012).
- 7. $\Phi e dopos$, H. Φ . Музей, его смысл и назначение. Сочинения / Н. Φ . Федоров ; под ред. А. В. Гулыга. М. : Мысль, 1982. С. 576.

УДК 37.035.6 ББК 74.200.504

Н. В. Машенцева

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Российский университет дружбы народов

E-mail: mnvrudn@mail.ru

Статья посвящена анализу проблем и задач патриотического воспитания учащейся молодежи в контексте влияния на формирование личности обучающихся.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, культура патриотизма, личность обучающихся.

H. V. Mashentseva

PATRIOTIC EDUCATION AND PERSONAL DEVELOPMENT

Peoples' Friendship University of Russia

The article aims to analyze the problems and challenges of students' patriotic education in the context of impact on their personal development.

Keywords: patriotic education, culture of patriotism, personal development.

Молодежь не только в России, но и во всем мире стала в XXI веке еще более активным социально-политическим субъектом. Нужно признать, что молодежь – это один из самых мощных акторов современного общества, что подтверждают события последних лет во многих странах мира.

Все это стимулирует не только органы государственной власти России, но и социальные институты, общественные организации и объединения уделять большое внимание проблеме гражданско-патриотического воспитания молодежи и проявлять активность в отношении практической реализации государственных программ гражданско-патриотического направленности. Отношение к молодежи как «объекту национально-государственных интересов, одному из главных факторов обеспечения развития российского государства и общества» [1] находит в настоящее время практическое воплощение в ряде законодательных актов и правительственных программ таких, как Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011—2015 годы», Концепция федеральной системы подготовки граждан Российской Федерации к военной службе на период до 2020 г., Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Стратегической целью данных государственных документов выступает укрепление гражданской позиции, патриотического сознания молодежи, так как именно молодежь будет «определять будущее России, ее социально-экономический, духовный и культурный подъем, укрепление обороноспособности, достижение социальной и экономической стабильности» [2].

Реализация политики государства в отношении «стратегического ресурса» страны – молодежи – выступает в данном случае как показатель общей эффективности государственной стратегии по демократизации и стабилизации общества. На сегодняшний день процесс патриотического воспитания – «формирование у молодежи высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины» [3] находится на стадии поиска общероссийских политических идеалов и попытки искусственного создания патриотических образцов. Эффективному решению данной проблемы как на государственном, так и на общественном уровне может способствовать обращение к концепции политической социализации, которая напрямую связана с формированием лично-

[©] Машенцева Н. В., 2015

сти молодого человека. Решение государством проблем гражданско-патриотического воспитания молодежи, передачи общезначимых политических норм и ценностей является основой вектора политической социализации молодежи для институтов, включенных в данный процесс (СМИ, система образования, армия и т. д.). При этом государственная политика в данной области не может эффективно осуществляться без учета личностного уровня социализируемого индивида исходя из его социальных и психологических особенностей.

Чтобы разобраться в процессе формирования личности обучающихся, следует глубже понять особенности взросления современной молодежи. Пожалуй, самым значимым символом «взросления», отличающим современную российскую молодежь, является ее индивидуализм, исходящий из специфики общественного развития современной России. Современная учащаяся молодежь формирует индивидуальные стратегии выживания. Конечно, структурные факторы взросления остаются чрезвычайно важными, однако подчас ни социальное происхождение, ни семья, ни место учебы, ни гендер не играют решающей роли. Молодой человек часто сам конструирует свою жизнь, добровольно выбирая тот или иной стиль, и в меньшей степени использует шансы предписанного статуса, рассчитывая и надеясь исключительно на свои способности и «везение» для личностной самореализации. У современных юношей и девушек появилось больше путей для выбора, однако и больше ограничений. Помимо прежних, традиционно изучаемых барьеров взросления (классовое происхождение, биологический пол, этническая принадлежность), все большее значение приобретает степень доступа к информационным, образовательным, культурным ресурсам.

Дисфункции институтов социализации, прежде всего образования и воспитания, отсутствие единства в отношении базовой системы ценностей на уровне всего общества препятствуют выработке непротиворечивых ценностей и норм, становясь причиной социальной дезорганизации и потери жизненных ориентиров в сознании молодежи.

Социальная неопределенность объективно вынуждает молодых людей к самостоятельному поиску новых значимых (референтных) образцов и способов гражданского поведения и действия. Активность сегодня ассоциируется у молодежи скорее с самореализацией (самопрезентацией) и с одобрением «своими». И это становится намного более значимым, чем одобрение непонятным и далеким обществом, озабоченным политическими проблемами.

Особенно остро стоит проблема неопределенности гражданско-патриотического самосознания в младших возрастных группах молодежи, находящихся на этапе социального старта. Подавляющее большинство из них — учащиеся, следовательно, их формирование происходит в значительной мере под влиянием института образования.

В силу длительного реформирования институт образования оказывается не всегда способен повлиять на личность обучающегося, сформировать его представления об общественно значимых правилах и образцах гражданско-патриотического поведения, соответствующих как личным, так и общественным интересам. Тем самым в каждом новом поколении усиливается риск воспроизводства безнормности (аномии) в процессе формирования личности и жизненной позиции обучающихся.

Следует отметить, что введение новых образовательных стандартов положительно влияет на процессы воспитания и развития личности обучающихся, так как в процесс образования включены не только задачи по формированию профессиональных, но и общекультурных компетенций у обучающихся, в том числе гражданско-патриотической направленности.

«Со всей очевидностью можно утверждать, что развитие умственных способностей и привитие технико-технологических навыков учащимся не принесет желаемого результата, если будут преданы забвению или «пущены на самотек» проблемы воспитания нравственных качеств: чувства персональной ответственности, веры в общечеловеческие идеалы добра и справедливости, чести и личного достоинства, патриотизма и искренней любви к своему Отечеству» [4].

В научных исследованиях последних лет все чаще уделяется внимание проблеме воспитания культуры патриотизма. Методологическую опору исследованиям мы находим в идеях и трудах российских философов, историков, ученых прошлого и настоящего – И. А. Ильина, П. А. Флоренского, Л. Н. Гумилева, В. В. Макарова, Е. М. Фрадлиной, В. И. Лутовинова и др. Культуру патриотизма, понимаемую в философии как надиндивидуальный источник ценностей, необходимо рассматривать через призму субъекта истории – личности человека, создающего культуру, мораль, цивилизацию, активно влияющего на всю социально-природную систему и, в свою очередь, испытывающего влияние объективации [5].

Успешная интеграция молодежи в общество происходит на основании ее социального самоопределения, а также ощущения единства и неразрывности с социальным окружением, возникновения чувства общности, самоидентификации себя как гражданина и патриота [6].

Поиск молодыми людьми нравственных смыслообразующих начал неотделим от процесса конструирования идентичностей в сфере гражданско-патриотических отношений. Формирование гражданско-патриотических идентификаций и гражданской позиции молодежи находится в прямой зависимости от чувства гордости за страну. Ее природа имеет не только эмоциональные основания, но и рациональные, поддерживаемые объективными достижениями страны, их популяризацией в СМИ и в образовательном процессе. Гордится или нет молодой человек своей страной, является следствием знания и позитивной оценки прошлого и настоящего страны, ее культурных достижений, места на мировой арене, а также ощущения безопасности и защищенности, обеспечиваемых государством в его повседневной жизни. Высокие оценки достижений дают основание для уважения великой державы, ощущения чувства собственного достоинства и удовлетворенности своей гражданской принадлежностью. Низкие оценки, напротив, вызывают разочарование и даже чувство стыда за свою страну, а в результате полное или частичное отчуждение от нее.

Сегодня в молодежной среде растет понимание своей гражданской роли и желание принимать деятельное участие в системе общественных отношений. Это видно в активном участии обучающейся молодежи в волонтерских и гражданско-патриотических движениях и акциях. Однако количество таких молодых граждан еще недостаточно велико.

Очевидно, что именно продуманная, взвешенная государственная политика в области патриотического воспитания молодых граждан, учитывающая особенности индивидуального уровня формирования политических установок и ценностей, может обеспечить в результате становление зрелого гражданина и патриота. И, хотя растет число новых программ по гражданскому воспитанию, политическому образованию молодежи, стабильного эффекта эти меры не имеют, так как индивидуальной особенностью восприятия и способа реализации на практике молодым человеком тех или иных политических ценностей является приближенность этих ценностей к его конкретному опыту, к сфере понятных ему интересов. В связи с этим является несколько абстрактной не только формулировка цели современных молодежных патриотических программ — «утверждение статуса молодого человека как субъекта гражданской и политической социализации», но и способы достижения этой цели, так как статус субъекта предполагает активную деятельность и учет интересов человека, а государство до сих пор исходя из основных документов по данному вопросу не слишком считалось с индивидуальными характеристиками и предпочтениями молодежи.

Существенно влияние и регионального фактора на динамику идентификаций молодежи. Формирование того или иного типа личности происходит в зависимости от возможностей самореализации в различных региональных условиях. По большинству показателей личностного самоопределения и гражданской позиции наиболее благоприятная ситуация сложилась в мегаполисах, наименее благоприятная — в средних и малых городах и особенно в сельской местности.

Все это диктует необходимость новых разработок в области воспитания студентов, и, в первую очередь, формирования позиции гражданина – т. е. человека, обладающего высоким профессионализмом и духовностью, инициативой, самостоятельностью и коммуникабельностью, гуманистически ориентированного, способного к саморазвитию и ориентированного на защиту интересов своей страны.

Институт образования формирует не человека вообще, а фактически гражданина и патриота в данном обществе и для данного общества. Следовательно, существует необходимость в создании гармоничной воспитательной системы, направленной на формирование гражданской позиции студентов в конкретном учебном заведении, ориентированной на потребности конкретного региона, общества и самого обучающегося в рамках единого образовательно-воспитательного пространства всего государства.

Основой воспитательной системы в вузе должна стать деятельность, направленная на формирование гражданской позиции студенческой молодежи, которая строится на основе студенческого самоуправления, охватывает студенческую молодежь всех курсов, способствует активному проявлению студентов во внеучебной, волонтерской, общественной деятельности, проявлению личного гражданского долга; носит гибкий характер, отражает особенности учебных курсов и специальности обучаемых.

Обеспечение постоянных регулярных контактов студенческой аудитории с представителями государственной власти, политиками, деятелями науки и культуры, представителями бизнеса и средств массовой информации, их участие в мероприятиях, проводимых в студенческой среде, является важным фактором формирования гражданского самосознания и патриотизма учащейся молодежи.

Сегодня государственные органы, социальные институты и общественные организации активно ведут поиск новых форм и методов работы по гражданско-патриотическому воспитанию молодежи. При этом большое значение приобретает вопрос организации воспитания молодежи в духе миротворчества. Под этим термином подразумевается воспитание в духе мира и ненасилия, международного взаимопонимания и сотрудничества, уважения чести и достоинства других, понимания и осуществления каждым своих прав и обязанностей гражданина своей страны и международного сообщества. Лишь взаимосвязанные действия государства и гражданского общества в области разработки и осуществления эффективной молодежной политики и гражданско-патриотического воспитания могут способствовать политической стабильности и укреплению государства в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 5 октября 2010 г. № 795). Интернет -http://archives. ru/programs/patriot 2015.shtml.
- 2. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р). Интернет http://www.fadm.gov.ru/docs/9/.
- 3. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» (проект). Интернет http://regulation.gov.ru/projects#npa=21354.
- 4. *Мазуров, А. Б.* Духовно-нравственное воспитание в вузе: образовательный и интеллектуальный потенциал: коллективная монография. Т. 2 / А. Б. Мазуров, И. М. Ильичева, С. А. Коптюбенко, С. С. Лыкин. Коломна: ГАОУ ВПО «Московский государственный областной социально-гуманитарный институт», 2013 г. С. 67.
- 5. *Кусмарцев*, *М. Б.* Патриотическое воспитание учащейся молодежи: теория и практика: монография / М. Б. Кусмарцев, Н. В. Машенцева. Волгоград: ПринТерра, 2007. 212 с.
- 6. *Гревцева*, *Г. Я.* Формирование гражданского мировоззрения в процессе социализации личности. Образование в XXI веке : проблемы и поиски их решения : учеб. пособие / Г. Я. Гревцева, Н. В. Овчинникова, З. С. Шафигина. Челябинск : Юж. Урал. кн. изд-во, 2003. С. 209–238.
- 7. *Ануфриева*, *Е. В.* Менталитет и национальное сознание: личностное измерение / Е. В. Ануфриева, Д. В. Полежаев // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 6. С. 23–26.

УДК 159.922.4 ББК 88.532

Д. М. Зиновьева

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ: ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ РОССИИ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы (Волгоградский филиал)

E-mail: zinovyeva.dina@yandex.ru

Описаны особенности толерантности/интолерантности жителей Волгоградской области разных этносов. Отмечается, что преимущественно психологическое благополучие определяет общую и этническую толерантность человека.

Ключевые слова: толерантность; этническая толерантность; психологическое благополучие.

D. M. Zinovyeva

TOLERANCE OF THE POLYETHNIC ENVIRONMENT: PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF THE RUSSIA

Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The paper is describes the features of tolerance / intolerance different ethnic groups of residents of Volgograd region. Also in this article is considered psychological well-being as one of the main determining of general and ethnic tolerance of the personality.

Keywords: tolerance; ethnic tolerance; psychological well-being.

[©] Зиновьева Д. М., 2015

Полиэтнические характеристики Нижнего Поволжья обусловлены как исторически, так и современными изменениями в структуре российского общества. Если ранее бывшие граждане СССР жили в условиях оболочечной «советской» культуры, которая смягчала этнокультурные различия, то в силу большей административной и культурной дифференциации сегодня можно говорить, что между гражданами нынешней России возникает межкультурная коммуникация. Волгоградская область может быть отнесена к уникальному поликультурному образованию, в котором проживает 190 этносов [8].

В качестве важных компонентов в культуре отношений и межкультурных коммуникаций социальная психология выделяет толерантность, сенситивность, доверие [7]. В данной статье толерантность рассматривается как многоуровневое психологическое образование, которое интегрирует в себе знания, умения, навыки, установки [4, с. 25–26] и способствует восприятию отличий других без возникновения чувства угрозы для себя и социальному конструктивному взаимодействию на основе общечеловеческих ценностей. Мы не рассматриваем толерантность как условие для попустительства и вседозволенности по отношению к сторонам интеракции. На примере сегодняшней ситуации с беженцами в Евросоюзе мы видим, как посыл «гостей» быстро эволюционировал из мирного «мы бы хотели», в более агрессивный - «вы нам должны». Более того, считаем, что понятие «толерантность» в социально-психологическом контексте иногда необходимо заменять на понятие «ассертивность», которое предполагает «субъектное свойство личности, интегрирующее инициативу и готовность к риску в трудных жизненных ситуациях, уверенность в себе и позитивное отношение к другим, способность свободно принимать решения и нести ответственность за их последствия, настойчивость в защите своих прав и достижении жизненных целей, направленных на самораскрытие» [1, с. 120], но при этом оно обязательно должно включать в себя учет интересов и прав других.

Наши эмпирические исследования проводились в Волгограде и области, приграничных районах со стороны России и Казахстана с 2008 г. по 2013 г. поэтапно (при участии А. В. Гусляковой [2], И. А. Минасян). Каждый предыдущий этап служил основанием для гипотез нового этапа. Использовался большой комплекс методик, направленных на исследование параметров общей толерантности, этнической толерантности, социальной дистанции, личностных характеристик, с учетом этнической принадлежности и места проживания. Основные методики: экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова); опросник «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова); модификация метода семантического дифференциала «Диагностический тест отношений» (Г. Солдатова); шкала социальной дистанции (Э. Богардус) [6]. Общая направленность исследований: поиск преобладающих экстернальных (внешних) и интернальных (внутренних) детерминант толерантного поведения. В качестве внешних характеристик учитывались полиэтничность и моноэтничность проживания, в качестве интернальных –мировоззренческие характеристики и психологическое благополучие личности.

На первых двух этапах исследование проводилось в Палласовском районе Волгоградской области, имеющем полиэтнические характеристики (более 60 национальностей) и в Жанибековском практически моноэтническом районе Казахстана (казахов – ок. 90 %, русских – ок. 10 %). Цель данного этапа – установить влияние поли- и моноэтничности на уровень толерантности. Предположение состояло в том, что в условиях полиэтничности понижается уровень толерантности, так как полиэтничность в ряде случаев [6] усиливает тенденцию к этнической гиперидентичности, и как следствие этноизоляционизму и увеличению социальной дистанции. Сопоставлялись характеристики толерантности обеих национальных групп с учетом численного доминирования в районе проживания. Были опрошены 132 человека (58 – Россия и 74 – Казахстан) юношеского возраста, в этническом плане выборки были репрезентативными.

По общему массиву данных были получены следующие статистически достоверные тенденции (p<0,01): этническую толерантность повышают общая (r=0,804), социальная (r=0,341), личностная виды толерантности (r=0,334), позитивная этническая идентичность (r=0,362), близость социальной дистанции по отношению к представителям других наций (r=0,380); понижают — этноэгоизм (r=-0,534), этноизоляционизм (r=-0,440), этнофанатизм (r=-0,326). Таким образом, общее позитивное отношение к себе и другим определяет позитивное отношение к другим с учетом их национальности. Этническая гиперидентичность ожидаемо понижает этническую толерантность.

Следующим важным шагом было сопоставление исследуемых групп по районам и этносам (использовался непараметрический U-критерий Манна-Уитни), в тексте нами приводятся только статистически достоверные различия. Было установлено, что по уровню этнической, общей, социальной, личностной толерантности респонденты обоих районов не различаются, но уровень этноэгоизма оказался несколько выше на российской стороне казахско-российской границы. На казахской же стороне был несколько выше позитивный стереотип по отношению к другой нации.

При сопоставлении групп на российской территории общая, этническая, социальная толерантность казахов оказалась выше, чем у русских. По параметру «личностная толерантность» различий не было. Также в группе русских показатели этноэгоизма, этноизоляционизма и этнофанатизма были выше, чем у казахов.

Казахи по обеим сторонам границы не различались по всем шкалам толерантности, то есть моноэтничность/полиэтничность района не оказала на них влияния. Но при этом у «русских» казахов была выше этническая индифферентность, у «казахских» казахов оказался выше уровень этнофанатизма.

При сопоставлении русских Палласовского района и казахов Жанибековского района как преобладающих по численности было установлено, что у русских ниже уровень общей, этнической и социальной толерантности, ниже выраженность позитивных этнических стереотипов, выше уровень этноэгоизма, этноизоляционизма. В последние годы на территории Палласовского района численность русских пропорционально уменьшается, что может быть одной из причин таких результатов, кроме самой полиэтничности района. Кроме того, значимой проблемой мы считаем размывание русской идентичности и аутентичности, хронологически и политически возникшее после революции 1917 года. Постоянное чувство угрозы своей идентичности приводит к повышению субъективного уровня этноэгоизма. Полагаем, что необходима целенаправленная корректная политика формирования позитивной этнической идентичности русских.

На третьем этапе исследования акцент делался на внутренних причинах толерантности. Исследовались самоотношение и самооценка личности как условие позитивного отношения к другим, толерантности. Было опрошено 100 человек юношеского возраста и 41 человек «продуктивного» возраста (22–64 года), все опрошенные – жители г. Палласовка (русские, казахи, украинцы, немцы, татары, азербайджанцы и др). Дополнительно были использованы: методика «Приписывания качеств» (Д. Кац и К. Брейли); методика косвенного измерения системы самооценок (Е. Т. Соколова, Е. О. Федотова); методика исследования самооценки по Дембо-Рубинштейн; модификация теста двадцати утверждений самоотношения («Кто я такой?) (М. Кун и Т. Мак-Партланд), модификация.

По обшей массе испытуемых этническая толерантность оказалась положительно(p<0,05), но слабо связанной с общей степенью принятия себя (r=0,186), высотой самооценки (r=0,187), устойчивостью самооценки (r=0,190). Была установлена качественная связь между отрицательным самоописанием по методике «Кто я такой?» М. Куна и Т. Мак-Партланда и уровнем выраженности этнической толерантности. Вероятно, здесь срабатывает механизм проекции — при неприятии каких-то своих черт человек проецирует их на других, и легче всего их перенести на непохожих на него самого и соответственно негативно к ним относиться. Нейтральные самоописания коррелировали с толерантностью и позитивной этнической идентичностью.

В целом по выборке более толерантными оказались при сравнении возрастных групп – взрослые, при сравнении по полу – женщины оказались толерантнее мужчин. Для мужчин были также характерны: этническая гиперидентичность, этноизоляционизм, этнофанатизм. При сравнении респондентов по принадлежности к этнически смешанным семьям и этнически однородным было получено различие только по критерию «этническая индифферентность», которая больше характерна для членов смешанных семей. Таким образом, непринятие себя, пол и возраст имеют влияние на уровень толерантности.

Четвертый этап исследования выяснял влияние мировоззренческих установок на толерантность. Были опрошены 50 человек юношеского возраста. Использовались методики, направленные на оценку базовых убеждений в разных областях жизни, доверия, жизнестойкости, религиозности. Межэтническая толерантность устойчиво коррелировала с вовлеченностью в жизнь и деятельность (r=0,388) и жизнестойкостью (r=0,340). Межкультурная и межконфессиональная толерантность также в значительной степени определялись вовлеченностью. При факторном анализе межэтническая, межконфессиональная, межкультурная толерантность и другие ее виды оказались

в одном факторе с жизнестойкостью, вовлеченностью, ценностью Я, низким уровнем манипулятивности. На наш взгляд, это является значимой предпосылкой для более детальных исследований влияния психологического благополучия личности [3] на ее толерантное поведение. Нами были проведены пилотажные исследования с участием различных этнических групп, результаты которых фиксируют, что при более высоком уровне психологического благополучия проявляется более высокая толерантность. Кроме того, мы зафиксировали значительные уровни скрытой интолерантности и тенденции к низкому психологическому благополучию у кавказских этнических групп (кроме армян). Но полученные результаты требуют дальнейшей проверки и большего количества испытуемых.

Толерантность – основа для взаимодействия, предпосылка для эффективного обоюдовыгодного взаимодействия представителей различных культур в едином социально-политическом пространстве при условии сохранения их уникальных черт. Следует отметить, что проявление толерантности невозможно без высокой степени социальной защищенности и уровня благополучия людей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. Воробьева, К. И. Ассертивность как системообразующее свойство субъекта адаптации / К. И. Воробьева // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. Спецвыпуск D. С. 118–124.
- 2. Гуслякова, А. В. Особенности этнической толерантности жителей приграничных районов России и Казахстана / А. В. Гуслякова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12. № 4. С. 57—60.
- 3. Жуковская, Л. В. Шкала психологического благополучия К. Рифф / Л. В. Жуковская, Е. Г. Трошихина // Психологический журнал. -2011. Т. 32. № 2. С. 82–93.
- 4. Зимняя, И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании / И. А. Зимняя. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов. 2004. С. 25–26.
- 5. *Лобас, М. А.* Особенности психологической адаптации детей-мигрантов к русскоязычной школе : автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. Социальная психология / Лобас М. А. Ярославль, 2002. 18 с.
 - 6. Психодиагностика толерантности личности / под ред. Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой. М.: Смысл, 2008.
- 7. Почебут, Л. Γ . Межкультурная коммуникативная компетентность как выражение человеческих отношений / Л. Γ . Почебут // Психологический журнал. -2013. Т. 34. № 4. С. 5–16.
- 8. *Самчук, М. М.* Динамика численности и этнического состава населения Волгограда и Волгоградской области в межпереписной период 2002–2010 гг. / М. М. Самчук, Е. В. Ануфриева // Известия ВолгГТУ: межвуз. сб. науч. ст. № 2 (155) / ВолгГТУ. Волгоград, 2015. Вып. 20.

УДК 378 ББК 74.58

О. Д. Руссу¹, И. В. Султанова²

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВУЗА С УЧЕТОМ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Международный юридический институт (Волжский филиал)

E-mail: od russu@mail.ru, irina sultanova@mail.ru

В статье рассматриваются особенности реализации образовательного стандарта в условиях полиэтнического состава обучающихся, а также проблемы интеграции различных этнических групп в образовательное пространство российского вуза.

Ключевые слова: полиэтническая образовательная среда, адаптация, интеграция, этнос.

O. D. Russu, I. V. Sultanova

ON DEVELOPING HIGHER EDUCATION ENVIRONMENT WITH REGARD TO THE STUDENTS' NATIONAL IDENTITIES

International Law Institute (Volzhsky affiliate)

The article deals with the issue of implementation of the educational standard in the multi-ethnic context, and the problem of integration of various ethnic groups into the Russian higher education environment.

Keywords: multi-ethnic educational environment, adaptation integration, ethnic group.

Россия всегда была и будет одной из самых многонациональных стран мира. Сегодня трудно назвать число народностей, проживающих на территории РФ. Одновременно экономические, со-

[©] Руссу О. Д., Султанова И. В., 2015

циальные изменения, произошедшие за последние несколько десятилетий, вызвали миграцию в Россию нерусскоязычного населения. При этом часть мигрантов практически не знала русского языка до приезда в Россию. По национальному составу в современных российских вузах учатся грузины, азербайджанцы, таджики, казахи, чеченцы, дагестанцы, чуваши, татары и т. д. Часть студентов имеет статус иностранного гражданина, однако большая часть имеет российское гражданство. И сегодня вузам приходится реализовывать российский образовательный стандарт в условиях полиэтнического состава обучающихся. Сложность реализации образовательного процесса заключается в том, что современный вуз не всегда учитывает этнические особенности студентов (менталитет, особенности языка, вероисповедание и пр.). Если для иностранных граждан предусмотрена разработка специальных программ довузовской подготовки, позволяющих адаптироваться к новым условиям, то у лиц, имеющих российское гражданство, данная возможность отсутствует.

При всем многообразии этносов Россия представляет собой единое государственное образование. «Тысячелетнею историческою работою создалась Россия как единая, независимая и великая держава» [3, 2]. Особенность многонационального характера русской государственности заключается в том, чтобы «не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь; не задушить иноплеменную и инославную жизнь; а дать всем жизнь, дыхание и великую родину... Создать духовную, культурную и правовую родину для всего этого разноголосого человеческого моря; всех соблюсти, всех примирить, всем дать молиться по-своему, трудиться по-своему, и лучших отовсюду вовлечь в государственное и культурное строительство» [1]. Национальное согласие — это долгая и кропотливая работа общества и государства в целом, требующая не просто мудрых и взвешенных решений, способных обеспечить соблюдение взаимных обязательств, но и поиск общих для всех этносов ценностей, базовых знаний и представлений. Огромная роль в этом процессе отводится образованию.

Современный вуз выступает в качестве особой полиэтнической интегрирующей среды, создающей условия для профессионального развития, а также осуществляющей социализацию и самореализацию личности обучающегося. В качестве необходимых компонентов структуры образовательной среды вуза можно выделить:

- *пространственно-предметный*, включающий в себя материально-техническое обеспечение вуза; символику образовательного учреждения и т. д.;
- *содержательно-методический*, связанный с методическим обеспечением, формами и методами организации образовательного процесса;
- коммуникационно-организационный, включающий в себя взаимодействие субъектов образовательной среды, учитывающий половозрастные, национальные и иные особенности участников образовательного процесса.

К основным функциям полиэтнической образовательной среды вуза можно отнести:

- этнокультурное просвещение (знакомство с особенностями национальных культур);
- гуманистическую функцию (формирование этнической, религиозной, гендерной толерантности и т. д.);
- функцию социальной адаптации, способствующую интеграции различных этносов в культурное пространство России с сохранением собственной национальной идентичности.

Необходимой составляющей обеспечения качественной подготовки студентов в условиях полиэтнической образовательной среды выступает выявление социально-психологических проблем, которые возникают у студентов иных национальностей в обучении и адаптации в российском вузе.

Для диагностики обозначенных проблем были использованы эмпирические методы, включая опросы, наблюдение, контент-анализ. Диагностика проблем осуществлялась на основе опросов группы респондентов Волжского филиала Международного юридического института:

- администрации и преподавателей;
- студентов иных национальностей;
- сокурсников русских студентов.

Все опросы носили анонимный характер, поскольку ответы на вопросы, касающиеся сферы межэтнических и межконфессиональных отношений, нередко приобретают нежелательную остроту. Поэтому и к вопросу составления анкеты также приходилось подходить с особой осторожностью, чтобы не создавать конфликтную ситуацию.

Анализ диагностических данных показал, что первая проблема, с которой сталкиваются студенты, приехавшие в наш регион из стран СНГ, из республик РФ, – недостаточный уровень знания

русского языка. Это не только препятствует общению с сокурсниками, но и создает трудности в обучении. Основными формами организации процесса обучения в российских вузах остаются лекция, семинары, практические занятия с использованием интерактивных методов. Следовательно, студентам, не владеющим русским языком в необходимом объеме, достаточно трудно понять смысл специальных терминов, усвоить лекционный материал, а затем воспроизвести его в устной и письменной форме. Особую сложность вызывает подготовка к таким формам проведения занятий, как дискуссия, диспут, круглый стол, ролевая игра и пр. Неотъемлемой составляющей образовательного процесса в вузе является научно-исследовательская деятельность, серьезным препятствием к осуществлению которой становится незнание русского языка. За пределами аудитории студенты продолжают общаться между собой на своем родном языке, что опять же не способствует улучшению знаний русского языка.

С проявлением обозначенной проблемы можно столкнуться при изучении иностранных языков, являющихся неотъемлемой составной частью федерального компонента программ подготовки бакалавров. Практика показывает, что студенты способны овладеть такими видами речевой деятельности, как письмо и чтение, и испытывают большие трудности при обучении аудированию и говорению. Кроме того, объяснение грамматического материала осуществляется с опорой на русский язык. Поверхностное знание грамматики русского языка не позволяет сформировать коммуникативные навыки в соответствии с требованиями федерального образовательного стандарта.

Все это приводит к низкой успеваемости, затрудняет освоение приобретаемой специальности (в ряде случаев до самых последних курсов обучения).

В целях решения обозначенной проблемы целесообразно пересмотреть методическую стратегию и систему обучения в соответствии с дифференцированными коммуникативными потребностями этносов, а также разработать методические пособия, целенаправленно учитывающие культурно-психологические национальные особенности целевой аудитории вуза.

Не менее серьезная проблема – адаптация данных студентов к иному режиму, формам и методам учебной работы. Практика показывает, что такие студенты при вхождении в новую культуру испытывают более серьезные трудности с адаптацией и подвержены большим стрессам при внедрении в студенческую жизнь, что может в некоторой степени способствовать девиантному поведению. Более того, языковой барьер, различность менталитетов приводят к тому, что студенты предпочитают общаться с представителями своих этнических групп и не находят общий язык с русскоязычными сокурсниками. В некоторых случаях это связано с недостатком информации, искаженном представлением об иных культурах, наличием стереотипного восприятия, что, несомненно, отражается на адаптационных процессах. Кроме того, процесс адаптации осложняется тем, что представители иных этносов и народностей попадают в чуждую им психологическую и социокультурную среду с иным менталитетом, нормами общения, поведения, традициями обучения и т. л.

Облегчить процесс адаптации возможно за счет внеаудиторной работы, внеучебного общения с преподавателями, привлечения к совместной научно-исследовательской, творческой деятельности. Основу подобного взаимодействия может составить институт кураторов, обладающих знаниями культурных традиций, особенностей менталитета, стереотипов поведения, принятых в обществах, из которых прибыли их подопечные. С учетом обозначенных проблем целесообразно привлекать к работе специалистов из разных областей: психологов, руководителей национальных диаспор, общин, проживающих на территории региона, представителей миграционной службы, музейных работников.

Согласно полученным результатам опроса, наибольшую поддержку и помощь в процессе приспособления оказывают соотечественники, успешно прошедшие стадии интеграции в новое сообщество.

Кроме того, успешная реализация адаптационных программ в вузе возможна на принципах личностно-ориентированного и дифференцированного обучения. Следует отметить, что использование электронных образовательных ресурсов, применение дистанционных технологий обучения или их элементов существенно расширяет возможности соблюдения этих принципов, позволяет продуктивно организовать самостоятельную работу студентов по восполнению выявленных пробелов, учесть при этом их индивидуальные особенности и уровень подготовки, объединить различные источники информации (справочную, учебную, учебно-методическую, научную и научно-

популярную литературу, видеоуроки и видеолекции, фильмы и т. д.), осуществить поэтапную и итоговую проверку знаний студентов данной группы, выработать рекомендации для дальнейшей самостоятельной деятельности.

Таким образом, работа со студентами-представителями иного этноса не сводится к проведению отдельных мероприятий по диагностике и адаптации. Модель полиэтнической интегрирующей образовательной среды вуза должна быть ориентирована на проведение постоянного, системного мониторинга профессионального развития студентов данной группы, оценки результатов учебной деятельности, уровня самостоятельности, характера взаимоотношений со всеми участниками образовательного процесса, отношения и интереса к принимающей стороне, ее культурным особенностям, условий обучения, учета возможных факторов риска, которые могут препятствовать осуществлению качественного учебно-воспитательного процесса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. *Ильин, И. А.* О России. Три речи. 1926–1933/ И. А. Ильин. Чехов, «Российский Архив», 1995 / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info
 - 2. *Ильин*, *И*. *А*. О русском национализме / И. А. Ильин. М., Российский Фонд культуры, 2006. 152 с.
 - 3. Соловьев, Вл. Национальный вопрос в России / В. Соловьев. М., АСТ, 2010. 268 с.

УДК 159.9 ББК 88.5

А. В. Черняева

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ВОСПИТАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Волгоградский аграрный государственный университет

E-mail: AMBA81@mail.ru

Статья посвящена анализу оснований тезиса о возможности использования понятий образа камня как объекта исследований воспитания и развития личности.

Ключевые слова: камнетерапия, образ камня, архетип, воспитание.

A. V. Chernyaeva

PSYCHOLOGICAL CONDITIONS OF EDUCATION AND PERSONAL DEVELOPMENT

Volgograd State Agrarian University

Article is devoted to the analysis of the bases of a thesis about the use of the concepts of the image of the stone as an object of research education and development of personality.

Keywords: stone therapy, the image of the stone, the archetype, education.

Не воспитывайте детей, все равно они будут похожи на вас. Воспитывайте себя. Английская пословица.

Воспитание является одной из универсальных категорий культуры у всех народов и находит свое отражение в экзистенциальной парадоксальности события людей, по М. М. Бахтину. Вследствие семейного воспитания любое слово, высказывание, движение безраздельно и полностью принадлежащие родителю, в значительной степени сопринадлежат ребенку.

Обретение себя на предметно-целевом, ценностно-смысловом и духовно-нравственном единстве между родителями и детьми становится единицами психологического анализа качественных характеристик семьи. Такое взаимодействие обусловливает внутренние условия функционирования семьи, где особый интерес в контексте направления работы психолога с семьей отдается единству характеристик: социокультурных (степень знакомства, владение социальным, языковым и этнокультурным контекстом родства), социальных (уверенность в себе, желание взаимодействовать с другими, способность поставить себя на место другого и справляться с ситуациями, сложившимися в семье и социуме) и психологических (потенциал, ресурсы, учет психологии партнера, свобода от психологических трудностей и проблем общения, способность их преодолевать).

[©] Черняева А. В., 2015

Все названные и кратко описанные виды характеристик интегрируются понятием реконструкции модели мира обратившейся к психологу личности через выявление жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящих свое отражение на уровнях поведения, через восприятие речи обратившегося.

Главным в работе психолога становятся способность учитывать в общении «фактор адресата» родитель – ребенок. Она проявляется через готовность производить рациональное размещение элементов высказывания во времени и пространстве; управлять общением и целенаправленно строить высказывания, достигающие заданного эффекта (мера воздействия); умение оперировать различными сленгами, присутствующими в разговорной речи конкретного клиента (с каждым говорить на его языке); готовность убедительно высказаться публично; готовность соотносить интенции, мотивы, запрограммированные смыслы; готовность продуктивно пользоваться метафорой в психотерапевтических целях.

Работа психолога на ценностно-смысловом уровне должна опираться на обогащение чувственного опыта человека с эстетическим познанием мира, что, в свою очередь, обеспечит развитие нравственно-духовного уровня.

Средства камнетерапии, в частности, метафорические ассоциативные карты с изображением образа камня служат дополнением к другим арт-терапевтическим методам, основанным на творческой активности

Прежде чем непосредственно обратиться к рассмотрению ассоциативного ряда с образом камня, обратимся к вопросу о степени разработанности средств камнетерапии в психологической литературе. Вопросы, связанные с психологическими условиями воспитания и развития личности разных возрастных групп средствами камнетерапии, определения наиболее эффективных форм и инструментария, способствующего коммуникативно-личностному развитию, в научной литературе еще не раскрыты. Выявить программы психологического сопровождения клиентов, имеющих коммуникативно-личностные проблемы, средствами камнетерапии в исследованиях отечественных и зарубежных психологов не удалось.

Камнетерапия представляет собой невербальную форму психокоррекции, где основной акцент делается на творческом самовыражении человека, благодаря которому на бессознательно-символическом уровне происходит снятие внутреннего напряжения и поиск путей развития. Метод базируется на сочетании невербальной (процесс построения композиции) и вербальной экспрессии человека (рассказ о готовой композиции, сочинение истории, раскрывающий смысл композиции).

Компенсаторное значение камнетерапии для человека имеет особенно важное значение, поскольку в этом случае истолкование образов с позиции личного опыта было бы трудным – слишком много влияющих условий; бесспорно, это «коллективные образы», сходные отчасти с тем, чему обучали молодое поколение в первобытных племенах, вводя в ритуал культа камня, в котором значение камня рассматривалось как трансформация жизни и смерти в вечную жизнь. Хотя специфическая форма их проявления у каждого народа индивидуальна, они всегда соответствуют одной общей схеме личностной природы, которая сопровождается коллективным созданием давно забытых психических источников человеческого образа действий и аккумулирования личного опыта и впечатлений [1].

Воспитание личности и ее развитие является комплексным процессом, требующим системного подхода и серьезных вложений времени и усилий со стороны семьи, психологов и общества в целом. Традиционно психологическая помощь людям с коммуникативно-личностными проблемами начинается с программ психологического сопровождения для поддержки «перевернутой» системы взаимоотношений, в которых происходит сдерживание позитивного развития коммуникативного потенциала.

Психологическое сопровождение предполагает свободу выбора ориентиров в содействии коммуникативной активности, где при создании определенных психологических условий личность человека успешно развивается.

Метафорические ассоциативные карты с изображением образа камня связаны с осмыслением фрагментов окружающей человека действительности и отображением этого процесса на этапе реконструкции модели мира через выявление жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящих свое отражение на уровнях поведения. Этимология образа камня свидетельству-

ет о том, что древнее номинальное значение возникновения в сознании людей символизма, связанного с понятием «камень», исходит из установления связи между телом и духом, при этом значение обладало гораздо большим смыслом относительно действительности своего простого существования. Так, в древнегреческом мифе камень занимает место верховного бога, в греческой легенде о всемирном потопе Девкалион и Пирра создают из камня новый человеческий род, в христианской символике прослеживается связь с древнееврейским смертельным приговором окаменения, в средневековье камень служил не просто строительным материалом, а был признаком звания мастера и снабжался личными отметками, применялся в иконографии (изображения Св. Стефана, Св. Иеронима) и контактной магии, в символике алхимии камень соотносится с идеями трансформации скрытых сил «к истинному себе».

К. Г. Юнг, размышляя об архетипе, подчеркивает, что он есть структурная основа для создания определенной мифологемы, в свою очередь, архетипический образ является специфической формой ее отражения [2]. Основная задача — обозначить круг проблем, связанных с архитипом «камня», и дать приблизительное описание его аспектам. Истолкование в строгих формулировках в принципе невозможно, потому как этого не позволяет сама природа архетипа.

На практике архетип «камня» говорит о том, что на ожидания времени не осталось, он также может указывать на то, что знакомое и привычное осталось позади, теперь человек преисполнен решимости и смелости и готов вступить в новый этап жизни, открыть для себя новый мир и наблюдается в вызываемых терапевтически процессах индивидуации. Для клиента особое значение имеет его собственное переживание свершающихся в его психике перемен.

В связи с общим понятием К. Г. Юнга об архетипе как нерушимом, существующем во все времена, но требующем нового истолкования и постоянно изменяющем свою форму элементе бессознательного, архетип «камня» представлен в психологической картине мотивами начала и конца через различные категории опыта и разума.

Камень во многих культурах является символом божественной власти или ее присутствия (древнегреческая, христианская, мусульманская символика и др.), средством коммуникации (австралийские аборигены), обладает религиозно-символическим значением (Керкур – Северная Африка, Обо – Центральная Азия и др.), рассматривается в качестве конечной цели стремления («философский камень»), при этом затрагиваются как осознаваемые, так и неосознаваемые психические процессы. Необходимо пояснить, что на самом деле такое заимствование значений понятия «камень» подразумевает психическое, физическое и интеллектуальное формирование личности.

В соответствии с результатами краткого анализа воспитание и личностное развитие можно определить как процесс становления целостного коммуникативного облика личности в совокупности характеристик коммуникативной компетентности, способностей общения и личностных качеств, а также психологической готовности преодолевать барьеры и трудности общения и взаимодействия. Названная совокупность характеристик актуализируется через применение метафорических ассоциативных карт с образом камня, что обеспечивает психологические условия в работе с семьей и дает возможность максимально использовать и реализовать потенциал воспитания и развития личности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. *Черняева*, *А. В.* Социокультурные и психологические предпосылки камнетерапии как объекта психической реальности / А. В. Черняева // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. № 7. С. 107–120.
- 2. Юнг, К. Г. Структура психики и архетипы / Карл Густав Юнг; пер. Т. А. Ребеко. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2009. С. 6.

УДК 378.046.4 ББК 74я73

В. Ю. Розка

ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОПЕДЕВТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА «ПЕДАГОГ» В ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)

Волгоградская государственная академия последипломного образования

E-mail: RozkaVU@yandex.ru

Статья посвящена подготовке педагогов к внедрению профессионального стандарта «Педагог» сквозь призму гендерного подхода к организации дополнительного профессионального образования педагогов на курсах повышения квалификации.

Ключевые слова: гендерный подход, гендерная компетентность педагога, дополнительное профессиональное образование педагогов, пропедевтика, профессиональный стандарт «Педагог».

V. U. Rozka

ORGANIZATIONAL AND METHODOLOGICAL SUPPORT OF PROPEDEUTICS OF PROFESSIONAL STANDARD "TEACHER" IN VOCATIONAL EDUCATION (GENDER ASPECT)

Volgograd State Academy of postgraduate education

The article is devoted to the training of teachers for implementation of the professional standard "Teacher" through the prism of gender approach to the organization of additional professional education of teachers on training courses.

Keywords: gender approach, gender competence of a teacher, additional trade education of teachers, propaedeutic, the professional standard "Teacher".

Профессиональный стандарт «Педагог» утвержден приказом Минтруда и соцзащиты России от 18.10. 2013 № 544н, но вводится в действие с 1 января 2017 года [1], что дает возможность педагогическому сообществу подготовиться к его полномасштабному внедрению. На занятиях по программам повышения квалификации и профессиональной переподготовки в Волгоградской академии последипломного образования педагоги изучают профессиональный стандарт «Педагог» в порядке его пропедевтики.

Как подчеркивает А. Н. Кузибецкий, для осуществления трудовых функций требуется, чтобы у учителя (воспитателя) были сформированы *профессионально-личностные новообразования*, обусловливающие владение педагогическими деятельностями, посредством выполнения которых осуществляются трудовые функции. Это могут быть такие профессионально-личностные новообразования, как: *ориентировка* в педагогической деятельности, *готовность* к педагогической деятельности, *компетентность* в сфере педагогической деятельности» [2].

Схема представления составных трудовых функций и соответствующих видов педагогических деятельностей включает следующие структурные элементы: необходимые знания \rightarrow необходимые умения \rightarrow трудовые действия \rightarrow другие характеристики. В этой схеме структурный элемент «Другие характеристики» во всех случаях неизменен и означает «Соблюдение правовых, нравственных и этических норм, требований профессиональной этики», что требует от педагога готовности и способности при проектировании образовательной ситуации учитывать социокультурный конструкт – гендер.

Необходимые умения отражают *степень владения способами выполнения трудового действия* — на уровне ориентировки в способе, либо готовности применить способ (когда учитель или воспитатель не застрахован от ошибок), или на уровне компетентности в осуществлении избранного способа выполнения трудового действия — оптимально и гуманитарно в конкретных условиях несмотря на их неопределенность.

В зависимости от уровня квалификации учитель (воспитатель) выбирает тот или иной способ выполнения трудового действия и демонстрирует определенную степень владения им, принимая во внимание социально сконструированные модели поведения – фемининные, маскулинные, андрогинные.

[©] Розка В. Ю., 2015

Трудовое действие для успешного выполнения требует надежной ориентировочной основы, наилучшим образом подходящего способа осуществления действия и четкого понимания учителем (воспитателем), какие шаги (операции) и в какой последовательности следует осуществить в рамках определенного трудового действия и как это лучше всего сделать в данных конкретных условиях, то есть проявления компетенции определенного вида.

В личностию-компетентностиюй модели (В. В. Сериков), сторонником который мы являемся, компетенция рассматривается как структурная единица компетентности, которая обеспечивает возможность эффективно взаимодействовать с окружающим миром в той или иной области. Чтобы говорить о компетентности в целом, необходимо перечислить соответствующие ей компетенции. Состав компетенций включает: представления о смысле деятельности (работы); культурный уровень обучающегося; познавательные и эвристические способности; ориентировку в сферах производства и социальной организации труда; информационную компетенцию; компетенцию в деловых и межличностных контактах; компетенцию самосовершенствования [3].

Отмеченные профессионально-личностные новообразования (*ориентировка* в педагогической деятельности с учетом гендерного подхода к обучению, *готовность* к педагогической деятельности в соответствии с его принципами, гендерная *компетентность* в сфере педагогической деятельности) могут сформироваться у учителя (воспитателя) лишь в организованных процессах непрерывного педагогического образования. В контексте профессионального стандарта «Педагог» цель этих процессов создать условия учителям (воспитателям) для выработки, в конечном счете, гендерной компетентности в сфере педагогической деятельности на основе овладения педагогическими компетенциями.

Современным педагогам в рамках типичного для российской системы образования многообразия обучающихся следует овладевать психолого-педагогическими технологиями адресной работы с различными детьми, приходящими в их региональную систему образования [4]. Речь идет об их способности и готовности оказывать адресную помощь учащимся с учетом их особенностей, потребностей и ситуации развития, включая гендерный аспект социализации.

В настоящее время в тексте профессионального стандарта «Педагог» не отражена необходимость учета учителями (воспитателем) гендерных различий учащихся, в которых проявляется специфика их социализации.

Мы предлагаем текст раздела A/03.6 (Развитие/Развивающая деятельность) профессионального стандарта дополнить материалом, конкретизирующим требования, предъявляемые к педагогу в области гендерного подхода к обучению.

«Педагогическая компетенция в сфере осуществления обучающей и воспитательной деятельности с учетом гендерной самоидентификации личности»:

Базисное трудовое действие: «Освоение и применение психолого-педагогических технологий (в том числе инклюзивных), необходимых для адресной работы с различными контингентами учащихся».

Дополнительные необходимые знания: природы гендерных стереотипов; специфики гендерно окрашенных затруднений в обучающей и воспитательной деятельности учителя; смысла и характеристик понятия «гендер»; сущности гендерно равноправного взаимодействия с субъектами обучающей и воспитательной деятельности.

Дополнительные необходимые умения: владение способами выбора учителем профессиональной позиции носителя идей гендерно равноправного взаимодействия в обучающей и воспитательной деятельности с различными контингентами учащихся; личностно-профессионального развития для преодоления учителем гендерно окрашенных затруднений в обучающей и воспитательной деятельности; построения гендерно равноправного взаимодействия в обучающей и воспитательной деятельности с различными контингентами учащихся.

Многолетняя практика доказала, что *проблемная лекция* в системе дополнительного профессионального образования (ДПО) выступает одним из наиболее эффективных средств формирования у слушателей курсов повышения квалификации представления о гендерно равноправном поведении. Основная задача лекции подобного вида — раскрытие смысла гендерно окрашенных противоречий, характеристика природы гендерных стереотипов и путей коррекции поведения педагога в повседневной работе. Педагоги как слушатели курсов повышения квалификации в результате

совместной работы с андрагогом «открывают» для себя новые знания, актуализируют рассматриваемые на учебном занятии научные проблемы, описывая их в понятиях собственной повседневной практики.

Набор образовательных ситуаций, позволяющих организовать комплексную проблемную лекцию в системе дополнительного профессионального образования: *ситуация-оценка* — описывает положение, выход из которого в определенном смысле уже найден. Проводится проблемный анализ ранее принятых решений, что определяет опыт педагога в применении технологий диагностики причин конфликтных ситуаций, их профилактики и разрешения.

Четыре позиции педагога на занятии, организованном таким образом: 1) отстраненный наблюдатель (обыватель: так есть и так было, так будет всегда); 2) пассивный участник (модель поведения: предъявленная на занятии ситуация не видится мне проблемой, требующей моего вмешательства, со своими проблемами разобраться бы; дождусь предъявления варианта решения, приму, если посчитаю для себя близким); 3) сомневающийся участник (модель поведения: так ли все, как представлено в учебной ситуации? А может, попробовать занять иную позицию? Выигрываю ли я от выражения своего отношения ситуации?); 4) рефлексирующий участник (модель поведения: с помощью каких средств я определяю свою позицию в решении поставленной проблемы? Какие шаги я предприму, чтобы внести коррективы в свою повседневную работу?).

Акмеологическое восхождение педагога, обучающегося в системе ДПО, может рассматриваться в двух аспектах: от пассивного и отстраненного восприятия информации к активному, включенному в деятельность, участнику; от *объекта* воздействия информационных потоков к *субъекту*, готовому осмысленно и заинтересованно искать причины педагогических затруднений, умеющему строить конструктивный диалог с Другим.

Ситуация-иллюстрация, переходящая в ситуацию-оценку (гендерный дисплей – «прокрустово ложе» как средство построения оценки поведения индивида и как инструмент в руках учителя – что можно увидеть, что изменить, как помочь ученику выйти из затруднения, как изменится повседневный опыт педагога, если он это будет учитывать?). Как итог – разработка и реализация (при необходимости) индивидуального образовательного маршрута и индивидуальной программы развития учащихся.

Личностно-развивающее образование, подчеркивает В. В. Сериков, «побуждает к созданию собственного опыта – опыта смыслов, опыта обретения самого себя, овладения собой» [5], что невозможно без учета фактора пола учащихся. И проблемная лекция как средство доказательства этого выглядит убедительно.

Оценку готовности педагога к исполнению базисных трудовых действий профессионального стандарта «Педагог», уточняемых положениями гендерного подхода к обучению, предлагаем проводить в следующих формах:

- разработка и защита модели или решения педагогической задачи, требующей выполнения трудового действия с учетом гендерного фактора обучающихся (осуществления педагогической компетенции);
- разработка и защита (обоснование) карт-рекомендаций, направленных на проектирование гендерно-равноправного взаимодействия участников образовательной деятельности;
- защита решения педагогической задачи, предъявляющей педагогу компетентность, соответствующую оцениваемому уровню его личной гендерной культуры и определения перспектив ее развития;
- собеседование по результатам анализа уроков, отражающим определенный уровень личностно-профессионального развития педагога во взаимосвязи с уровнем квалификации, предъявляемой профессиональным стандартом «Педагог».

Обретение педагогом опыта учета гендерного подхода к обучению требует от него как от личности, помимо волевого усилия (желания, потребности), еще и способности к оценке и самооценке, порой критической, своего поведения в конкретных профессиональных ситуациях, переосмысления мотивов своих действий, т. е. работы над собой. Поэтому, актуализируя проблему организационно-методического сопровождения пропедевтики профессионального стандарта «Педагог» с учетом гендерного подхода, мы получаем возможность создать «поле действия», когда проблема гендерного равноправия как его составная часть перестанет быть лишь академической, т. е. рас-

сматриваемой в учебной ситуации, а выйдет в реальную жизненную практику учителя (воспитателя), наполняя метапредметностью его профессиональную компетентность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 октября 2013 г. № 544н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, основного общего образования) (воспитатель, учитель)» // Электронный ресурс: URL// http://www.rg.ru/2013/12/18/pedagog-dok.html
- 2. Кузибецкий, А. Н. Руководитель образовательной организации: содержание предмета труда и условия его гуманитарного осуществления в информационном обществе: монография / А. Н. Кузибецкий, Волгоград: Изд-во ВГАПКи-ПРО, 2013. С. 350—351.
 - 3. Сериков, В. В. Общая педагогика. Избранные лекции / В. В. Сериков. Волгоград : Перемена, 2004.
- 4. *Столярчук, Л. И.* Методологические ориентиры гендерного подхода в образовании / Л. И. Столярчук // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. «Педагогические науки». 2014. № 6 (91). С. 28.
- 5. Сериков, В. В. Развитие личности в образовательном процессе: монография / В. В. Сериков. М.: Логос, 2012. С. 295.

УДК 51:371.31 ББК 74.20

И. В. Аксютина

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА КАК СРЕДСТВО ВОВЛЕЧЕНИЯ УЧАЩИХСЯ В ТВОРЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Астраханский инженерно-строительный институт

E-mail: aksyutina@mail.ru

В данной статье рассматривается активизация самостоятельной деятельности учащихся в процессе изучения геометрического материала. Приводятся конкретные примеры, иллюстрирующие содержание и методику организации работы с учащимися с целью развития самостоятельности учеников как составной части их творческой активности.

Ключевые слова: творческая деятельность; самостоятельная работа; математика; методика; процесс обучения.

I. V. Aksyutina

INDEPENDENT WORK AS MEANS INVOLVEMENT OF STUDENTS IN THE CREATIVE ACTIVITY

Astrakhan Institute of Civil Engineering

This article discusses activation of independent activity of the students in the study of geometric material. Considers specific examples to illustrate the content and the methodology of work with students to develop independence of students as part of their creative activity.

Keywords: the creative activity; independent work; mathematics; methodology; learning process.

Самостоятельная работа учащихся является неотъемлемым элементом процесса обучения. Во всех случаях, когда учитель хочет особенно активно развивать учебную самостоятельность учеников, умение рационально учиться, он отдает предпочтение методам самостоятельной работы, которые доминируют в сочетании с другими методами обучения, оттеняя самостоятельную активность учеников в их применении.

Использование отдельных приемов, средств обучения, видов самостоятельных работ только частично решает проблему формирования творческой деятельности учащихся в процессе обучения математике, в частности, геометрии. Поэтому необходимо построение совокупности самостоятельных работ, направленной на формирование творческой личности школьников. Данная совокупность работ позволила бы не только обучать геометрии, но и вовлекать учащихся в творческую деятельность, развивать их творческую активность.

При систематическом проведении самостоятельной работы у учащихся вырабатывается психологическая установка на познавательную самостоятельность, формируются необходимые познава-

[©] Аксютина И. В., 2015

тельные умения, желание и способность самостоятельно овладевать знаниями и применять их в разнообразной учебной и общественной практике.

При построении совокупности самостоятельных работ, направленной на формирование творческой деятельности учащихся, нами использовались различные виды самостоятельных работ, основными из которых являются: расчетные и аттестационные проекты; конструктивные задачи [1]; логические задачи [2]; задания на составление задач и конструирование вопросов; иллюстративнопрактические работы; активные формы работы с источниками знаний [3].

В данной статье мы более подробно остановимся на расчетных и аттестационных проектах.

Расчетные проекты

Расчетный проект состоит из блока родственных заданий, объединенных одной математической идеей или проблемой. Каждая задача из такой серии «высвечивает» отдельную грань исследуемой проблемы. Сама же серия позволяет ее всесторонне изучить. Необходимо сообщить учащимся проблему, в связи с которой приводится группа заданий. Ее нужно сформулировать по возможности в краткой, выразительной форме, способной заинтересовать учащихся, нацелить их на работу. В расчетный проект может входить не одна, а несколько проблем по одной теме. Приведем пример.

Расчетный проект для учащихся 7-х классов по теме «Смежные углы».

Проблема 1. Как уравнения помогают решать геометрические задания?

1. По рис. 1 составьте задачу, в которой бы требовалось найти величины смежных углов. Решите ее.

х°**+ 40**° х° рис. 1

2. Составьте задачу на нахождение величин смежных углов, которая бы сводилась к решению уравнения x + (x - 20) = 180. Решите ее.

3. Составьте задачу на нахождение величин смежных углов, которая бы сводилась к решению уравнения x + 5x = 180. Решите ее.

Проблема 2. Как вычисления подсказывают геометрическую закономерность?

4. Смежные углы равны α и $180^{\circ} - \alpha$ (рис. 2).

Над этими величинами выполним следующие действия:

1)
$$\frac{\alpha}{2}$$
; $\frac{180^{0} - \alpha}{2}$; 2) $\frac{\alpha}{2} + \frac{180^{0} - \beta}{2} = 90^{0}$. Получили угол, равный 90°.

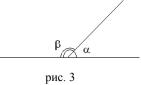
180 – α puc. 2

Что это за угол? Изобразите его на данном рисунке. Какую геометрическую закономерность вы заметили? Сформулируйте ее.

5. Пусть α и β – смежные углы (рис. 3). Пусть угол α изменяется в границах от 0° до 60° . В каких границах изменяется при этом угол β ?

Проблема 3. Сколько данных должно быть в задаче?

6. Один из смежных углов больше другого на 60°, или в 2 раза. Найдите эти углы. Нет ли в задаче лишних данных? Составьте задачу без лишних данных (возможны разные варианты). Решите ее.

- 7. Один из смежных углов больше другого на 60° или в 3 раза. Найдите эти углы. Нет ли в задаче лишних данных? Не противоречат ли они друг другу? Составьте задачу, не имеющую указанных недостатков (возможны различные варианты). Решите ее.
- **8.** Один из смежных углов больше другого на некоторую величину. Найдите эти углы. Хватает ли данных для решения задачи? Дополните условие задачи какими-либо данными и решите ее.

Проблема 4. Всегда ли выручает аналогия?

- **9.** Один из смежных углов увеличился на 35° (уменьшился на 10°). Как изменился второй угол?
- **10.** Один из смежных углов увеличился в 3 раза (уменьшился в 2 раза). Как изменился второй угол?

Следует отметить, что развивающий эффект дает не столько та или иная отдельная задача, сколько вся серия задач расчетного проекта целиком. Поэтому нельзя такие задачи решать «вразброс», перескакивая через те или иные задания. После выполнения заданий подводится краткий итог, дается ответ на вопрос, поставленный в проблеме. Важно точно представлять, какие качества

ума развивает та или иная задача. С учетом этого должно строиться основное направление поиска ее решения.

Аттестационные проекты

Аттестационный проект является наиболее трудоемким домашним учебным исследованием, поэтому возможна как индивидуальная, так и групповая форма работы над выполнением проекта. Под учебным проектом мы подразумеваем вид творческой работы учащихся, в котором предлагается разработка замысла, идеи, детальное рассмотрение практической задачи, лабораторное исследование и т. д., оформление результатов работы и защита проекта. Темы учебных проектов учащиеся могут предлагать сами, участвуя в коллективном обсуждении, или выбирать предложенные учителем.

В процессе защиты ученик не воспроизводит полностью работу, а кратко излагает содержание, опираясь на иллюстративные материалы (наглядные пособия, фреймы, модели), подробно останавливаясь на наиболее существенных моментах, выявленных или разработанных самостоятельно.

По окончании сообщения автора (авторов) задаются вопросы.

При оценке работ учитываются: актуальность темы; уровень раскрытия проблемы; степень самостоятельности рассмотрения проблемы; широта и характер использования источников; грамотность изложения.

Выполнение учащимися учебного проекта предусматривает разнообразные методы и формы учебной работы, поскольку достижение основной цели проекта предполагает решение частных задач. При этом осуществляется личностно-ориентированный подход к организации такой учебной деятельности, когда участник проекта разрабатывает отдельную его часть с учетом своих склонностей и интересов.

Например, выполнение учебного проекта по теме «Многоугольники» обусловливает поисковоисследовательскую деятельность ребят в таких направлениях, как история (написание математического сочинения «Легенды об Архимеде»), математика (рассмотрение разнообразных способов решения задач), социология (определение тематики и самостоятельное составление задач), информатика и художественный дизайн (оформление, создание компьютерной презентации полученных результатов исследовательской работы). Подготовка к учебному проекту позволяет установить наличие глубокого интереса ученика к затронутому вопросу, настойчивости в достижении поставленных задач, желания и умения преодолевать затруднения, а при выступлении выявить умения аргументированно давать ответы на поставленные вопросы, увидеть интерес слушателей к выступлению, что, в конечном счете, позволяет учащемуся утвердиться в самооценке своих возможностей.

«В одинаковой степени невозможен как абсолютно нетворческий, так и абсолютно творческий труд» [4, с. 105]. Поэтому самостоятельная работа творческого характера должна сочетаться с другими видами самостоятельной работы, что оказывает значительное влияние на глубину и прочность знаний учащихся по предмету, на темп усвоения нового материала, на формирование опыта творческой деятельности учащихся и их творческую активность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. Аксютина, И. В. Формирование творческой самостоятельности школьников как фактор развития субъектов образования / И. В. Аксютина // Современные достижения в науке и образовании: математика и информатика: матер. междунар. науч.-практ. конф. (Архангельск, 1–5 февраля 2010 г.). Архангельск: КИРА, 2010. С. 313–316.
- 2. *Аксютина, И. В.* Использование логических задач для организации творческой самостоятельной работы учащихся / И. В. Аксютина // Научный потенциал регионов на службу модернизации : межвуз. сб. науч. тр. Астрахань : ГАОУ АО ВПО «АИСИ», 2012. № 1 (2). С. 225–230.
- 3. *Аксютина, И. В.* Работа с отдельными источниками информации как одно из средств формирования у учеников готовности к самообразованию / И. В. Аксютина // Синергетические идеи в образовании : сб. науч. тр. Первой Всерос. науч.-практ. конф. «Образование. Синергетика и новое мировидение», Астрахань, 13–15 апреля. 2006. Астрахань, 2006. С. 201.
- 4. *Гусев, В. А.* Психолого-педагогические основы обучения математике / В. А. Гусев. М. : ООО «Издательство «Вербум-М», ООО «Издательский центр «Академия», 2003. 432 с.

УДК 316 ББК 60.54

Ю. Г. Миронова, Л. И. Зулькорнеева

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Астраханский государственный университет

E-mail: lysjakova@mail.ru

Статья посвящена анализу уровня толерантности и особенностям ее проявления у студентов современного вуза. Выявляются факторы, влияющие на формирование и уровень толерантности. Описывается опыт формирования толерантности в студенческой среде вуза посредством проектов «Социализации», на основе идеологии СDIO, когда студенты в процессе обучения получают не только набор теоретических знаний, но и практические навыки в области личностных коммуникаций, развитие своих творческих способностей и повышения уровня толерантности.

Ключевые слова: толерантность, интолерантность, студенческая молодежь, образовательная среда, проекты социализации студентов.

J. G. Mironova, L. I. Zulkorneeva

TOLERANCE AND INTOLERANCE AMONG STUDENTS OF MODERN UNIVERSITY

Astrakhan State University

The article analyzes the level of tolerance, and especially its manifestations in contemporary university students. Identify the factors influencing the formation and the level of tolerance. The experience of formation of tolerance among the students of the university on the project funds "socialization", based on the ideology of CDIO, when students in the learning process are not only a set of theoretical knowledge and practical skills in the field of personal communication, the development of their creative abilities and increase tolerance.

Keywords: tolerance, intolerance, students, educational environment, projects socialization of students.

Активно протекающие в современном мире процессы глобализации ставят его существование и развитие в непосредственную зависимость от того, насколько успешно смогут ужиться между собой различные этнические и конфессиональные группы и общности, обладающие различными, а часто и противоположными культурными ценностями. Глобализация, быстрый рост городов и высокая социальная мобильность, развитие коммуникаций и процессы интеграции, – все это превратило любые проявления нетерпимости и интолерантности в серьезную потенциальную опасность для всего мирового сообщества [4].

Структура населения Российской Федерации характеризуется полиэтническим составом, в котором, по данным последней переписи населения, проведенной в 2010 году, насчитывается более 180 этносов и входящих в них этнических групп. Поэтому России как многонациональной стране жизненно необходима продуманная государственная политика в области формирования толерантности, в том числе с помощью системы образования. В связи с этим была создана Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе». Одним из ее важнейших пунктов стало заявление о необходимости использования «в полной мере возможностей отечественной системы образования при решении задач формирования установок толерантного поведения у молодежи, профилактики национализма и экстремизма, уменьшения риска социальных взрывов». Таким образом, можно говорить о том, что именно система образования призвана формировать толерантную личность, придерживающуюся плюралистических идей и ценящую культурное наследие общества [2].

Особое значение эта проблема приобрела на Юге России, в регионе со сложной этнической и конфессиональной структурой, острыми социальными, политическими и этническими противоречиями. Анализ проблемы показывает, что экстремизм в России «молодеет», наиболее часто совершают преступления, в частности, на этнической почве, именно молодые люди в возрасте 15–25 лет, что актуализирует проблему формирования этнической толерантности в молодежной среде [1].

Толерантность как социальный феномен представляет собой сложное и многогранное явление, требующее для объективного исследования определения критериев и индикаторов измерения. Вы-

[©] Миронова Ю. Г., Зулькорнеева Л. И., 2015

деляемые виды толерантности — личностная, этническая, социальная и политическая — обладают своими особенностями и специфическими свойствами. Основными индикаторами толерантности являются национальный вопрос в сфере экономических и трудовых отношений, этнические предрассудки в оценке социальной ситуации, вовлеченность в этнический дискурс, оценка социальной дистанции [3].

Являясь одним из самых полиэтничных регионов России, Астраханская область представляет собой особый интерес для изучения уровня толерантности молодежи. Астраханский государственный университет (АГУ) на данный момент является одним из крупнейших вузов региона, в котором обучается свыше двенадцати тысяч студентов разных национальностей и конфессий. Поэтому для университета особенно актуальным является формирование толерантной социокультурной среды в вузе.

С целью выявить уровень и особенности проявления толерантности студентов Астраханского государственного университета «Центром социологических исследований» было проведено социологическое исследование «Толерантность и интолерантность в студенческой среде». В социологическом опросе, проводимом в 2014—2015 учебном году, приняло участие 459 студентов всех курсов и факультетов АГУ, основным методом выступил метод анкетирования.

Решение поставленных в исследовании задач подразумевало выявление того, каким образом студенческая молодежь понимает термин «толерантность». Исходя из полученных данных можно заключить, что преимущественное большинство студентов определяют толерантность как терпимое отношение к другому образу жизни (79,1 %). Понятием, синонимичным толерантности, большинством респондентов была названа терпимость (77,8 %), в то же время 15 % всех опрошенных отнесли к синонимам толерантности понятие «великодушие».

Главными составляющими толерантности, по мнению респондентов, являются «миролюбивость» (48,1 %) и «терпимость» (43,8 %). Такие результаты показали, что уже представленный ограниченный перечень вариантов ответов на вопрос не вызвал желания у респондентов добавлять что-то по своей инициативе.

Одна из задач социологического исследования подразумевала выявление факторов, влияющих на формирование и уровень толерантности. Студенты выделили следующие факторы, влияние которых, по их мнению, может стать причиной интолерантных взаимоотношений между представителями различных национальных групп:

- 1-е место экономический фактор, который включает в себя уровень экономической развитости всех субъектов взаимодействия («Экономически отсталые национальные (этнические) общности хотят жить за счет экономически успешных общностей») и взаимоотношения коренного населения и мигрантов в сфере труда и занятости («Этнические мигранты занимают рабочие места представителей коренных жителей»);
- 2-е место исторически сложившиеся национальные и религиозные особенности каждой национальной группы (менталитет), которые могут играть большую роль при столкновении интересов различных этнических групп;
- 3-е место политический фактор, к которому респонденты отнесли выгоду национальных конфликтов для продвижения своих политических интересов различных политических элит;
- 4-е место личностный фактор, характеризующийся особенностями поведения, личностных качеств и системы ценностей, сформированных в процессе социализации индивида.

Стереотипы, существующие в общественном мнении, были выделены респондентами как отдельный важный фактор, влияющий на характер взаимоотношений представителей различных групп. Сформировавшись в общественном сознании, стереотипы мнения о той или иной национальности могут предопределить отношение к ней других этнических групп и общностей, по мнению респондентов.

Анализ личностных установок респондентов показал наличие определенного противоречия. Так, определяя толерантность в качестве терпимости, большинство участников опроса считают себя терпимыми к различным национальным группам и конфессиям (87,9 и 82,7 % соответственно). При этом 75,2 % опрошенных испытывают дискомфорт при общении с представителями других национальностей и 28,3 % испытывают раздражение, когда в их присутствии разговаривают на другом, непонятном для них, языке. Корреляционный анализ продемонстрировал наличие дос-

ИЗВЕСТИЯ ВОЛГГТУ 129

товерных взаимозависимостей между переменными уровня терпимости и показателями дискомфорта при общении с представителями других национальностей. Это говорит о наличии обратной зависимости между этими переменными: чем больше студенты оценивают уровень своей терпимости, тем меньшую степень дискомфорта и негативных чувств в отношении других национальных групп они испытывают.

К миграции студенты относятся как к процессу, характерному для любого развитого общества. Однако при выявлении корреляционной зависимости между переменными уровня терпимости студентов и степени их согласия с суждением о намеренном вытеснении мигрантами традиций коренного народа выявилась очень слабая отрицательная зависимость (*R*=0,199). Это подтверждает анализ сопряженности, который продемонстрировал, что несмотря на то, что абсолютное большинство респондентов (77,8 %) считают себя терпимыми к представителям других национальностей, 45,7 % разделяют мнение о том, что мигранты пытаются вытеснять традиции и обычаи коренных жителей, требуя уважения к своим.

Абсолютное большинство студентов причисляют себя к толерантной молодежи. Наличие корреляционных взаимосвязей подтверждает большее превалирование толерантных установок у девушек, чем у юношей. Исследование показало, что к основным факторам, детерминирующим формирование толерантности, студенты относят прежде всего семью и личностные качества человека и его ближайшее окружение. Система образования в настоящее время, по мнению респондентов, играет не такую важную роль, какую могла играть. Для изменения сложившейся ситуации студенты предложили изменить характер мероприятий, направленных на повышение уровня толерантности, трансформировать их в групповые тренинги и игровые формы, тем самым сделать их более интересными и легкими для восприятия студенчества.

Специфика проявления толерантности студенческой молодежи состоит в высоком уровне декларации этнической толерантности при реальном наличии негативного отношения к мигрантам (и при полной личной готовности переехать в другой регион или государство). Наконец, при обозначении таких важных факторов, влияющих на уровень толерантности молодежи, как семья и близкое окружение индивида, основными способами повышения уровня толерантности студенты считают проведение мероприятий и реализацию программ в сфере образования и культурномассового досуга.

Астраханский государственный университет в 2012 году стал членом Международной группы ведущих университетов мира – Всемирной инициативы СДІО (МІТ, Гарвард, Торонто и др.). Аббревиатура CDIO расшифровывается как «Задумка – Проектирование – Реализация – Управление» и называет четыре основных стадии процесса создания и реализации интеллектуального продукта. Идеология CDIO заключается в том, что студенты в процессе обучения должны получить не только набор теоретических знаний, но и практических навыков в области личностных коммуникаций, включенности в профессиональную деятельность, развития своих творческих способностей и повышения уровня толерантности. На основе этой идеологии в АГУ стартовала программа «Социализации», под которой понимается процесс включения каждого студента в контексты и условия образовательной среды, определяющей его личностное, межличностное и профессиональное становление и формирование благоприятной толерантной среды межличностного общения. Особое внимание в Программе уделяется студенческому сообществу, студенты обладают полной информацией о происходящих в вузе мероприятиях. В марте 2013 года в университете стартовал цикл студенческих проектов по разным интересным направлениям таким, как «Фестиваль студенческих театров факультетов», «Подиум», «Студенческие спортивные клубы» и др. Реализация данных проектов полностью осуществлялась силами студентов, основную организационную роль в реализации данных проектов выполняют студенческие общественные объединения: КССУ и Студенческая дирекция по поддержке социализации. Основной целью создания в Астраханском государственном университете Студенческой дирекции по поддержке социализации (СДПС) стала мобилизация и интенсификация студенческих инициатив в области формирования благоприятной и толерантной образовательной среды. Студенческое сообщество самостоятельно выступает с предложениями по организации и функционированию дирекции, определяет деятельность спортивных и творческих клубов, самостоятельно выбирает их руководителей и каждый семестр определяет направления проектов «Социализации». Между руководством АГУ, профессорско-преподавательским составом и студенческим сообществом сформировались тесные партнерские отношения. Реализация программы «Социализации» в Астраханском государственном университете способствует повышению уровня толерантности в студенческой среде, а также в межнациональном и межконфессиональном пространстве Юга России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. *Гаджигасанова*, *Н. С.* Особенности этнической самоидентификации молодежи в условиях социальной трансформации российского общества / Н. С. Гаджигасанова // Казанская наука. 2009. № 1. С. 370–375.
- 2. Hарежная, O. A. Этническая толерантность студенческой молодежи Ростовской области / O. A. Нарежная // Социально-гуманитарные знания. -2009. −№ 11. -C 123–-131.
- 3. *Чебыкина*, О. А. Системный анализ подходов к понятию «толерантность» / О. А. Чебыкина // Электронный журнал «Психологическая наука и образование». 2012. № 2 [Электронный ресурс] URL: www.psyedu.ru.
- 4. *Шлягина*, Е. И. Исследования этнической толерантности / Е. И. Шлягина // Национальный психологический журнал. 2011. № 2(6). С. 80–89.

УДК 37.014, 37.017 ББК 60.5

Л. Ф. Абросимова

ВОСПИТАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ И КУЛЬТУРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОСНОВЫ СТАБИЛЬНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Российский государственный социальный университет, Филиал в г. Пятигорске

E-mail: Abrosimova.Lyudmila@list.ru

Статья посвящена анализу проблем воспитания культуры межнационального и межконфессионального общения в процессе профессиональной подготовки специалистов в высшем учебном заведении.

Ключевые слова: толерантность, воспитание, культура, образование, российское общество, духовные ценности.

L. F. Abrosimova

EDUCATION TOLERANCE AND CULTURE OF INTERETHNIC COMMUNICATION IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM AS A BASIS OF STABLE FUNCTIONING OF THE RUSSIAN SOCIETY

Branch of Russian State Social University in Pyatigorsk

Article is devoted the analysis of the problems of education of culture of interethnic and interreligious dialogue in the course of professional training in higher education.

Keywords: tolerance, education, culture, Russian society, spiritual values.

Перед учащимися различных учебных заведений в процессе обучения и воспитания встает проблема овладения навыками жизни в обществе, вступления во взрослую жизнь, социализации. И в этом случае на первый план выходит задача, связанная с осознанием, что Россия – страна многих национальностей, следовательно, «нужно учиться жить и успешно общаться в условиях многоэтничности, многоконфессиональности» [7, с. 127]. С данным вопросом связано большинство противоречий современной российской жизни.

Трудности и противоречия современного проживания народов часто создают неблагоприятную ситуацию в области межнациональных отношений. «Россия – гигантский конгломерат народов... Российское этническое разнообразие ведет свое начало с имперского периода российской истории, с послепетровского времени, с XVIII в. Именно в этот период в состав России вошли те народы, которые и по сей день составляют основу ее этнического разнообразия [4, с. 34]. Не будет преувеличением утверждать, что именно с этого момента Россия стала грандиозной генетической и психологической лабораторией, в которой испытываются различные способы совместного су-

[©] Абросимова Л. Ф., 2015

ществования необычайного разнообразия этносов и соответствующих им языков, культур, верований. Несомненно, что генетическое разнообразие России явилось одним из тех факторов, который позволял и позволяет добиваться успехов в самых различных видах человеческой деятельности. Этническое и культурное разнообразие России стало предпосылкой грандиозных свершений, которыми вправе гордиться каждый россиянин. Оно является залогом таких свершений в будущем» [7, с. 121].

Наличие ценностей духовного порядка является важнейшим условием существования каждого народа. Цинизм, то есть отрицание духовных ценностей, не может быть идеологией ни одной нации, ни одного человеческого сообщества, если этот народ или сообщество стремится не к самоубийству, а к полноценной жизни и творчеству. Цинизм и безверие ведут к забвению элементарных понятий, без которых человеческое общество немыслимо.

По мнению выдающегося российского филолога и искусствоведа Д. С. Лихачева, автора фундаментальных трудов, посвященных истории русской литературы, изучение произведений искусства художников-творцов разных национальностей в процессе воспитания подрастающих поколений, помимо эстетической, несет в себе и нравственную нагрузку. Искусство, считал Д. С. Лихачев, «внушает уважение к народам — его создателям. Оно обращено против национализма, ибо глубоко воспринимает национальные ценности, созданные другими» [3, с. 4]. «Именно по произведениям искусства мы судим о духе народа, о странах, городах и их жителях. Восприятие «другого», познание «другой» нации — есть сознание существования самого себя за пределами себя, сознание своего народа в окружении других... Если мы глубоко понимаем другого, другой народ, — мы уже не можем быть к нему враждебны... Вот почему музеи — это всегда лектории, училища, центры эстетического и нравственного воспитания» [3, с. 3].

Современная культура в кризисе. Большинство людей не знают, что такое культура, не понимают значения этого слова что, в конечном счете, и является первым признаком бескультурья современного общества. На это обращал внимание и писал еще в 1988 году один из умнейших, культурнейших и честнейших людей современной России академик Д. С. Лихачев в своей статье «Память продлевает время»: «...На ...пути нравственного совершенствования народа была поставлена стена отрицания истинных художественных ценностей, забвения и замалчивания целых исторических периодов, исторических деятелей, — система бюрократизма... Массами должна овладеть идея культуры и творческого отношения к культурному наследию..., гордость своей начитанностью, знанием памятников классической литературы, своей эстетической требовательностью». Последнее особенно актуально в наше время, так как незнание таких основных понятий, как нравственность, духовность, высшие ценности препятствует возможности выстроить позитивные, конструктивные, прогрессивные и продуктивные взаимоотношения в обществе. Сейчас можно с уверенностью говорить, что многие беды в России происходят от возрастающей бездуховности и безнравственности людей [3, с. 1].

По мнению Д. С. Лихачева, «...надо привлекать молодых людей к реставрации в городах... хотя бы одного архитектурного памятника и к организации в отреставрированном здании молодежного центра культуры. Пусть там будет видеотека, устраиваются передвижные выставки, звучит современная и классическая музыка. Каждый такой спасенный памятник может стать центром консолидации культурных сил» [3, с. 2].

Общеизвестно, что национальная рознь нередко питается элементарным незнанием, неосведомленностью, запретом на публичное обсуждение национальных вопросов. Запретность, в свою очередь, ведет к недостатку навыков деликатности, терпимости, учета сложности и тонкости всех вопросов, относящихся к теме межнациональных отношений. «В целом для россиян характерно отсутствие чрезмерного внимания к вопросу о национальной принадлежности... Культура межнационального общения в России, в общем, достаточно высока, что, конечно, не исключает возникающих время от времени всплесков агрессивности на национальной почве» [7, с. 149].

В традициях российского народа, русской культуры изначально было заложено терпимое, толерантное отношение к другим нациям и национальностям. «Лучшим представителям русской интеллигенции, — писал Д. С. Лихачев, — никогда не было свойственно высокомерное отношение к другим народам... Русская культура всегда, с самого начала была культурой различных народов, объединенных Русью, единой государственностью. Древняя Русь отличалась полным отсутствием расовой предубежденности против тех, на кого она распространяла свое влияние. Ни в одном древнерусском документе нет расовых шовинистических мотивов... расового презрения. Наш исторический опыт позволяет утверждать, что русская культура была открыта для других народов и активно впитывала их опыт. Именно благодаря этому русская культура стала великой культурой... Во всяком национализме есть отсутствие национального достоинства, отсутствие самоуважения, ведь великий народ должен, уважая себя, уважать и другие народы... Своеобразие нации создается общением, а не замкнутостью, добротой к другим, а не злостью» [3, с. 4].

Избежит ли Россия в дальнейшем серьезных столкновений и противоречий межэтнического характера, зависит только от позитивных усилий самих людей. Этот вопрос находится в сфере человеческих взаимоотношений.

«Культуры разных народов развиваются в общении друг с другом. Если этого общения нет, культура умирает, пропадают даже ее специфические национальные черты. Сами национальные черты вырабатываются и обогащаются в общении с другими культурами... Многонациональность нашей страны требует особенного внимания ко всему, что способствует взаимопониманию между народами. Без этого невозможна и национальная индивидуальность» [3, с. 5].

Крайне важно понять, что в области межнациональных отношений нет ничего менее продуктивного и более опасного, чем идти по пути «сведения счетов» и взаимных препирательств. Единственный прогрессивный путь – стремление понять «другого», иного, чужого, непонятного и поэтому вызывающего подозрение. Этот путь сложен и требует особых интеллектуальных и духовно-нравственных усилий и не обещает быстрых и простых решений.

В данных условиях важную роль может играть усиление внимания в вузах к изучению русского языка и русской культуры. Именно овладение национально-государственным языком и историей русской культуры может стать основой устойчивой интеграции индивида в российское общество.

В филиале Российского государственного социального университета в Пятигорске стало традиционным проведение научно-практических конференций, круглых столов и дискуссий по наиболее острым проблемам, касающимся духовной жизни современного общества.

Круглый стол «Через традиции к межнациональному единству», состоявшийся 26 марта 2015 года, собрал 82 человека из числа студентов и преподавателей филиала, представителей администрации г.-к. Пятигорска, религиозных организаций и общественности города, а также всех заинтересованных и неравнодушных к вопросам формирования межнационального согласия и единства в современном российском обществе.

Научно-практическое мероприятие было посвящено обсуждению современных вопросов, проблем и тенденций укрепления гражданского единства и межнационального согласия в современной России.

Целями круглого стола стали: 1) обсуждение путей гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений и этнокультурного развития российских народов; 2) анализ ключевых вопросов реализации государственной национальной политики на федеральном и региональном уровнях; 3) изучение отечественного и зарубежного опыта достижения гражданского мира.

В ходе круглого стола были поставлены следующие задачи:

- 1. Изучить исторический опыт и современные решения межэтнических и межконфессиональных проблем в регионе КМВ.
- 2. Обозначить пути и способы достижения гражданского единства в современном российском государстве.
- Рассмотреть механизмы реализации принципов межнационального согласия в полиэтничной среде Кавказа.
- 4. Показать роль РГСУ в организации и проведении фундаментальных и прикладных научных исследований по вопросу формирования культуры толерантности как основы межнационального взаимодействия.

К обсуждению предлагались следующие вопросы:

- 1. Роль и значение народных традиций в формировании межнациональных отношений.
- 2. Основные вопросы государственной национальной политики Российской Федерации.
- 3. Отечественный и зарубежный опыт достижения гражданского мира и согласия.

Выступления с докладами участников круглого стола были построены с учетом раскрытия потенциальных возможностей интеграции академической науки, высшего профессионального обра-

зования и практических результатов деятельности государственных учреждений по проблеме формирования культуры толерантности как основы межнационального взаимодействия.

Итогом Круглого стола стало заключение участников о том, что межэтнические отношения – очень тонкая и деликатная сфера, которая оказывает огромное влияние на общественно-политическую ситуацию в целом и поэтому требует постоянного и системного внимания общества и государства. А значит, вопросам укрепления межнационального согласия нужно уделять первостепенное внимание и впредь – проводить подобные мероприятия на постоянной основе с привлечением всех организаций и учреждений региона различных уровней и направлений деятельности.

«История России действительно уникальна хотя бы тем, что за многие века совместного существования – существования, полного суровых испытаний, – ни один этнический тип не исчез с лица земли, ни один народ не был уничтожен, не погиб в бурных водоворотах истории. Российское этническое разнообразие неуклонно возрастало и продолжает возрастать, ничто не предвещает того, что впредь будет по-иному» [4, с. 31]. Следовательно, нам необходимо отдавать себе полный отчет в том, что мы живем в многонациональной стране, что все мы разные и останемся разными и что нам нужно уметь жить вместе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. Верниенко, Л. В. Профессиональная ориентация в условиях полипрофессионализма деятельности / Л. В. Верниенко, Е. С. Кузьменко // Профессиональная ориентация. Изд-во : Научная автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский институт «Парадигма». Саратов, 2015. С. 12–14.
- 2. *Володин, Д. Н.* К вопросу об инновационных процессах в российской науке и системе образования : основные проблемы и пути их решения : монография / Д. Н. Володин, Н. Д. Суховеева ; Фил. ФГОУ ВПО «Российский гос. унттуризма и сервиса» в Пятигорске. Пятигорск, 2010.
- 3. Лихачев, Д. C. Память продлевает время / Д. C. Лихачев // Журнал «Наше наследие». − M. : Издательство «Искусство», 1988. − № 1.
- 4. *Павлюк*, *С. В.* Ценностные приоритеты современной молодежи / С. В. Павлюк, М. Д. Пруцкова // Научный рецензируемый журнал универсальной тематики «KANT». № 2 (15). Ставрополь : ООО «Издательство СТАВРОЛИТ», 2015. С. 65–66.
- 5. *Тишков*, В. А. Концептуальная эволюция национальной политики в России / В. А. Тишков // Национальная политика России : история и современность. М., 1997.
 - 6. Шаповалов, В. Ф. Россиеведение / В. Ф. Шаповалов. М. : Издательство ТД «Гранд», 2001.

Научное издание

ИЗВЕСТИЯ

Волгоградского государственного технического университета N_2 7(167), 2015 г.

Серия «ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ» (Выпуск 21)

Межвузовский сборник научных статей

Редактор *Н. Н. Кваша* Компьютерная верстка *Е. В. Макаровой*

Темплан заказных изданий 2015 г. Поз. № 63. Подписано в печать 25.11.2015. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,81. Уч.-изд. л. 16,097. Тираж 100 экз. Заказ .

Волгоградский государственный технический университет. 400005, г. Волгоград, просп. В. И. Ленина, 28, корп. 1.

Отпечатано в типографии ИУНЛ ВолгГТУ. 400005, г. Волгоград, просп. В. И. Ленина, 28, корп. 7.

Научное периодическое издание «Известия Волгоградского государственного технического университета» (серия «Проблемы социально-гуманитарного знания») извещает, что статьи в ежегодный сборник принимаются на следующих условиях.

Материалы представляются на бумажном и электронном носителях по рубрикам: «Философия», «Социология», «Культурология», «Педагогика и психология», «Научная жизнь: хроника, события, комментарии», «Книжная полка». Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не соответствующие профилю издания или оформленные с нарушением требований.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Материалы статьи должны предоставляться в двух видах: печатном (A4, 1 экземпляр) и электронном. На электронном носителе название файла должно содержать первые буквы (латинские) фамилии первого автора и цифру, если автор подает более одной статьи.

- 1. Текст стать и набирается в редакторе Word for Windows: шрифт Times New Roman, размер -14, интервал -1,5. Распечатывается статья на белой бумаге (1 экз.). Поля: верхнее -20 мм, нижнее -30 мм, левое -25 мм, правое -25 мм.
- 2. Объем статьи -5-10 страниц, включая таблицы и библиографический список.
 - 3. Правила оформления статей.

Каждая статья должна включать следующие элементы издательского оформления:

- а) на русском и английском языках (полностью идентичные по содержанию):
 - заглавие и подзаголовочные данные;
 - фамилию, имя, отчество автора; ученое звание, ученую степень; должность и место работы. При наличии авторов из нескольких организаций необходимо звездочками указать принадлежность каждого автора;
 - e-mail;
 - аннотацию;
 - 5–8 ключевых слов или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой или точкой с запятой).
- б) на русском языке:
 - индекс УДК и ББК;
 - текст статьи:
 - библиографический список (при необходимости примечания, приложения).
- 4. Схема построения статьи: индекс УДК; далее на русском языке название статьи (прописными буквами); инициалы и фамилии авторов; наименование организации (или организаций); е-mail; аннотация, ключевые слова, далее на английском языке название статьи, инициалы и фамилии авторов, наименование организации (или организаций), аннотация, ключевые слова, на русском языке текст статьи, библиографический список. При наличии авторов из нескольких организаций звездочками указать принадлежность каждого автора.

Текст статьи набирается с применением автоматического переноса слов.

- 5. Таблицы представляются на отдельных листах и должны иметь порядковый номер (если их больше одной) и название. Сокращение слов в таблицах не допускается.
- 6. Рисунки выполняются на отдельных листах в графических редакторах Exel, Corel Draw и др. Размер рисунка не должен быть более стандартного листа формата A4.
- 7. Библиографический список представляется на отдельном листе и оформляется в соответствии со следующими правилами.

Оформление библиографических ссылок и примечаний

- Библиографические ссылки на пристатейный список литературы должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера.
- Пристатейный список литературы, озаглавленный как БИБЛИОГРАФИЧЕ-СКИЙ СПИСОК, составляется либо в алфавитном порядке, либо в порядке цитирования. Он должен быть оформлен согласно ГОСТу 7.1–2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания.
 - Образец оформления списка литературы:

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. *Бурдъе, П.* Социология политики: пер. с фр. / П. Бурдъе. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
- 2. Витенштейн, Л. Logisch-philosophische Abhadlung = Логико-философский трактат // Философские работы / Л. Витгенштейн; пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева; сост., вступ. ст., примеч. М. С. Козловой. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. 520 с.
- 3. *Гидденс*, Э. Социология / Э. Гидденс; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой и Л. Н. Иосилевича. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
- 4. *Качанов, Ю. Л.* Социальная реальность и пространство время социального мира / Ю. Л. Качанов // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2003 / под ред. Л. М. Дробижевой. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 57–74.
- 5. *Малинецкий, Г.* Выбор стратегии / Г. Малинецкий // Компьютерра. 2003. № 38 (513). С. 25–31.
- Имеющиеся примечания и комментарии помещаются перед списком литературы.

Фамилии авторов, полное название книг и журналов приводятся на языке оригинала. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

- 8. Статья должна быть подписана всеми авторами.
- 9. К статье должны быть приложены:

сведения об авторах (имя, отчество, фамилия, ученая степень, звание, место работы и должность автора, домашний адрес, номер телефона домашний и служебный, e-mail);

экспертное заключение о возможности опубликования в открытой печати для авторов из ВолгГТУ;

для аспирантов, соискателей – отзыв доктора наук по профилю представляемого материала (научного руководителя);

для всех — рецензия на статью (внешняя — от рецензента из другой организации, другого вуза).

Статьи принимаются ответственным секретарем сборника Надеждой Андреевной Овчар

г. Волгоград, пр. Ленина, 28, высотный корпус ВолгГТУ, кафедра истории, культуры и социологии, ауд. B-804, тел. (8442) 24–84–85, e-mail Izvest.VSTU@gmail.com

Иногородним авторам экземпляр журнала с публикацией высылается наложенным платежом.

Редакционный совет